

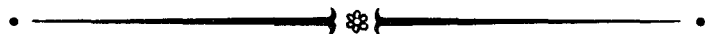
ГАСТОН ЛЕРУ
ТАЙНА
ЖЕЛТОЙ КОМНАТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1990

ГАСТОН ЛЕРУ

ТАЙНА
ЖЕЛТОЙ
КОМНАТЫ

Роман

Перевод с французского

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Gaston Leroux
LE MYSTÈRE DE LA CHAMBRE JAUNE

Перевод с французского
Н. Световидовой

Художник А. Вальдман

Л $\frac{4804010100-326}{M101(03)-90}$ 465—90

ISBN 5—08—001364—8

© Н. Световидова, 1990. Перевод на русский язык
© А. Вальдман, 1990. Иллюстрации

Глава I,
В КОТОРОЙ НАЧИНАЕШЬ НИЧЕГО НЕ ПОНИМАТЬ

Не без некоторого волнения начинаю я повествование о необычайных приключениях Жозефа Рультабия, который до сего дня решительно противился этому, так что в конце концов я уже отчаялся рассказать когда-нибудь об одной из любопытнейших полицейских историй последних пятнадцати лет. Мне даже думается, что широкая публика так никогда бы и не узнала *всей правды* об этом удивительном деле, известном под названием «Желтая комната» и породившем столько таинственных, жестоких и поразительных драм, к которому мой друг имел самое непосредственное отношение, если бы по случаю недавнего награждения знаменитого Станжерсона орденом Почетного легиона одна вечерняя газета не поместила жалкую в своем неведении или исполненную дерзкого вероломства статью, воскрешавшую ужасную историю, которую, по словам самого Жозефа Рультабия, лучше было бы навсегда предать забвению.

«Желтая комната»!.. Кто помнит теперь об этом деле, заставившем лет пятнадцать тому назад пролиться столько чернил? В Париже так быстро все забывается! Разве не кануло в вечность само название Найского процесса и трагическая история гибели малыша Менальдо? А между

тем в ту пору общественное мнение было буквально приковано к судебному разбирательству этого дела, и потому даже разразившийся тем временем правительственный кризис прошел никем не замеченным. Так вот процесс по делу «Желтой комнаты», предшествовавший Найскому процессу, наделал еще больше шуму. Весь мир в течение долгих месяцев бился над разрешением непостижимой загадки — самой непостижимой, насколько я знаю, из всех, когда-либо предложенных нашей полиции, и посланной, казалось, для испытания ее проницательности и совести наших судей. Решения этой вызывающей полную растерянность загадки искали все. Это был своего рода драматический ребус, над которым усердствовали и старушка Европа, и юная Америка. Ибо в действительности — я могу себе позволить такое замечание, не опасаясь нанести оскорбления авторскому самолюбию, так как всего лишь излагаю факты, на которые мне поможет пролить свет исключительная документация, которой я располагаю, — так вот, в действительности ни реальная жизнь, ни воображение, даже если обратиться к автору «Убийства на улице Морг» или к изобретательным последователям Эдгара По, а то и к ярким подражателям Конан Дойла, не могут подсказать что-либо подобное этой тайне, естественной тайне Желтой комнаты.

И представьте себе, разгадку, которую никто не мог отыскать, предложил нам юный Жозеф Рультабий, а было ему в то время всего восемнадцать лет, и работал он скромным репортером в одной солидной газете. Однако, когда он явился в суд с ключом от этой тайны, он рассказал не всю правду, а только то, что требовалось для того, чтобы «объяснить необъяснимое» и оправдать невиновного. Причины, заставлявшие его тогда молчать, сегодня исчезли. Мало того, теперь мой друг просто обязан говорить, и потому вы узнаете все. Так что без дальних предисловий я изложу вам загадку Желтой комнаты в том виде, в каком она предстала перед всем миром на другой день после несчастья, случившегося в замке Гландье.

25 октября 1892 года в последнем выпуске газеты «Тан» появилась заметка следующего содержания:

«Ужасное преступление совершено в замке Гландье, расположенном над Эпине-сюр-Орж, на опушке леса святой Женеьевы. Минувшей ночью, в то время, когда хозяин замка, профессор Станжерсон, работал в своей лаборато-

рии, кто-то пытался убить мадемуазель Станжерсон, отдыхавшую в комнате, прилегающей к этой лаборатории. Врачи не ручаются за жизнь мадемуазель Станжерсон».

Вообразите себе волнение, охватившее Париж. Уже в ту пору ученый мир с огромным интересом следил за работами профессора Станжерсона и его дочери. Это были первые исследования в области рентгенографии, они-то и привели впоследствии г-на и г-жу Кюри к открытию радия. К тому же в тот момент с нетерпением ожидали выступления профессора Станжерсона в Академии наук, где он должен был читать сенсационный доклад, посвященный его новой теории: *распад материи* — теории, призванной до основания пошатнуть всю официальную науку, которая с давних пор базируется на принципах, вытекающих из закона сохранения веса веществ и закона сохранения и превращения энергии.

На следующий день об этой драме писали все утренние газеты. «Матен», например, опубликовала следующую статью, которая называлась «Сверхъестественное преступление»:

«Вот скудные сведения, — писал корреспондент газеты «Матен», пожелавший остаться неизвестным, — которыми мы располагаем относительно преступления в замке Гландье. Состояние отчаяния, в котором пребывает профессор Станжерсон, невозможность услышать показания самой жертвы — все это крайне затрудняет дело, мешая и нам, и правосудию проводить расследование, поэтому в настоящий момент просто невозможно хоть в какой-то мере представить себе то, что произошло в Желтой комнате, где на полу, в ночной сорочке, нашли жалобно стонавшую мадемуазель Станжерсон. Однако нам удалось расспросить папашу Жака — так называют в округе старого слугу семейства Станжерсон. Папаша Жак вошел в Желтую комнату вместе с профессором. Эта комната соседствует с лабораторией. Лаборатория и Желтая комната находятся во флигеле в глубине парка, примерно в трехстах метрах от замка.

— Было половина первого, — рассказывал нам этот славный (?) человек, — я находился в лаборатории, где все еще работал господин Станжерсон, тут-то все и началось. Весь вечер я мыл и раскладывал инструменты, дожидаясь, пока господин Станжерсон отправится спать. Мадемуазель Матильда работала со своим отцом до полуночи; когда же

стенные часы в лаборатории пробили двенадцать, она встала, поцеловала господина Станжерсона и пожелала ему спокойной ночи. А мне сказала: «Доброй ночи, папаша Жак» — и открыла дверь в Желтую комнату. Мы слышали, как она заперла эту дверь на ключ, да еще на задвижку, так что я, не удержавшись от смеха, сказал своему господину: «Ну вот, мадемуазель запирается на два запора. Не иначе как она боится Божьей твари!» Но господин даже не услышал меня, так он был занят работой. Зато снаружи в это время донеслось отвратительное мяуканье, я тотчас узнал голос Божьей твари — поверите ли, от него мороз подирает по коже... «Неужели и сегодня нам не спать из-за нее?» — подумал я. Потому что, надо вам сказать, сударь, я до конца октября живу наверху во флигеле, как раз над Желтой комнатой, чтобы не оставлять мадемуазель совсем одну ночью в парке. Это идея мадемуазель — жить в хорошую погоду во флигеле, он ей кажется веселее, чем замок, и вот уже четыре года, с тех пор как его построили, она каждую весну переселяется туда. А когда наступает зима, мадемуазель возвращается в замок, потому что в Желтой комнате нет камина.

Так вот, стало быть, мы с господином Станжерсоном оставались во флигеле. Сидели мы тихо. Он за письменным столом, а я на стуле. Работу свою я уже закончил, поэтому просто глядел на него и думал: «Какой человек! Какой ум! Какой светлый ум!» Мне кажется это важным — то, что мы не делали никакого шума, потому что из-за этого убийца наверняка и решил, что мы уже ушли. И вдруг — часы как раз пробили полпервого — в Желтой комнате раздался отчаянный крик. Это был голос мадемуазель, она кричала: «Спасите! Спасите! Помогите!» Тут послышались выстрелы из револьвера, потом грохот перевернутого стола, опрокинутой мебели, как во время борьбы, и снова голос мадемуазель, кричавшей: «Спасите!.. Помогите!.. Папа! Папа!»

Вы, конечно, понимаете, что мы сразу же бросились туда — господин Станжерсон и я, — мы навалились на дверь. Но увы! Она была заперта, как я вам уже говорил, крепко заперта *изнутри* самой мадемуазель на ключ, да еще на задвижку. Мы пытались расшатать ее, но дверь была прочной. Господин Станжерсон совсем обезумел, и, по правде говоря, было от чего обезуметь, потому что мы слышали, как стонала мадемуазель: «Помогите!.. Помогите!..» И господин Станжерсон изо всех сил колотил в дверь,

и плакал от бешенства, и рыдал от отчаяния и своей беспомощности.

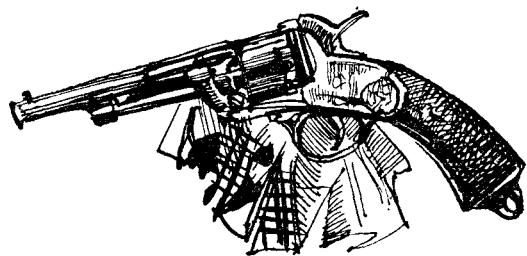
И тут меня словно осенило. «Убийца, наверное, проник через окно, — решил я, — надо бежать к окну!» И я как одержимый бросился бегом из флигеля!

Только, к несчастью, окно-то Желтой комнаты выходит в поле, так что ограда парка, которая упирается во флигель, мешала мне сразу же очутиться у этого окна. Чтобы добраться до него, сначала надо было выйти из парка. Я побежал к воротам и встретил по дороге Бернье и его жену, сторожей, которых всполошили выстрелы и наши крики. Я в двух словах рассказал им о том, что произошло, и велел сторожу немедленно бежать на помощь господину Станжерсону, а его жене — идти со мной, чтобы открыть ворота парка. Через пять минут мы с ней уже были у окна Желтой комнаты. Ярко светила луна, поэтому я сразу увидел, что окно не тронута. Не только решетка была цела, но и ставни за решеткой оказались закрыты, я ведь сам их запер еще вечером, как делал это обычно, хотя мадемуазель, зная, до чего я устал и заработался, сказала, чтобы я не беспокоился, что она сама их закроет. Так что они тоже были нетронуты и закреплены моими стараниями железной щеколдой изнутри. Стало быть, убийца залез не через окно и убежать отсюда не мог, но зато и я тоже не мог проникнуть в комнату!

Вот уж истинное несчастье! Голову можно было потерять от всего этого. Дверь комнаты заперта на ключ изнутри, ставни единственного окна тоже заперты изнутри, а поверх ставен — нетронутая решетка, решетка, сквозь которую и руку не просунешь... А мадемуазель звала на помощь!.. Или, вернее, нет, ее уже не было слышно... Может, ее и в живых-то не было... Зато я слышал, как в глубине флигеля мой господин все еще пытался сокрушить дверь...

Мы бросились обратно — жена сторожа и я, — и вот мы уже во флигеле. Дверь по-прежнему не поддавалась, несмотря на яростные удары господина Станжерсона и Бернье. Потом в конце концов она все-таки уступила под нашим бешеным натиском — и что же мы увидели? А надо вам сказать, что сторож, стоявший сзади, держал лабораторную лампу, лампа была мощной и освещала всю комнату.

И еще, сударь, чтоб не забыть: Желтая комната совсем крохотная. Мадемуазель поставила туда железную

кровать — довольно широкую, — маленький стол, тумбочку, туалетный столик и два стула. Поэтому в ярком свете лампы мы сразу же все разглядели. Мадемуазель в ночной сорочке лежала на полу среди немислимого беспорядка. Опрокинутые столы и стулья говорили о том, что здесь шла страшная баталия. Мадемуазель, наверное, вытащили из кровати, она была вся в крови, с ужасными следами от ногтей на шее — кожа на шее, можно сказать, была содрана этими ногтями, и на правом виске — ранка, из которой текла струйка крови, так что на полу образовалась небольшая лужица. Когда господин Станжерсон увидел свою дочь в таком состоянии, он бросился к ней с отчаянным криком, на них больно было смотреть. Удостоверившись, что несчастная еще дышит, он занялся только ею. А мы... Мы стали искать убийцу, того самого негодяя, который хотел убить нашу хозяйку, и клянусь вам, сударь, если бы мы нашли его, то уж мы бы с ним рассчитались, можете не сомневаться. Только его там не было. Как это объяснить, не знаю. И когда он мог убежать?... Это выше всякого понимания. Под кроватью — никого, за столами и стульями — никого. В общем, нигде и никого! Мы обнаружили только его следы — кровавые отметины широкой мужской руки на стенах и на двери, большой носовой платок без всяких инициалов, покрасневший от крови, старый берет да еще свежий отпечаток мужской ноги во многих местах на полу. У человека, который побывал здесь, была большая нога, его каблучки оставили после себя нечто вроде черноватой сажи или нагара. Откуда появился здесь этот человек? Куда он исчез? Не забывайте, сударь, что в Желтой комнате нет камина. Убежать через дверь он не мог, она слишком узкая, к тому же на пороге стоял сторож со своей лампой, а потом мы со сторожем искали убийцу на этом крохотном квадрате комнаты, где просто невозможно спрятаться и где в конечном счете мы так никого и не нашли. За выбитой и прислоненной к стене дверью спрятаться тоже было нельзя, но мы все-таки проверили. Через запертое окно с закрытыми ставнями и нетронутой решеткой убежать и вовсе было нельзя. В таком случае... Словом, я уже готов был поверить в дьявола.

Но тут на полу мы нашли *мой* револьвер. Да, да, мой собственный револьвер... И это... это помогло мне вернуться к действительности! Чтобы убить мадемуазель, дьяволу незачем было бы красть у меня револьвер. А вот

человек, который был здесь, сначала поднялся ко мне на чердак, взял в моем ящике револьвер и воспользовался им со злым умыслом. Проверив патроны, мы обнаружили, что убийца стрелял из револьвера дважды. Согласитесь, сударь, что при таком-то несчастье мне еще, можно сказать, повезло: когда все началось, господин Станжерсон находился здесь, в своей лаборатории, и собственными глазами видел, что я тоже был здесь, рядом, а не то, сами посудите, вся эта история с револьвером... куда бы она нас завела? По-моему, я уже угодил бы за решетку. У судей, сами знаете, разговор короткий, им ничего не стоит отправить человека на виселицу!»

Это интервью корреспондент газеты «Матен» сопроводил такими строками:

«Мы дали возможность папаше Жаку, не прерывая его, рассказать нам в общих чертах то, что ему известно о преступлении в Желтой комнате. Мы воспроизвели его рассказ слово в слово, опустив лишь — из сострадания к читателю — бесконечные причитания, которыми он сдабривал свое повествование. Конечно, ну конечно же, папаша Жак! Конечно, вы любите своих хозяев! Вам хочется, чтобы все об этом узнали, и вы неустанно повторяете это, особенно после того, как обнаружили револьвер. Конечно, это ваше право, и никто с этим не спорит! Разумеется, нам хотелось бы задать папаше Жаку — Жаку-Луи Мустье — еще несколько вопросов, но в этот момент за ним как раз прислал судебный следователь, продолжавший допрос в большом зале замка. Проникнуть в замок Гландье нам так и не удалось, что же касается дубравы, то ее, взяв в кольцо, ревностно стерегут полицейские, охраняя каждый след, ведущий к флигелю, ведь он может оказаться следом убийцы.

И само собой разумеется, нам хотелось бы порасспросить и сторожа, и его жену, но их нигде не было видно. Тогда мы решили заглянуть в маленькую харчевню, расположенную неподалеку от входа в замок, чтобы дожидаться там появления г-на де Марке, судебного следователя из Корбе. В половине шестого мы и в самом деле увидели его вместе с судейским секретарем. Прежде чем он успел сесть в машину, нам удалось задать ему следующий вопрос:

— Не могли бы вы, господин де Марке, сообщить нам некоторые сведения относительно этого дела, при условии, конечно, что это не повредит расследованию?

— К сожалению, мы ничего не можем сказать, — от-

ветил г-н де Марке. — Пожалуй, это самое странное из всех известных мне дел. Едва нам начинает казаться, будто мы что-то узнали, как тут же выясняется, что мы равным счетом ничего не знаем!

Мы попросили г-на де Марке оказать любезность и объяснить свои последние слова. Вот что он ответил на это, и, думается, важность его заявления трудно переоценить:

— Если к вещественным доказательствам, собранным на сегодняшний день следствием, ничего не прибавится, боюсь, что тайна, которая окутывает гнусное покушение, жертвой которого стала мадемуазель Станжерсон, прояснится не скоро. Однако *во имя здравого смысла* не следует терять надежды на то, что зондаж стен, потолка и пола Желтой комнаты, зондаж, к которому я приступлю с завтрашнего дня вместе с подрядчиком, построившим четыре года назад этот флигель, принесет нам неоспоримое доказательство того, что никогда не надо терять веры в логику вещей. Ибо проблема состоит в следующем: мы знаем, каким путем убийца вошел: он вошел через дверь и спрятался под кроватью в ожидании мадемуазель Станжерсон. Но каким путем он вышел? Как ему удалось бежать? Если не отыщется ни трапа, ни скрытой двери, ни тайника, ни вообще какого-нибудь отверстия, если исследование стен и даже их разрушение — ибо я готов, равно как и господин Станжерсон, пойти даже на разрушение флигеля — не откроют никакого возможного прохода *не только для человеческого существа, но вообще для любой живой твари*, если в потолке нет дыры, если пол не скрывает подземелья, остается только «поверить в дьявола», как говорит папаша Жак!»

И неизвестный корреспондент замечает в своей статье — статью эту я выбрал как наиболее интересную из множества других, опубликованных в тот же день и по тому же поводу, — что судебный следователь, похоже, не без умысла привел эту последнюю фразу: «Остается только «поверить в дьявола», как говорит папаша Жак!»

Статья заканчивается такими словами:

«Мы поинтересовались, что папаша Жак подразумевал под криком Божьей твари. Как объяснил нам хозяин харчевни «Донжон»¹, имеется в виду особо зловещий крик,

¹ Донжон (фр.) — главная сторожевая башня в средневековом замке, в которой часто размещались и жилые покои хозяина. (Здесь и далее, за исключением особо указанных случаев, примеч. переводчика.)

который порою издает по ночам кот одной старой женщины, прозванной Молитва. Матушка Молитва — это своего рода святая — живет в хижине, в глухом лесу, неподалеку от пещеры святой Женевиевы.

Желтая комната, Божья тварь, матушка Молитва, дявол, святая Женевиева, папаша Жак — вот чем опутано преступление, которое завтра поможет раскрыть удар заступа в стены, будем, по крайней мере, на это надеяться «во имя здравого смысла», как говорит судебный следователь. Ну а пока имеются серьезные опасения, что мадемуазель Станжерсон, которая никак не может прийти в себя и отчетливо повторяет в бреду одно только слово: «Убийца! Убийца! Убийца!» — не доживет до утра...

И наконец, в последнем своем сообщении та же газета возвещала, что начальник полиции телеграфировал знаменитому инспектору Фредерику Ларсану, уехавшему в Лондон для расследования дела о похищении ценных бумаг, и просил его немедленно вернуться в Париж.

Глава II,

В КОТОРОЙ ВПЕРВЫЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ЖОЗЕФ РУЛЬТАБИЙ

Я до сих пор помню, словно это было вчера, как ко мне в комнату вошел в то утро юный Жозеф Рультабий. Было около восьми часов, я еще лежал в постели и читал статью в «Матен» о преступлении в замке Гландье.

Но прежде всего позвольте представить вам моего друга.

С Жозефом Рультабием я познакомился, когда он был безвестным репортером. В ту пору я только поступил в адвокатуру, и мне частенько случалось встречаться с ним в судейских кулуарах, когда я приходил просить разрешения связаться с Мазасом или Сен-Лазаром. Рожица у него была славная, а голова — круглая, как шар, и сам он был очень подвижный; думается, из-за этого-то его приятели газетчики и дали ему прозвище Рультабий, что означает: «кати свой шарик». «Ты не видел Рультабия?.. Да вот он, чертенок Рультабий!..» Он часто краснел, как поמידор, и бывал то чересчур веселым, то чересчур серьезным. Как в таком юном возрасте — когда я увидел его впервые, ему минуло шестнадцать с половиной лет — ухит-

рялся он зарабатывать себе на жизнь газетным ремеслом? Таким вопросом могли задаваться только те, кто, познакомившись с ним, не знал о том, как он начинал. Во время следствия по делу о женщине с улицы Оберкампф, разрезанной на куски — еще одна начисто забытая история, — он принес главному редактору «Эпок», газеты, соперничавшей по части информации с «Матен», левую ногу несчастной жертвы, которой не доставало в корзинке, где обнаружены были мрачные останки. Эту левую ногу полиция безуспешно разыскивала целую неделю, а юный Рультабий нашел ее в сточной канаве, куда никому не пришлось в голову заглянуть. Ради этого ему понадобилось наняться чистильщиком канализации в наскоро сформированную бригаду, которую городские власти Парижа направили на ликвидацию последствий небывалого подъема уровня воды в Сене.

Став обладателем столь ценной находки и поняв к тому же, с помощью каких сложных дедуктивных умозаключений этот мальчик нашел путь к ней, главный редактор испытывал непередаваемое восхищение, которое вызвала у него проницательность шестнадцатилетнего юнца — ей мог бы позавидовать любой изощренный в своем деле полицейский, — и радость от того, что мог выставить на всеобщее обозрение в «морг-витрине» газеты «левую ногу с улицы Оберкампф».

— С этой ногой, — воскликнул он, — я сделаю вот такой заголовок для статьи!

Затем, вручив жуткий сверток судебно-медицинскому эксперту, сотрудничавшему с газетой, он спросил юного незнакомца, на какое жалование тот рассчитывает, если согласится стать репортером отдела судебной хроники.

— Двести франков в месяц, — скромно сказал молодой человек, чуть не задохнувшись от распиравшего его восторга: еще бы, такое неожиданное предложение!

— Вы получите двести пятьдесят, — ответил главный редактор, — но при одном условии: вы всем скажете, что работаете в редакции уже месяц. И давайте сразу договоримся: не вы обнаружили «левую ногу с улицы Оберкампф», а газета «Эпок». Запомните, мой дорогой: отдельная личность здесь — ничто, а газета — все!

Высказавшись таким образом, он не стал более задерживать нового сотрудника, лишь пожелал узнать на прощание его имя.

— Жозеф Жозефен.

— Какое же это имя? — изумился главный редактор. — Это не имя. Впрочем, раз вы все равно не подписываетесь, это не имеет значения...

Новичок сразу же обзавелся множеством друзей, так как был услужлив и отличался веселым нравом. Это приводило в восторг самых брюзгливых и обезоруживало самых завистливых. В кафе адвокатуры, где обычно собирались репортеры, прежде чем отправиться в прокуратуру или префектуру на поиски своей ежедневной порции преступлений, он снискал себе репутацию смышленного малого, который в недалеком будущем (вот увидите!) наверняка доберется до кабинета самого начальника полиции. Когда подвертывалось стоящее дело и по приказу главного редактора Рультабий — к тому времени это прозвище уже прочно закрепилось за ним — вступал на военную тропу, ему нередко случалось утереть нос самым знаменитым инспекторам.

Там-то, в кафе адвокатуры, мы с ним и познакомились. Адвокаты уголовной полиции и журналисты в общем-то никогда не враждуют, так как одни нуждаются в рекламе, а другие в сведениях. Мы разговорились, и я сразу же проникся огромной симпатией к этому славному человечку по прозвищу Рультабий. Он отличался таким живым и оригинальным складом ума, такой совершенно особой манерой мыслить, каких я не встречал ни у кого.

Незадолго до этого мне было поручено вести судебную хронику в «Кри дю Бульвар». Моя причастность к журналистике не могла не укрепить и без того установившихся между Рультабием и мной дружеских отношений. К тому же моему новому другу пришла мысль ввести небольшую рубрику в газете «Эпок», которая стала именоваться «Судебное дело», так что я часто давал ему всевозможные юридические справки, в которых он нуждался.

Прошло около двух лет, и чем ближе я узнавал его, тем больше любил, ибо понял: за внешней видимостью веселого чудачества скрывался необычайно серьезный для своего возраста человек. Более того, иной раз мне, привыкшему видеть его очень оживленным, а то и слишком веселым, доводилось наблюдать, как его вдруг охватывала глубокая печаль. Я пытался разузнать о причине столь внезапной перемены в его настроении, но он всякий раз снова начинал смеяться и ничего не объяснял. Однажды, когда я спросил

его о родителях, о которых Рультабий никогда не говорил, он вдруг внезапно ушел, сделав вид, будто не слышал моих слов.

Тем временем началось знаменитое дело Желтой комнаты, которое должно было выдвинуть его в ряды лучших репортеров и сделать его лучшим полицейским всего мира, — Впрочем, теперь это двойное качество не должно никого удивлять, если принять во внимание, что уже тогда ежедневная пресса начала претерпевать изменения, превращаясь в то, чем стала ныне, — в хронику преступности. Люди мрачного склада ума могут сетовать по этому поводу сколько угодно, я же полагаю, что это отрадный факт. Ибо никакое оружие, будь то общественное мнение или что другое, никогда не будет лишним в борьбе с преступностью. И на это мрачные умы не преминут возразить, что, мол, рассказывая о преступлениях, пресса тем самым как бы поощряет их. Что поделаешь? Есть люди — не правда ли? — которых никогда не переспоришь...

Итак, стало быть, Рультабий явился ко мне в то утро, а именно 26 октября 1892 года. Он раскраснелся еще больше обычного, глаза у него горели, и весь он был охвачен необычайным волнением. Руки у него дрожали, когда, размахивая свежим номером «Матен», он крикнул мне:

— Ну как, мой дорогой Сенклер?.. Вы прочли?

— О преступлении в Гландье?

— Да! «Желтая комната»... Что вы об этом думаете?

— Гм, я полагаю, что это проделки дьявола или Божьей твари. Во всяком случае, преступление совершил кто-нибудь из них.

— Будьте серьезны, прошу вас.

— Так вот, признаюсь вам, что я не очень-то верю в преступников, которые проходят сквозь стены. На мой взгляд, папаша Жак напрасно оставил после себя преступное оружие, а так как он обитает над комнатой мадемуазель Станжерсон, архитектурная операция, которую предполагает начать сегодня судебный следователь, даст нам ключ к загадке, и мы в скором времени узнаем, при помощи какого естественного трапа или потайной двери этот «славный» человек смог ускользнуть, чтобы затем сразу же вернуться в лабораторию к господину Станжерсону, который так ничего и не заметил. Ну что вам еще сказать? Это одна из гипотез!..

Рультабий сел в кресло, закурил трубку, с которой никогда не расставался, и несколько минут безмолвствовал, пытаясь, вероятно, обуздать снедавшее его лихорадочное возбуждение, и только потом решил заклеить меня презрением.

— Молодой человек! — произнес он тоном, исполненным такой прискорбной иронии, что я даже не стану пытаться передать ее вам. — Молодой человек... вы адвокат, и я нисколько не сомневаюсь в вашем таланте, который позволяет вам оправдывать виновных. Но представим себе, что в один прекрасный день вы вдруг станете судьей. С какой же легкостью вы будете осуждать безвинных людей!.. У вас воистину талант на это, молодой человек. — Он опять затянулся трубкой, потом продолжал: — Никакого трапа не найдут, и тайна Желтой комнаты день ото дня будет казаться все более непроницаемой. Вот почему она так заинтересовала меня. Судебный следователь прав: такого странного преступления никто и никогда еще не видывал...

— У вас есть какая-нибудь идея относительно того, каким способом убийце удалось скрыться? — спросил я.

— Никакой, — ответил Рультабий. — Пока — никакой... Но вот что касается револьвера, например... Револьвером убийца не пользовался...

— А кто же им пользовался, бог ты мой?..

— Как кто?.. Конечно, мадемуазель Станжерсон...

— Я больше ничего не понимаю, — растерялся я. — Вернее, никогда не мог понять...

Рультабий пожал плечами:

— Вы ничему особо не удивились, прочитав статью в «Матен»?

— Да нет... Мне все показалось одинаково странным...

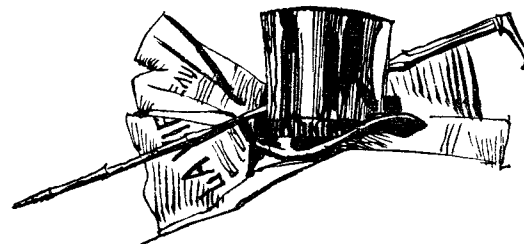
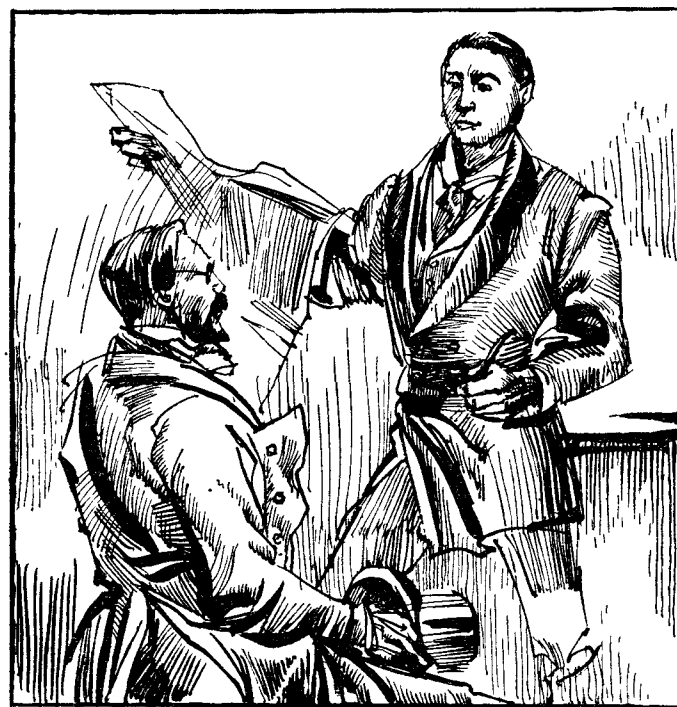
— Ну как же... А дверь, запертая на ключ?

— Это единственное правдоподобное место во всем рассказе...

— Да что вы!.. А задвижка?..

— Задвижка?

— Задвижка, на которую была заперта дверь изнутри?.. Представляете, какие меры предосторожности были приняты мадемуазель Станжерсон... На мой взгляд, у мадемуазель Станжерсон были все основания кого-то бояться, поэтому она и пошла на такие меры. Мало того, она даже взяла револьвер у папаши Жака, не сказав ему об

этом. Наверняка она не хотела никого пугать, а главное, не хотела беспокоить своего отца... То, чего опасалась мадемуазель Станжерсон, случилось... и она стала защищаться, началась баталия, и мадемуазель Станжерсон довольно ловко воспользовалась револьвером, ранив убийцу в руку, этим-то и объясняется кровавый отпечаток мужской руки на стене и на двери, мужчина, видимо, пытался чуть ли не ощупью добраться до выхода и бежать; и все-таки стреляла она недостаточно быстро, потому что это не спасло ее от страшного удара, который пришелся ей по правому виску.

— Так, значит, мадемуазель Станжерсон ранили в висок не из револьвера?

— В газете об этом ничего не говорится, что же касается меня, то я убежден: револьвером, защищаясь от убийцы, воспользовалась мадемуазель Станжерсон. Теперь весь вопрос в том, какое оружие было у самого убийцы. Этот удар в висок свидетельствует, что убийца покушался на жизнь мадемуазель Станжерсон... попытавшись сначала задушить ее... Должно быть, убийца знал, что на чердаке живет папаша Жак,— это-то и заставило его, я думаю, прибегнуть к безмолвному оружию, к дубинке, например, или молотку...

— Все это, однако, не объясняет нам, каким образом убийца вышел из Желтой комнаты,— заметил я.

— Разумеется,— сказал, вставая, Рультабий.— И так как этому необходимо найти объяснение, я еду в замок Гландье, потому-то я и пришел за вами, хочу, чтобы вы поехали вместе со мной...

— Я?!

— Да, мой друг, мне требуется ваша помощь. «Эпок» полностью доверила мне это дело, и надо как можно скорее разобраться в нем.

— Но чем же я могу помочь вам?

— Господин Робер Дарзак находится в замке Гландье.

— Верно... его отчаяние, должно быть, не знает границ!

— Мне надо поговорить с ним...

Рультабий произнес эти слова довольно странным тоном, и это меня удивило.

— А разве... Разве вы надеетесь обнаружить что-нибудь интересное с этой стороны? — спросил я.

— Конечно.

Больше он ничего не пожелал мне сказать. Направив-

шись в гостиную, он просил меня только поторопиться со сборами.

С г-ном Робером Дарзаком мне довелось познакомиться в суде, я был тогда секретарем метра Барбье-Делатура и сумел оказать ему как-то огромную услугу. В ту пору г-ну Роберу Дарзаку было лет сорок, он преподавал физику в Сорбонне и был тесно связан с семьей Станжерсонов: после семи лет настойчивых ухаживаний он, наконец, собирався вступить в брак с мадемуазель Станжерсон, к тому времени она была уже в возрасте (ей было лет тридцать пять), но все еще славилась своей красотой.

Продолжая одеваться, я кричал Рультабию, изнывавшему от нетерпения в гостиной:

— У вас есть какие-то предположения относительно личности убийцы, из какого он круга?

— Да,— отвечал Рультабий.— Мне кажется, он занимает довольно высокое положение и если не принадлежит к светскому обществу, то, во всяком случае... Правда, пока это всего лишь ощущение...

— А откуда у вас взялось такое ощущение?

— Это же ясно как божий день! — возразил молодой человек.— Грязный берет, вульгарный носовой платок и следы грубых башмаков на полу...

— Понимаю,— сказал я.— Никто не оставляет за собой столько следов, если они и в самом деле свидетельствуют об истине!

— Из вас, дорогой Сенклер, со временем выйдет толк! — заключил Рультабий.

Глава III

«ЧЕЛОВЕК, СЛОВНО ТЕНЬ, ПРОШЕЛ СКВОЗЬ СТАВНИ»

Через каких-нибудь полчаса мы с Рультабием были уже на перроне Орлеанского вокзала и дожидались отхода поезда, который должен был доставить нас в Эпине-сюр-Орж. Мы видели, как прибыли следователи из Корбе в лице г-на де Марке и его секретаря. Г-н де Марке вместе со своим секретарем провел ночь в Париже, дабы иметь возможность побывать в театре на генеральной репетиции ревью, тайным автором которого он сам и являлся, выступая под псевдонимом Кастига Ридендо.

Г-н де Марке постепенно превращался в благообразного старца. Он отличался учтивостью и отменным обхождением, единственной его страстью в жизни была неодолимая любовь к драматическому искусству. В суде же его по-настоящему интересовали только те дела, которые могли подбросить ему материал хотя бы на один акт. При всех своих связях, позволявших ему надеяться на самые высокие судебские посты, он, по правде говоря, никогда всерьез не работал, главной его заботой было театральное поприще, его манил романтический Порт-Сен-Мартен¹ или задумчивый Одеон². Таковой идеал позволил ему на склоне лет занять всего лишь пост судебного следователя в Корбе да еще подписывать псевдонимом Кастига Ридендо непросто маленьким актом в Ла Скала.

Дело Желтой комнаты своей необъяснимостью, несомненно, должно было соблазнить столь... литературный ум. Оно, конечно, заинтересовало его, и г-н де Марке готов был погрузиться в это дело не столько как судебный следователь, жаждущий докопаться до истины, сколько как любитель драматических головоломок, чьи помыслы целиком поглощены тайной интриги и который более всего страшится неотвратимо надвигающегося конца последнего акта, где все находит свое объяснение.

Поэтому в момент нашей с ним встречи я слышал, как г-н де Марке со вздохом сказал своему секретарю:

— Ах, мой дорогой господин Мален! Боюсь, как бы этот подрядчик не разрушил своим заступом такую прекрасную тайну!

— Не бойтесь, — отвечал г-н Мален. — Его заступ может разрушить флигель, но наше дело ему не под силу. Я простучал все стены, исследовал потолок с полом, а уж я в этом толк знаю. Меня не проведешь. Можете быть спокойны. Мы ничего не узнаем.

Утешив таким образом своего шефа, г-н Мален кивком головы незаметно указал ему на нас. Тот нахмурился, а увидев приближавшегося Рультабия, который уже снимал шляпу, кинулся со всех ног к вагону и вскочил на подножку, успев вполголоса бросить своему секретарю:

— Никаких журналистов, ни в коем случае!

— Вас понял! — отвечал г-н Мален, решительно

преградив дорогу Рультабию и попытавшись воспрепятствовать нашему проникновению в купе судебного следователя. — Прошу прощения, господа! Но это купе занято...

— Я журналист, сударь, один из корреспондентов «Эпока», — молвил мой юный друг, расточая учтивые приветствия и поклоны. — Мне необходимо поговорить с господином де Марке.

— Господин де Марке очень занят расследованием порученного ему дела...

— О! Его расследование меня нисколько не волнует, смею вас уверить... Разве я похож на корреспондента, которого, кроме раздавленных собак, ничего не интересует? — с обидой спросил юный Рультабий, оттопырив нижнюю губу и выражая тем самым бесконечное презрение к литературе, описывающей всевозможные происшествия. — Я занимаюсь театральной хроникой... И так как сегодня вечером я должен написать заметку о реву в Ла Скала...

— Входите, сударь, прошу вас... — поспешил пригласить его секретарь, освобождая путь.

Рультабий не заставил себя долго просить. Я последовал за ним в купе и сел рядом, секретарь тоже поднялся вместе с нами и закрыл за собой дверцу.

Г-н де Марке вопросительно взглянул на своего секретаря.

— О, сударь, — начал Рультабий, — не сердитесь на этого славного человека за то, что он решился нарушить запрет; дело в том, что я хотел бы удостоиться чести поговорить не с господином де Марке, а с господином Кастига Ридендо!.. Позвольте мне поздравить вас в качестве театрального хроникера газеты «Эпока»...

И Рультабий, представив сначала меня, представился затем сам.

Нервно поглаживая свою острую бородку, г-н де Марке попытался объяснить Рультабию, что является весьма скромным автором и отнюдь не желает, чтобы его псевдоним разоблачали публично, он выразил надежду, что энтузиазм журналиста в отношении его драматургического творения не перейдет определенных границ, что он не станет разглашать его тайну, рассказав публике о том, что г-н Кастига Ридендо есть не кто иной, как судебный следователь из Корбе.

— Мое драматургическое поприще, — добавил он не

¹ Порт-Сен-Мартен — театр в Париже. Основан в 1781 году на бульваре Тампль.

² Одеон — театр в Париже, основанный в 1797 году.

без некоторого колебания,— может повредить работе следователя... Особенно в провинции, где мы несколько отстают и привыкли жить по старинке.

— О! Положитесь на меня! — воскликнул Рультабий, вздев руки к небу, словно призывая его в свидетели.

Поезд тем временем тронулся...

— Однако мы едем! — молвил судебный следователь, с удивлением констатируя, что мы едем вместе с ним.

— Да, сударь, истина тронулась в путь... — сказал, любезно улыбаясь, репортер. — В путь, к замку Гландье... Великолепное дело, господин де Марке, великолепное дело!

— Темное дело! Невероятное, непостижимое, необъяснимое дело... Но должен признаться, господин Рультабий, я боюсь только одного... а именно: что журналисты, желая найти ему объяснение, попробуют вмешаться...

Мой друг оценил этот ловко нанесенный прямой удар.

— Да,— сразу же согласился он,— этого следует опасаться... Они во все вмешиваются... Что же касается меня, то я говорю с вами по чистой случайности, господин судебный следователь, да, простой случай повинен в моей встрече с вами и привел меня, можно сказать, в ваше купе.

— Куда же вы направляетесь? — поинтересовался г-н де Марке.

— В замок Гландье,— не дрогнув, ответил Рультабий.

Г-н де Марке подскочил.

— Вам не удастся туда попасть, господин Рультабий!

— Вы этому воспротивитесь? — спросил мой друг, уже готовый к бою.

— Конечно, нет! Я слишком люблю прессу и журналистов, чтобы доставлять им хотя бы малейшие неприятности... Сам господин Станжерсон не желает никого видеть и закрыл свою дверь для всех. Поверьте, она надежно охраняется. Вчера ни одному журналисту не удалось переступить порог замка Гландье.

— Тем лучше,— возразил Рультабий,— зато мне это удастся.

Господин де Марке поджал губы, собираясь, видимо, хранить упорное молчание. Однако он немного смягчился после того, как Рультабий поведал ему без утайки, что мы едем в Гландье, дабы позвать руку «старинному и близкому другу» — так он назвал г-на Робера Дарзака, которого едва знал.

— Бедняга Робер! — продолжал юный репортер. —

Бедняга Робер! Он может не пережить этого... Он так любил мадемуазель Станжерсон...

— Горе господина Робера Дарзака и в самом деле велико, на него больно смотреть... — как бы против воли обронил г-н де Марке.

— Однако не следует терять надежды на то, что мадемуазель Станжерсон удастся спасти...

— Будем надеяться... Ее отец сказал мне вчера, что, если она умрет, он последует в могилу за ней... Какая невосполнимая утрата для науки!

— Рана в висок очень серьезная, не так ли?..

— Конечно! Но это неслыханная удача, что она оказалась не смертельной... Удар был нанесен с такой силой!..

— Значит, мадемуазель Станжерсон ранили не выстрелом из револьвера,— заметил Рультабий, бросив на меня торжествующий взгляд.

Г-н де Марке, казалось, был сильно смущен.

— Я ничего такого не говорил, и не хочу ничего говорить, и ничего не скажу! — И он повернулся к своему секретарю, словно не желая нас больше знать.

Но от Рультабия не так-то просто было отделаться. Он снова придвинулся к судебному следователю, развернув перед ним газету «Матен», которую вытащил из кармана:

— И все же есть одна вещь, господин судебный следователь, о которой я могу спросить вас, не проявляя излишней нескромности. Вы читали статью в «Матен»? Это же полный абсурд, не так ли?

— Ничего подобного, сударь...

— Как! В Желтой комнате есть только одно окно с решеткой, прутья которой остались нетронутыми, и одна единственная дверь, которую вышибли, не найдя при этом убийцы!

— Все так и есть, сударь! Все так и есть!.. В этом-то все и дело!

Рультабий ничего больше не сказал, погрузившись в раздумья... Прошло примерно с четверть часа.

Очнувшись наконец, он задал судебному следователю очередной вопрос:

— А какая прическа была в тот вечер у мадемуазель Станжерсон?

— Я что-то не понимаю вас,— удивился г-н де Марке.

— А между тем это чрезвычайно важно,— возразил Рультабий. — Волосы у нее были причесаны на прямой

пробор, не так ли? Я уверен, что в тот вечер, когда произошло несчастье, волосы у нее были причесаны на прямой пробор.

— Нет, господин Рультабий, вы ошибаетесь,— ответил судебный следователь.— В тот вечер волосы у мадемуазель Станжерсон были собраны и подняты вверх, на затылок... Должно быть, это ее обычная прическа... Лоб полностью открыт... могу вас заверить, ибо мы долго изучали рану. Крови на волосах не было... а с момента покушения прическу ее никто не трогал.

— Вы уверены в этом? Вы уверены, что в ночь покушения прическа у мадемуазель Станжерсон была не на прямой пробор?..

— Совершенно уверен,— продолжал, улыбаясь, следователь.— Я, как сейчас, помню: пока я изучал рану, доктор говорил мне: «Какая жалость, что мадемуазель Станжерсон привыкла поднимать волосы вверх, на затылок. Если бы она носила прическу на прямой пробор, удар, который пришелся в висок, был бы смягчен». Странно, однако, что вы придаете этому такое значение...

— О! Если прическа у нее была не на прямой пробор,— простонал Рультабий,— к чему это приведет? К чему это нас приведет? Нет, надо будет узнать получше. И он с отчаянием махнул рукой.

— А рана на виске ужасная? — снова спросил он через некоторое время.

— Ужасная.

— Каким же оружием ее нанесли?

— А это, сударь, секрет следствия.

— Вам удалось найти это оружие?

Судебный следователь не ответил.

— А следы на шее?

Тут судебный следователь охотно сообщил нам, что, по мнению доктора, смело можно утверждать: если бы убийца сжимал ей горло чуть подольше — всего на несколько секунд,— мадемуазель Станжерсон умерла бы от удушья.

— Дело в таком виде, как сообщает о нем «Матен»,— продолжал настаивать Рультабий,— представляется мне совершенно необъяснимым. Можете ли вы сказать мне, господин следователь, какие еще выходы — я имею в виду окна и двери — есть во флигеле?

— Их всего пять,— ответил г-н де Марке, смущенно покашливая. И все-таки ему было трудно устоять перед

соблазном раскрыть всю невероятность и таинственность дела, которое он расследовал.— Их всего пять, причем в это число входит и дверь прихожей, единственная входная дверь флигеля, дверь, которая автоматически закрывается и не может быть открыта ни изнутри, ни снаружи иначе, как с помощью двух специальных ключей, которые постоянно хранятся у папаши Жака и господина Станжерсона. Мадемуазель Станжерсон ключ не нужен, так как папаша Жак проживает во флигеле, а днем она практически не расстается с отцом. Когда взламывалась дверь, ведущая в Желтую комнату, входная дверь в прихожей оставалась, как всегда, закрытой, и оба ключа от этой двери находились: один — в кармане у господина Станжерсона, другой — в кармане у папаши Жака. Что же касается окон во флигеле, то их всего четыре: единственное окно Желтой комнаты, два окна в лаборатории и одно в прихожей. Окно Желтой комнаты и окна лаборатории выходят в поле, и только окно прихожей смотрит в парк.

— Именно через это окно он и бежал из флигеля! — воскликнул Рультабий.

— Откуда вам это известно? — спросил г-н де Марке, пристально глядя на моего друга.

— Позже мы узнаем, каким образом убийца смог уйти из Желтой комнаты,— пояснил Рультабий,— но из флигеля он ушел через окно прихожей...

— Еще раз вас спрашиваю: откуда вам это известно?

— Ах боже ты мой! Да что ж тут мудреного? Раз он не мог бежать через входную дверь флигеля, следовательно, он должен был уйти через окно, но для этого надо было найти хоть одно не зарешеченное окно. Окно Желтой комнаты зарешечено, так как оно выходит в поле! Два других окна — в лаборатории — тоже зарешечены по той же самой причине. Раз убийца все-таки бежал, полагаю, ему удалось найти хоть одно окно без решетки, и это окно — окно прихожей, которое выходит в парк, то есть, иными словами, внутрь владения. Это дело не хитрое, так что догадаться совсем не трудно!..

— Согласен,— сказал г-н де Марке.— Но вот о чем вы никак не могли догадаться, так это о том, что окно прихожей, действительно единственное, на котором нет решетки, закрывается крепкими железными ставнями. И представьте себе, эти железные ставни оказались заперты изнутри железными щеколдами, а между тем у нас

есть доказательство, что убийца действительно бежал из флигеля именно через это окно! Следы крови на внутренней стене и на ставнях, а также отпечатки ног на земле, полностью соответствующие тем, которые я снял в Желтой комнате,— все это неоспоримо свидетельствует о том, что убийца бежал именно через окно! Но в таком случае как ему это удалось? Ведь ставни-то были заперты изнутри? Он, словно тень, прошел сквозь ставни. И все-таки самое ужасное не в этом. Да, следы убийцы, бежавшего из флигеля, обнаружены, а вот каким образом ему удалось выйти из Желтой комнаты, да еще пересечь лабораторию, чтобы попасть в прихожую, — этого понять никак нельзя! Ах, господин Рультабий, дело это и правда совершенно невероятное... Великолепное дело, в этом я с вами полностью согласен! И ключ к нему подберут не скоро,— по крайней мере, я на это надеюсь!..

— Не понял, на что вы надеетесь, господин следователь.

— Я не то хотел сказать,— спохватился г-н де Марке.— Просто мне так кажется...

— Значит, после бегства убийцы окно снова заперли изнутри? — спросил Рультабий.

— Выходит так. Во всяком случае, в настоящий момент другой версии нет, хотя и объяснения этому обстоятельству тоже пока не найдено... иначе напрашивается вывод о сообщнике или о сообщниках, а я таковых не вижу... — И, помолчав немного, г-н де Марке добавил: — Ах, если бы состояние мадемуазель Станжерсон хоть немного улучшилось, можно было бы расспросить ее сегодня...

А Рультабий, продолжая развивать свою мысль, снова спросил:

— Ну а чердак? На чердаке-то тоже должно быть какое-то отверстие?

— Да, в самом деле, о нем я не упомянул. Стало быть, всего шесть отверстий. Наверху есть маленькое окошко, вернее, слуховое окно, и, так как оно выходит не в парк, а наружу, мадемуазель Станжерсон тоже приказала поставить на него решетку. На этом окошке, так же как и на окнах первого этажа, решетка осталась нетронутой, и ставни, которые открываются, естественно, внутрь, были заперты изнутри. В общем, мы не обнаружили ничего такого, что подтвердило бы пребывание убийцы на чердаке.

— Значит, у вас, господин следователь, не остается

сомнений в том, что убийца бежал — пускай неизвестно как — через окно в прихожей!

— Все говорит за это...

— Я тоже так думаю,— с важным видом согласился Рультабий. И, помолчав, добавил: — Однако, если вы не нашли никаких следов убийцы на чердаке, похожих, например, на черные следы, которые обнаружены на полу в Желтой комнате, вы, очевидно, должны были прийти к выводу, что это не он украл револьвер папаши Жака...

— На чердаке нет других следов, кроме следов папаши Жака,— сказал судья, многозначительно покачав головой. Потом, видно решив развить свою мысль, добавил: — Папаша Жак находился в лаборатории с господином Станжерсоном... Его счастье...

— В таком случае какова же роль револьвера папаши Жака в этой драме? Ведь, насколько я понимаю, это оружие ранило вовсе не мадемуазель Станжерсон, а убийцу...

Не ответив на этот, видимо, затруднительный для него вопрос, г-н де Марке сообщил нам, что обнаружены обе пули: одна — в той самой стене Желтой комнаты, где остался отпечаток окровавленной руки, руки мужчины, другая — в потолке.

— О-о! В потолке! — тихонько повторил Рультабий.— В самом деле... в потолке! Любопытно, весьма любопытно... В потолке!..

Весь остаток пути он молча курил, выпуская бесконечные кольца дыма. Когда мы прибыли в Эпине-сюр-Орж, я вынужден был хлопнуть его по плечу, чтобы вывести из задумчивости и заставить спуститься с облаков на землю, а точнее... на перрон.

Там судебный следователь с секретарем поспешили распрощаться с нами, всячески давая понять, что мы им порядком надоели, затем торопливо сели в дожидавшийся их кабриолет и укатили.

— Сколько времени потребуется, чтобы добраться отсюда пешком до замка Гландье? — спросил Рультабий у железнодорожного служащего.

— Часа полтора, а если не торопясь, то и все два,— ответил тот.

Рультабий взглянул на небо и, верно, счел погоду благоприятной для себя, да и для меня, пожалуй, тоже, ибо, взяв меня под руку, сказал:

— Пошли!.. Мне необходимо пройтись.

— Ну как? — спросил я его. — Дело распутывается?
 — О! — молвил он. — Какое там распутывается!.. *Запуталось еще больше, чем прежде!* Правда, у меня есть идея.

— Какая?

— О! Пока ничего не могу сказать... Моя идея — это вопрос жизни и смерти по крайней мере для двух людей.

— Вы полагаете, тут были сообщники?

— Нет, не думаю...

Некоторое время мы молчали, потом он снова заговорил:

— Какая удача, что мы встретились с судебным следователем и его секретарем... Ну что я вам говорил насчет револьвера?

Сунув руки в карманы, он шел опустив голову и тихо нахвистывал. Потом я услышал, как он прошептал:

— Бедная женщина!..

— Вы жалеете мадемуазель Станжерсон?

— Да, это необычайно благородная женщина и достойная всяческого сожаления!.. У нее сильный, очень сильный характер... Так мне кажется... Так мне кажется...

— Стало быть, вы знакомы с мадемуазель Станжерсон?

— Нет, вовсе не знаком... Я видел ее один только раз.

— Почему же вы говорите, что у нее сильный характер?

— Потому что она сумела противостоять убийце и храбро защищалась, *а главное... Главное, из-за пули в потолке.*

Я смотрел на Рультабия, мысленно задаваясь вопросом: уж не считает ли он меня за совершенного идиота? А может, он сам сошел с ума? Однако я прекрасно видел, что молодой человек был серьезен, как никогда, и вовсе не собирался смеяться, а мысль, светившаяся в его маленьких круглых глазах, полностью успокоила меня относительно состояния его рассудка. И потом, я уже успел немного привыкнуть к его несвязным речам... несвязным для меня, считавшего их бессмысленными и непонятными лишь до той минуты, пока он не открывал мне ход своих мыслей, произнося всего несколько коротких и внятных фраз. Тогда все внезапно прояснялось: слова, сказанные им прежде и казавшиеся мне лишенными всякого смысла, обретали вдруг поразительную ясность и логику, так что я и сам уже не мог взять в толк, почему не понимал этого раньше.

Замок Гландье является одним из самых старинных замков исторического края, который именуется Иль-де-Франс, где сохранилось еще столько прославленных памятников эпохи феодализма. Построенный в лесной глуши во времена Филиппа Красивого, он открывается взору в нескольких сотнях метров от дороги, ведущей из деревни, которая носит имя святой Женеьевы Лесов, в Монлери. Скопление разрозненных строений венчает главная башня замка — донжон. Если какой-нибудь посетитель, преодолев шаткие ступени этой древней башни, выходит на маленькую площадку, где в XVII веке Жорж-Филибер де Секиньи, властитель Гландье, Мэзон-Нёв и других земель, повелел соорудить в отвратительном стиле рококо маленькую башенку, именуемую ныне «фонарь», он замечает горделиво возвышающуюся над полями и долами в трех лье оттуда крепостную башню Монлери. По прошествии столетий веков донжон и крепостная башня все еще смотрят друг на друга поверх зеленеющих лесов и сухого древостоя, словно рассказывая друг другу самые древние легенды французской истории. Говорят, будто донжон Гландье охраняет святую тень героической и доброй заступницы Парижа, пред которой отступил Атилл¹. Там, в старинном рву, окружающем замок, покоится вечным сном святая Женеьева. Летом влюбленные, рассеянно бросив в траву корзинку с завтраком, приходят помечтать или обменяться клятвами пред могилой святой, благоговейно украшенной незабудками. Неподалеку от этой могилы есть колодец, как говорят, с чудодейственной водой. На этом месте исполненные благодарности матери воздвигли статую святой Женеьевы и развесили у ее ног маленькие башмачки или шапочки детей, спасенных священной влагой.

И вот здесь-то, в довольно диких местах, которые целиком, казалось бы, должны принадлежать прошлому, решили поселиться профессор Станжерсон и его дочь, дабы созидать науку будущего. Им сразу же понравилась уединенность лесной глуши, где за их трудами и надеждами могли следить только древние камни да столетние дубы.

¹ Атилл (? — 453) — предводитель гуннов, который возглавил опустошительные походы в Римскую империю, Галлию, Северную Италию.

Гландье, в прошлом Гландьерум, назывался так потому, что в этих местах испокон веков собирали огромное количество желудей, а желудь по-французски и есть гланд. Земля эта, ныне печально известная, из-за небрежности или нерадивости своих хозяев приобрела вид дикой, первобытной природы, и лишь таящиеся в ее дебрях замковые строения хранили следы странных преобразований. Каждый век оставлял на них свой отпечаток: какой-нибудь обломок зодчества, связанный с неким ужасным событием или кровавой историей, так что сам по себе этот замок, где надеялась найти прибежище наука, казалось, заранее был обречен стать ареной для разыгравшейся теперь мистерии ужаса и смерти.

После всего вышеизложенного я не могу не высказать одного соображения. А именно: если я задержался немного на этом печальном описании Гландье, то вовсе не потому, что нашел подходящий случай воссоздать необходимую атмосферу для драматических событий, которые будут происходить на глазах читателя. По правде говоря, первейшей моей заботой во всем этом деле будет стремление сохранить предельную простоту. Я вовсе не претендую на авторство. Когда говорится «автор», всегда в какой-то мере подразумевается «романист», а тайна Желтой комнаты, слава богу, сама по себе исполнена реального трагического ужаса и вполне может обойтись без всяких литературных прикрас. Я всего лишь достоверный рассказчик и желаю остаться именно таковым. Я должен рассказать о событии и располагаю это событие в надлежащем обрамлении, вот и все. Вы вправе знать, где все это происходило.

Итак, вернемся к г-ну Станжерсону. Когда он купил поместье, лет за пятнадцать до описываемых драматических событий, в Гландье уже давно никто не жил. Другой старинный замок в окрестностях, построенный Жаном де Бельмоном в XIV веке, тоже был всеми покинут, так что край этот был, можно сказать, почти необитаем. Несколько домишек на краю дороги, ведущей в Корбе, маленькая харчевня под названием «Донжон», дававшая проезжим приют на короткое время, — вот примерно и все, что напоминало о цивилизации в этой заброшенной местности, которую никак не ожидаешь встретить в нескольких лье от столицы. Однако именно эта полная заброшенность и побудила г-на Станжерсона и его дочь сделать окончательный

выбор. Г-н Станжерсон был уже к тому времени знаменит, он только что вернулся из Америки, где его исследования наделали много шума. Книга, которую он опубликовал в Филадельфии, относительно распада материи под воздействием электромагнитного поля вызвала протест всего учебного мира. Г-н Станжерсон был француз, но с американскими корнями. Важные наследственные дела в течение нескольких лет удерживали его в Соединенных Штатах. Но и там он продолжал начатую во Франции работу, потом, получив большое наследство, вернулся обратно во Францию, чтобы ее завершить. Случилось это после того, как ему удалось выиграть дело в суде, а возможно, просто прийти к удачному соглашению. Богатство пришлось весьма кстати. Г-ну Станжерсону, который при желании мог бы зарабатывать миллионы, используя или позволив использовать два-три из своих открытий в области химии для создания новой технологии окраски, всегда претило извлекать выгоду из того чудесного дара изобретательства, которым наделила его природа; он вовсе не считал свой талант личной собственностью. Из филантропических побуждений он отдавал его людям, и все, что порождал его талант, шло на пользу общества. Поэтому он не скрывал своей радости, получив неожиданно огромное состояние, которое должно было позволить ему до последней минуты жизни отдаваться страстному служению чистой науке. Однако профессор, похоже, радовался этому еще и по другой причине. В тот момент, когда профессор вернулся из Америки и купил Гландье, его дочери, мадемуазель Станжерсон, было двадцать лет. Трудно себе представить, до чего она была красива, унаследовав от матери, которая умерла, дав ей жизнь, изящество парижанки, а от деда с отцовской стороны, Уильяма Станжерсона, все богатства молодой американской крови. Будучи гражданином Филадельфии, тот вынужден был принять французское подданство, выполняя волю семьи своей будущей жены, француженки, той самой, что должна была стать матерью знаменитого Станжерсона. Вот вам и объяснение, почему профессор Станжерсон считался французом.

Обворожительная двадцатилетняя блондинка с голубыми глазами, молочного цвета лицом, цветущая, завидного здоровья, Матильда Станжерсон была одной из самых красивых девушек на выданье и Старого и Нового Света. Несмотря на неизбежную горечь грядущей разлуки, отец

просто обязан был позаботиться о ее замужестве, так что приданое пришлось весьма кстати. Тем не менее он по-прежнему скрывался со своей дочерью в Гландье, хотя друзья его ожидали, что он будет вывозить мадемуазель Матильду в свет. Некоторые даже специально приезжали к нему, чтобы выразить свое удивление. На вопросы, которые ему задавали, профессор неизменно отвечал: «Такова воля моей дочери. А я ни в чем не могу ей отказать. Она сама выбрала Гландье». Когда же об этом спрашивали молодую девушку, та спокойно возражала: «А где бы нам еще лучше работалось, чем в этом уединении?» Ибо мадемуазель Матильда Станжерсон уже тогда помогала отцу в его трудах, однако кто бы мог подумать, что ее страсть к науке дойдет до того, что она на протяжении пятнадцати лет будет упорно отклонять все возможные партии. При всей замкнутости своей жизни отец с дочерью вынуждены были иногда посещать официальные приемы и в определенное время года бывать у двух-трех друзей, и всякий раз слава профессора и красота Матильды неизменно производили сенсацию. Поначалу крайняя холодность молодой девушки нисколько не обескураживала вздыхателей, однако через несколько лет они, видно, устали. Лишь один с трогательным упорством продолжал настаивать, снискав себе прозвище «вечный жених», прозвище, с которым он грустно смирился. Это был г-н Робер Дарзак. Между тем мадемуазель Станжерсон была уже немолода, и, не испытав потребности выйти замуж до тридцати пяти лет, она, казалось, вряд ли могла решиться на этот шаг теперь. Однако для г-на Робера Дарзака такое соображение не имело, по-видимому, ни малейшего значения, так как он продолжал свои ухаживания, если можно назвать ухаживанием ласковую и нежную заботу, которой он неустанно окружал тридцатипятилетнюю женщину, оставшуюся в девицах и заявившую, что никогда не выйдет замуж.

И вдруг, за несколько недель до событий, которые нас занимают, в Париже разнесся слух, которому вначале никто не придавал значения — настолько это казалось невероятным: мадемуазель Станжерсон соглашалась наконец воздать должное неугасимой пылкости г-на Робера Дарзака! И только после того, как стало известно, что сам г-н Робер Дарзак не спешит опровергать эти разговоры о предстоящей свадьбе, все сошлись на том, что каким бы невероятным ни казался этот слух, в нем, возможно,

есть доля истины. В конце концов в один прекрасный день г-н Станжерсон после окончания заседания в Академии наук заявил во всеуслышание, что свадьба его дочери с г-ном Робером Дарзаком будет отпразднована в узком кругу в замке Гландье сразу же после того, как они с дочерью закончат доклад, в котором будет подведен итог их работ над распадом материи, то есть, иными словами, над обращением материи в эфир. Новобрачные должны были поселиться в Гландье, и зять собирался внести свой вклад в дело, которому отец с дочерью посвятили всю жизнь.

Не успел еще мир науки опомниться от этой новости, как стало известно о покушении на мадемуазель Станжерсон, совершенном при исключительных и даже, можно сказать, фантастических обстоятельствах, о которых мы уже рассказывали и которые наш визит в замок должен был более или менее прояснить.

Я без всяких колебаний решил сообщить читателю все эти подробности о прошлом, которые стали мне известны в результате моих деловых отношений с Робером Дарзаком, дабы, переступая порог Желтой комнаты, читатель был осведомлен обо всем не хуже, чем я сам.

Глава V,

В КОТОРОЙ ЖОЗЕФ РУЛЬТАБИЙ ОБРАЩАЕТСЯ К Г-НУ РОБЕРУ ДАРЗАКУ СО СЛОВАМИ, ПРОИЗВОДЯЩИМИ ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ЭФФЕКТ

Уже несколько минут мы с Рультабием шли вдоль стены, окаймлявшей обширные владения г-на Станжерсона, и уже увидели калитку, когда внимание наше привлек человек, который, склонившись над землей, настолько, казалось, был чем-то поглощен, что даже не заметил нашего появления. Он то наклонялся низко, чуть ли не ложась на землю, то выпрямлялся, внимательно разглядывая стену, затем, взглянув на свою ладонь, в которой что-то держал, начинал широко шагать и даже пускался бегом, потом снова смотрел на правую ладонь. Рультабий жестом остановил меня:

— Тсс!.. Фредерик Ларсан за работой!.. Не будем ему мешать.

Жозеф Рультабий буквально преклонялся перед знаменитым полицейским. Лично мне не доводилось видеть Фредерика Ларсана, но я много слышал о нем.

Дело о золотых слитках в Монетном дворе, которое он распутал, тогда как все уже были готовы отступить, и арест взломщиков сейфов в банке «Креди универсель» — эти деяния прославили его имя. В ту пору — ведь Жозеф Рультабий не успел еще представить неоспоримых доказательств своего блестящего таланта — Ларсан слыл человеком, способным распутать нити самых таинственных и непонятных преступлений. Его слава гремела на весь мир, и нередко полиция Лондона или Берлина или даже Америки призывала его на помощь, ибо национальные инспекторы и сыщики, исчерпав свои возможности, признавали себя побежденными. Поэтому нечего удивляться тому, что, как только возникла тайна Желтой комнаты, начальник полиции сразу же вспомнил о своем неоценимом подчиненном и телеграфировал в Лондон, куда Фредерик Ларсан был направлен по делу о похищении ценных бумаг, чтобы тот немедленно возвращался. Фредерик, которого в полиции называли великим Фредом, надо думать, поспешил вернуться, по опыту зная, что, раз решили его побеспокоить, значит, нуждаются в его услугах, и потому в то утро мы с Рультабием застали его уже за работой. Вскоре мы поняли, в чем она состояла.

Итак, озабоченно поглядывая на часы, которые он сжимал в правой ладони, Фредерик Ларсан подсчитывал минуты. Потом он вернулся назад, снова проделал тот же путь и остановился у входа в парк, еще раз посмотрев на часы, затем положил их в карман, обескураженно пожал плечами, толкнул калитку, вошел в парк, запер калитку на ключ, поднял голову и только тогда заметил нас сквозь решетку. Рультабий бросился к нему, я — следом за ним. Ларсан ждал нас.

— Господин Фред... — начал Рультабий, снимая шляпу и всем своим видом выражая глубочайшее почтение — почтение более чем искреннее, ибо юный репортер не устал восторгаться прославленным полицейским. — Не могли бы вы сказать нам, в замке ли в настоящий момент господин Робер Дарзак? Перед вами один из его друзей из парижской адвокатуры, он хотел бы поговорить с ним.

— Не могу вам сказать, господин Рультабий, — ответил Фред, пожав ему руку, так как несколько раз уже имел

случай встречаться с моим другом во время самых сложных расследований. — Я его не видел.

— Наверное, сторож знает, — заметил Рультабий, указывая на кирпичный домик, дверь и окна которого были закрыты, хотя, судя по всему, именно там должны были обретаться верные стражи поместья.

— Сторож с женой ничего не смогут вам сказать.

— Почему же это?

— Потому что полчаса назад их арестовали!

— Арестовали! — воскликнул Рультабий. — Так, значит, они преступники?

Фредерик Ларсан пожал плечами.

— Когда не можешь арестовать убийцу, — с видом высокомерной иронии заявил он, — всегда можно позволить себе роскошь обнаружить сообщников!

— Это вы велели арестовать их, господин Фред?

— Ну нет! Что за глупости! Я их не арестовывал, во-первых, потому, что почти уверен в их непричастности к делу, а во-вторых...

— А во-вторых? — с беспокойством переспросил Рультабий.

— Во-вторых, потому... Да так, ничего, — оборвал сам себя Ларсан, тряхнув головой.

— Потому что сообщников нет и быть не может! — шепнул Рультабий.

Фредерик Ларсан резко остановился, с интересом взглянув на репортера.

— Вот как! Стало быть, у вас есть свой взгляд на это дело... А между тем, молодой человек, вы ведь ничего не видели... вы даже не смогли еще проникнуть сюда...

— Я проникну.

— Сомневаюсь... Приказ строгий.

— Я проникну, если вы можете мне увидеться с господином Робером Дарзаком... Сделайте это для меня... Мы ведь старые друзья... Господин Фред... прошу вас... Вспомните, какую великолепную статью я написал о вас в связи с золотыми слитками. Скажите только одно словечко господину Роберу Дарзаку, ну пожалуйста!

В этот момент выражение лица Рультабия было просто комично. На нем было написано такое непреодолимое желание переступить этот порог, за которым скрывалась непостижимая тайна, оно так красноречиво молило, причем

не только губами и глазами, но каждой своей черточкой, что я не в силах был удержаться от смеха. Фредерик Ларсан, точно так же, как я, не мог оставаться серьезным.

Тем не менее, стоя по ту сторону ограды, Фредерик Ларсан преспокойно положил ключ к себе в карман. Я разглядывал его.

Это был человек лет пятидесяти. Голова его была красива: волосы с проседью, матовый цвет лица, четко очерченный профиль, лоб выпуклый, подбородок и щеки тщательно выбриты, над верхней, тонкого рисунка губой усов не было; небольшие глаза смотрели вам прямо в лицо, их испытующий взгляд вызывал удивление и тревогу. Роста он был среднего, довольно стройный, выглядел элегантно и внушал симпатию. Ничего общего с вульгарным полицейским. Это был великий артист своего дела, причем сразу чувствовалось, что он это знает и имеет высокое мнение о своей особе. Во время разговора в тоне его ощущался некоторый скептицизм и разочарованность. Столь странная профессия заставила его, верно, повидать немало преступлений и всякого рода мерзости, поэтому оставалось только удивляться, как это у него не «задубели чувства», по забавному определению Рультабия.

Ларсан повернул голову на шум экипажа, подъехавшего сзади. Мы узнали кабриолет, который увез со станции Эпине судебного следователя и его секретаря.

— Пожалуйста! — молвил Фредерик Ларсан. — Вы хотели поговорить с господином Робером Дарзаком — он перед вами!

Кабриолет был уже у ворот, и Робер Дарзак попросил Фредерика Ларсана открыть их ему, так как он очень спешит и у него едва хватит времени вернуться в Эпине, чтобы поспеть на ближайший парижский поезд, и тут он узнал меня. Пока Ларсан открывал ворота, г-н Дарзак успел спросить, что привело меня в Гландье в такой трагический момент. Только тогда я заметил страшную бледность и выражение бесконечного страдания на его лице.

— Мадемуазель Станжерсон лучше? — сразу же спросил я.

— Да, — ответил он. — Может быть, ее удастся спасти. Надо во что бы то ни стало спасти ее.

Он не добавил: «Иначе я умру», но эти не произне-

сенные слова, казалось, застыли на его дрожащих, бескровных губах.

Тут вмешался Рультабий:

— Сударь, вы очень спешите. А мне необходимо поговорить с вами. Я должен сказать вам кое-что очень важное.

Фредерик Ларсан прервал его.

— Я могу вас оставить? — спросил он Робера Дарзака. — У вас есть ключ? Или, если хотите, возьмите этот.

— Да, благодарю вас, у меня есть ключ. Я сам закрою ворота.

Ларсан поспешно удалился по направлению к замку, внушительная громада которого виднелась в нескольких сотнях метров.

Нахмутив брови, Робер Дарзак всячески выказывал свое нетерпение. Я представил ему Рультабия, назвав его лучшим своим другом, но как только г-н Дарзак узнал, что этот молодой человек — журналист, он, взглянув на меня с горьким упреком, извинился, сказал, что спешит, что ему надо быть в Эпине не позже чем через двадцать минут, махнул на прощанье рукой и хлестнул лошадь. Но Рультабий, к величайшему моему изумлению, уже схватил поводья, резким движением остановил экипаж и произнес совершенно бессмысленную, на мой взгляд, фразу:

— *Дом священника не утратил своего очарования, и сад по-прежнему благоухает.*

Едва слова эти слетели с губ Рультабия, как я увидел, что Робер Дарзак пошатнулся; и без того бледный, он побледнел еще больше. С ужасом взглянув на молодого человека, он в полном смятении чувств тотчас же выскочил из экипажа.

— Пойдемте! — прошептал он. — Пойдемте! — Затем вдруг повторил с какой-то непонятной яростью: — Пойдемте же, сударь! Пойдемте!

И он проделал путь, ведущий к замку, не вымолвив больше ни слова. Рультабий следовал за ним, ведя за собой лошадь. Я что-то сказал г-ну Дарзаку, но он не ответил мне. Тогда я вопросительно взглянул на Рультабия, но и тот как будто не видел меня.

Глава VI

В ГЛУШИ ДУБРАВЫ

Мы прибыли в замок. Старинная башня — донжон — соединялась с той частью здания, которая полностью была реконструирована при Людовике XIV, и была другим, современным строением в стиле Виолле-ле-Дюка¹. Там-то и находился главный вход. Никогда еще не видывал я ничего более оригинального и, может быть, ничего более уродливого. Это было довольно странное нагромождение самых разных и, я бы даже сказал, диковинных архитектурных стилей. Словом, выглядело все это чудовищно и в то же время очаровательно. Подойдя поближе, мы увидели двух жандармов, прогуливавшихся перед маленькой дверью, ведущей на первый этаж донжона. Вскоре мы узнали, что здесь-то, на первом этаже, где некогда находилась тюрьма и куда теперь сваливали ненужные вещи, и были заперты сторож и его жена — г-н и г-жа Бернье.

Г-н Робер Дарзак пригласил нас войти в современную часть замка, куда вела широкая дверь, защищенная от непогоды специально сделанным навесом. Препоручив лошадь и кабриолет заботам прислуги, Рультабий не спускал глаз с г-на Дарзака; проследив за его взглядом, я заметил, что внимание его приковано исключительно к рукам профессора Сорбонны, затянутым в перчатки. Как только мы очутились в маленькой гостиной, где стояла старинная мебель, г-н Дарзак повернулся к Рультабию и неожиданно сказал ему:

— Говорите! Чего вам надо?

Репортер ответил столь же неожиданными словами:

— Пожать вашу руку!

Дарзак отступил в изумлении:

— Что это значит?

Разумеется, он так же, как и я, сразу догадался, о чем идет речь: мой друг подозревал его в этом гнусном покушении. Ему наверняка вспомнились следы окровавленной руки на стенах Желтой комнаты... Я со страхом глядел на этого человека. Обычно у него всегда было такое выскомерное выражение лица, и он никогда не отводил глаз,

¹ Виолле-ле-Дюк Эжен (1814—1879) — французский архитектор, историк и теоретик архитектуры. Реставратор готических соборов и замков.

а тут я заметил, что он как-то странно вздрогнул. Затем, растерянно поглядев на меня, он протянул Рультабию правую руку:

— Вы являетесь другом господина Сенклера, оказавшего мне неоценимую услугу в правом деле, и я не вижу причин, сударь, почему бы не подать вам руки...

Рультабий не взял протянутой руки. С неслыханной дерзостью он произнес:

— Сударь, я несколько лет жил в России, откуда вывез обычай никогда и никому не пожимать руки в перчатке.

Мне показалось, что профессор Сорбонны вот-вот даст волю сотрясавшему его гневу, но он, к моему изумлению, сдержался и, сняв перчатки, протянул свои руки. На них не было ни единой царапины.

— Вы удовлетворены?

— Нет! — ответил Рультабий. — Мой дорогой друг, — обратился он ко мне, — я вынужден просить вас оставить нас на минутку одних.

Я поклонился и вышел, пораженный тем, что мне довелось увидеть и услышать, и никак не мог понять, почему г-н Робер Дарзак не выставил за дверь моего дерзкого, моего бесцеремонного, моего глупого друга... Ибо в эту минуту я был зол на Рультабия за его подозрительность, повлекшую эту неслыханную сцену с перчатками...

Минут двадцать я прогуливался перед замком, пытаюсь связать воедино различные события этого утра, но мне это никак не удавалось. Какие мысли одолевали Рультабия? Возможно ли, чтобы г-н Робер Дарзак был в его глазах убийцей? Как могло ему прийти в голову, что этот человек, который через несколько дней собирался жениться на мадемуазель Станжерсон, проник в Желтую комнату, чтобы убить свою невесту? К тому же никто до сих пор не высказал версии, каким образом убийце удалось выйти из Желтой комнаты. Следовательно, до тех пор, пока эта тайна, казавшаяся мне необъяснимой, не будет разгадана, никто, по моему мнению, не имел права никого подозревать. И потом, что это за дикая фраза, до сих пор звучавшая у меня в ушах, — *«Дом священника не утратил своего очарования, и сад по-прежнему благоухает»*? Мне не терпелось остаться наедине с Рультабием, чтобы спросить его об этом.

В этот самый момент юный репортер вышел из замка вместе с г-ном Робером Дарзаком. Вещь поразительная, но

я с первого взгляда понял, что они стали лучшими друзьями.

— Мы направляемся в Желтую комнату, — сказал мне Рультабий. — Идемте с нами. И вот что, дорогой друг, я собираюсь задержать вас на целый день. Пообедаем вместе где-нибудь поблизости.

— Приглашаю вас отобедать со мной, господа...

— Нет, благодарю вас, — ответил молодой человек. — Мы пообедаем в харчевне «Донжон».

— Там очень скверно кормят. Вряд ли вы найдете что-нибудь приличное.

— Вы полагаете? А я как раз надеюсь найти там кое-что, — возразил Рультабий. — После обеда мы снова примемся за работу, я напишу статью, а вы, дорогой друг, будьте так любезны, отвезите ее в редакцию.

— А вы? Разве вы не собираетесь вернуться вместе со мной?

— Нет, я останусь ночевать здесь.

Я взглянул на Рультабия. Он говорил вполне серьезно, и г-н Робер Дарзак, казалось, нисколько не был удивлен таким заявлением.

В эту минуту мы проходили мимо донжона, и до нас донеслись жалобные стоны. Рультабий спросил:

— Почему арестовали этих людей?

— Отчасти по моей вине, — сказал г-н Дарзак. — Вчера я обратил внимание судебного следователя на удивительный факт: сторож и его жена, услышав выстрелы из револьвера, успели одеться и преодолеть довольно большое расстояние, отделяющее их сторожку от флигеля; на все это им понадобилось минуты две, да-да, прошло не больше двух минут с того момента, когда раздались выстрелы, до того, как они встретились с папашей Жаком.

— Это, конечно, странно, — согласился Рультабий. — А как они были одеты?

— Это-то и поразило меня... Они были одеты, так сказать, полностью, тепло и обстоятельно... Не наспех. Правда, на жене были сабо, но у сторожа даже башмаки были зашнурованы. А они утверждают, что легли спать, как обычно, в девять часов. Сегодня утром судебный следователь привез из Парижа револьвер такого же точно калибра, как и револьвер, из которого стреляли во время покушения (он не хочет трогать тот револьвер, говорит, это вещественное доказательство), и велел своему секретарю

выстрелить два раза из привезенного револьвера в Желтой комнате при закрытом окне и закрытой двери. Мы в это время были вместе с ним в сторожке и ничего не слышали... Оттуда ничего нельзя услышать. Сторож и его жена солгали, в этом нет сомнений... Они были наготове и уже находились на улице, неподалеку от флигеля,— видно, чего-то ждали. Разумеется, их самих никто не обвиняет в покушении, но не исключено, что они были сообщниками... Господин де Марке тотчас приказал арестовать их.

— Если бы они были сообщниками,— возразил Рультабий,— *они явились бы в растрепанном виде* или, вернее, совсем не явились бы. Когда человек бросается в объятия правосудия, да еще с такими доказательствами своего соучастия в преступлении, это значит, что он никакой не сообщник. Я вообще не верю в сообщников в этом деле.

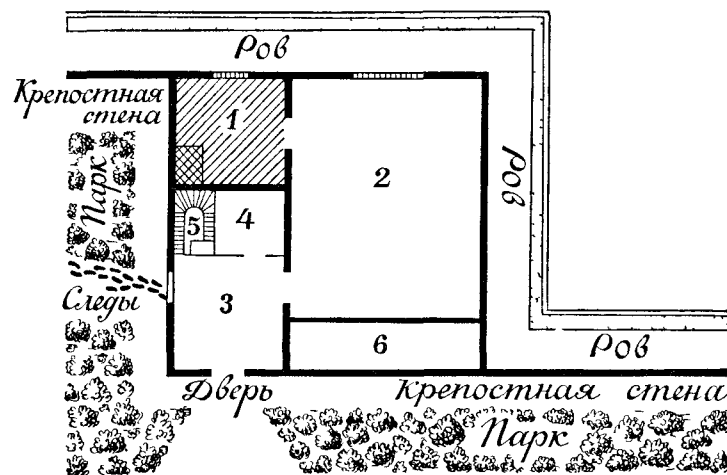
— Тогда почему они вышли из дома в полночь? Пусть скажут!..

— У них наверняка есть причина скрывать это. Весь вопрос в том, какая... Даже если они не сообщники, это может иметь какое-то значение. *В такую ночь все имеет значение, все важно...*

Мы прошли по старому мостику, перекинутому через ров, и вошли в ту часть парка, которая носит название Дубрава. Там стояли столетние дубы. Дыхание осени уже коснулось их пожелтевших, скрюченных листьев, а высокие, почерневшие ветви, извивавшиеся, словно змеи, напоминали ужасными космами гнездилища гигантских, свившихся клубком рептилий, подобных тем, которые античный скульптор скрутил над головой своей Медузы. Здесь мадемуазель Станжерсон жила летом, находя это место веселым, сейчас же оно выглядело довольно унылым и мрачным. Земля была черной, вязкой от недавних дождей и от слипшихся палых листьев; стволы деревьев тоже почернели, и даже само небо у нас над головой, казалось, оделось в траур, скрывшись за тяжелыми, низко нависшими тучами. И в этом уединенном месте, таком мрачном и унылом, мы вдруг увидели белые стены флигеля. Это было странное строение без единого окна,— во всяком случае, таким оно предстало нашему взору с той стороны, откуда мы пришли. Только маленькая дверца указывала на то, что в дом можно проникнуть. Можно было подумать, что это гробница, просторный мавзолей в глуши заброшенного леса... Только подойдя ближе, мы поняли, почему

этот дом так расположен. Это здание получало весь необходимый ему свет с юга, то есть с полей, простиравшихся по другую сторону поместья. Маленькая дверь выходила в парк, так что г-н Станжерсон и его дочь нашли здесь, видимо, идеальную тюрьму для себя, дававшую им возможность полностью сосредоточиться на своей работе и мечтах.

Впрочем, я познакомлю вас сейчас с планом этого флигеля. Дом имел всего один этаж, куда вели несколько ступенек, и довольно высокий чердак, который не представляет для нас никакого интереса. Поэтому я предлагаю читателю наипростейший план первого этажа:

1. Желтая комната со своим единственным зарешеченным окном и единственной дверью, ведущей в лабораторию.

2. Лаборатория с двумя большими зарешеченными окнами и дверьми, выходящими: одна — в прихожую, другая — в Желтую комнату.

3. Прихожая с незарешеченным окном и входной дверью, ведущей в парк.

4. Туалет.

5. Лестница, ведущая на чердак.

6. Большой и единственный камин во флигеле, предназначенный для лабораторных опытов.

Он был начертан самим Рультабием, и я отметил, что на нем обозначалось всё до малейших деталей, всё, что так или иначе могло бы помочь решению загадки, возникшей тогда перед правосудием. Ознакомившись с планом и пояснительным текстом к нему, читатели будут знать ровно столько, сколько знал Рультабий, когда в первый раз очутился во флигеле с твердым намерением отыскать истину, то есть, иными словами, ответить на вопрос, который в то время задавал себе каждый: каким образом убийце удалось бежать из Желтой комнаты?

Прежде чем подняться по трем ступенькам к входной двери флигеля, Рультабий остановил нас и неожиданно спросил у г-на Дарзака:

— Ну а мотив преступления?

— На мой взгляд, сударь, сомневаться на этот счет не приходится,— сказал в ответ жених мадемуазель Станжерсон с глубокой печалью.— Следы пальцев, глубокие ссадины на груди и на шее мадемуазель Станжерсон свидетельствуют о том, что злодей, явившийся сюда, пытался совершить ужасное преступление. Опытные эксперты, изучавшие вчера эти следы, утверждают, что их оставила та же рука, окровавленный след которой нашли на стене. Рука огромная, сударь, она никак не может уместиться в моей перчатке,— добавил он с едва заметной горькой улыбкой.

— Что касается руки,— прервал я его,— не может ли это быть след окровавленных пальцев мадемуазель Станжерсон, которая в момент падения наткнулась на стену и, падая, оставила увеличенный след своей окровавленной руки?

— Когда мадемуазель Станжерсон подняли, на ее руках не было ни капли крови,— ответил г-н Дарзак.

— Теперь уже окончательно стало известно,— заметил я,— что мадемуазель Станжерсон сама взяла револьвер папаши Жака, ведь это она ранила убийцу в руку. *И стало быть, она опасалась чего-то или кого-то.*

— Возможно...

— Вы никого не подозреваете?

— Нет...— ответил г-н Дарзак, глядя на Рультабия. Тогда Рультабий сказал мне:

— Так знайте, мой друг, что следствие продвинулось

несколько дальше, чем пожелал нам поведать этот скрытник господин де Марке. Теперь уже следствию известно не только то, что револьвер был оружием, которым воспользовалась мадемуазель Станжерсон в целях самозащиты. Оказывается, следствию сразу же стало известно оружие, которым воспользовались для нападения на мадемуазель Станжерсон. Это баранья кость, как сказал мне господин Дарзак. Почему господин де Марке окружает эту баранью кость такой тайной? Верно, надеется облегчить поиски агентам полиции. Не иначе. Он, надо полагать, воображает, что ее владельца отыщут среди парижского сброда, среди тех, кто известен своим пристрастием к этому преступному орудию, самому страшному из всех, придуманных природой... Да разве когда-нибудь узнаешь, что творится в голове у судебного следователя? — добавил Рультабий с презрительной усмешкой.

— Стало быть, в Желтой комнате нашли баранью кость? — спросил я.

— Да, сударь,— ответил Робер Дарзак,— у кровати. Но умоляю вас: не говорите никому. Господин де Марке просил нас соблюдать тайну. (Я поспешил успокоить его.) Это огромная баранья кость, головка которой или, точнее, коленный сустав был весь красный от крови из той ужасной раны, которую нанесли мадемуазель Станжерсон. Это старая баранья кость, *которой, судя по всему, уже пользовались в подобных случаях.* Так думает господин де Марке; он послал ее в Париж, на экспертизу в муниципальную лабораторию. Он в самом деле считает, что на этой кости остались не только свежие следы крови последней жертвы, но и старые, порыжевшие пятна высохшей крови, которые свидетельствуют о прежних преступлениях.

— В руках опытного убийцы баранья кость — страшное оружие,— заметил Рультабий,— причем оружие гораздо более надежное и верное, чем, например, тяжелый молоток.

— Собственно, негодяй и доказал это,— горестно сказал г-н Робер Дарзак.— Он нанес мадемуазель Станжерсон страшный удар в висок. Сустав бараньей кости точно совпадает с раной. Мне лично кажется, что эта рана была бы смертельной, если бы убийцу не остановил на полпути револьвер мадемуазель Станжерсон. Раненный в руку, он бросил свою кость и убежал. Но к несчастью, удар бараньей костью уже был нанесен и едва не оказался смер-

тельным, а перед этим мадемуазель Станжерсон чуть не задушили. Если бы ей удалось ранить этого негодяя первым выстрелом, она избежала бы удара бараньей костью... Но к сожалению, она слишком поздно схватила револьвер, к тому же из-за борьбы первый выстрел оказался неудачным: пуля попала в потолок, и только после второго выстрела...

При этих словах г-н Дарзак постучал в дверь флигеля.

Вы, конечно, догадываетесь, что я буквально сгорал от нетерпения — так мне хотелось попасть туда, где было совершено преступление. Я весь дрожал и, несмотря на огромный интерес, который представляла собой баранья кость, злился про себя, что наш разговор затягивался, а дверь все не открывалась.

Но вот наконец дверь открылась.

На пороге стоял мужчина, в котором я сразу признал папашу Жака.

Ему было верных шестьдесят — так мне показалось. Длинная белая борода, седые волосы, баскский берет, потертый костюм из коричневого вельвета, сабо; по виду ворчун, лицо довольно неприветливое, однако, едва заметив г-на Робера Дарзака, он сразу весь преобразился, даже лицо его посветлело.

— Это мои друзья, — представил нас наш проводник. — Во флигеле никого нет, папаша Жак?

— Мне не велено никого пускать, господин Робер, но к вам это, конечно, не относится... А почему, спрашивается, не пускать? Они видели все, что можно было увидеть, эти господа судьи. А уж сколько они всего нарисовали, сколько протоколов понаписали...

— Простите, господин Жак, прежде всего я хотел бы задать вам один вопрос, — сказал Рультабий.

— Спрашивайте, молодой человек, и если я смогу ответить...

— Какая прическа была *в тот вечер* у вашей хозяйки: не на прямой ли пробор? Ну, знаете, когда закрыты виски и даже немного лоб?..

— Нет, мой господин. Моя хозяйка никогда не носила такой прически, как вы говорите, ни в тот вечер, ни в другие дни. Волосы у нее всегда подняты, так чтоб виден был ее прекрасный лоб, чистый, как у новорожденного ребенка!..

Рультабий проворчал что-то и тут же принялся осмат-

ривать дверь. Он сразу заметил автоматически защелкивающийся замок. Отметил, что дверь эта не могла оставаться открытой ни при каких обстоятельствах и что требовался ключ, чтобы ее открыть. Затем мы вошли в прихожую, маленькую, но достаточно светлую комнату, выложенную красной плиткой.

— А! Вот и окно, через которое бежал убийца, — молвил Рультабий.

— Пускай говорят себе, сударь, пускай говорят! Да только если бы он бежал здесь, мы бы его обязательно увидели, иначе и быть не могло! Мы не слепые — ни господин Станжерсон, ни я, ни сторож с женой, которых они упрятали в тюрьму! Удивляюсь, почему бы им и меня не посадить в тюрьму! Да, и меня тоже — хотя бы из-за револьвера.

Но Рультабий уже открыл окно и осматривал ставни.

— В момент преступления они были заперты?

— На железные щеколды, изнутри, — ответил папаша Жак. — Стало быть, убийца прошел сквозь них...

— А пятна крови есть?

— Да, поглядите снаружи на камне... Только какой крови-то?

— Ах! — молвил Рультабий. — Я вижу следы... вон там, на дороге... Земля была слишком сырая... Сейчас посмотрим...

— Глупости, — прервал его папаша Жак. — Убийца не мог там пройти!

— А где он, по-вашему, прошел?

— Почему я знаю!..

Рультабий все замечал, все чуял. Встав на колени, он быстрым взглядом окинул цветные плитки прихожей.

— Ах! Да все равно вы ничего не найдете, мой господин, — не унимался папаша Жак. — Они тоже ничего не нашли... А теперь и подавно: слишком грязно стало... Много людей побывало! Они не велят мне мыть полы... Но тогда, в тот день, я, папаша Жак, самолично все вымыл, да еще как! И если бы убийца со своими ножищами прошел здесь, это сразу было бы заметно, — выдали, как он на следил своими башмаками в комнате мадемуазель!..

Поднявшись, Рультабий переспросил:

— Когда вы, говорите, в последний раз мыли этот пол? — И впился в папашу Жака взглядом, от которого, казалось, ничего не скроешь.

— Да говорю вам, в день самого преступления! Примерно в полшестого... Как раз в то время, когда мадемуазель с отцом ходили на прогулку перед ужином, а ужинали-то они здесь, в лаборатории. На другой день, когда пришел следователь, он сразу увидел следы на земле, как будто кто начертил их чернилами на белом листе бумаги... Так вот, ни в лаборатории, ни в прихожей, где пол блестел, как новенькое су, следов этих не нашли... следов мужчины! Раз их находят у окна, снаружи, стало быть, он должен был пробить потолок Желтой комнаты, попасть на чердак, пробить крышу и спуститься под окном прихожей, вернее, прыгнуть... Так вот нет же дырки ни в потолке Желтой комнаты, ни, конечно, на моем чердаке!.. Вы же сами видите: никто ничего не знает... Решительно ничего!.. И никто никогда ничего не узнает, помяните мое слово!.. Это дьявольская тайна!

Рультабий вдруг снова бросился на колени почти напротив двери маленького туалета, находившегося в глубине прихожей. В таком положении он оставался не меньше минуты.

— Ну что? — спросил я его, когда он поднялся.

— О, ничего существенного: капелка крови.— Затем, повернувшись к папаше Жаку, молодой человек спросил его: — Когда вы начали мыть лабораторию и прихожую, окно в прихожей было открыто?

— Я сам открыл его, потому что разжигал в лабораторной печи древесный уголь для господина, а так как разжигал я его газетами, пошел дым, вот я и открыл окна в лаборатории и в прихожей, чтобы проветрило сквозняком. Потом я закрыл окна в лаборатории и оставил открытым только окно в прихожей, затем вышел на минутку в замок за щеткой для мытья и, вернувшись, как я вам уже говорил, примерно в полшестого, стал мыть полы, а вымыв их, снова ушел, и все это время окно в прихожей оставалось открытым. И наконец, в последний раз, когда я вошел во флигель, *окно было закрыто*, а господин и мадемуазель уже работали в лаборатории.

— Значит, господин Станжерсон и его дочь, вернувшись, сами закрыли окно?

— Конечно.

— Вы их не спрашивали об этом?

— Нет!..

Внимательно оглядев маленький туалет и лестницу, ве-

душую на чердак, Рультабий, для которого мы словно перестали существовать, вошел в лабораторию. Признаюсь, я испытывал огромное волнение, последовав за ним. Робер Дарзак следил за каждым движением моего друга... Что же касается меня, то взгляд мой сразу приковала дверь Желтой комнаты. Она была закрыта или, вернее, прислонена к стене лаборатории, ибо я сразу заметил, что дверь едва держится и уже ни на что не годится. Усилия тех, кто навалился на нее в тот трагический момент, сломили ее сопротивление...

Мой юный друг, не говоря ни слова, методично занятый своим делом, начал осматривать комнату, в которой мы находились. Она была просторной и светлой. Два огромных окна, чуть ли не во всю стену, забранные решетками, выходили на бескрайний простор полей. Через просеку в лесу открывался чудесный вид на всю долину — вплоть до огромного города, который в солнечные дни, должно быть, виднелся там, в самом ее конце. Но сегодня — никаких видений, ничего-ничего, только грязь на земле да чернота в небе, а здесь, в этой комнате, — следы крови.

Целый угол лаборатории занимали широкий камин, тигли и печи, предназначенные для самых разнообразных химических опытов. И всюду реторты, колбы, всевозможные инструменты, столы, заваленные бумагами, папками; электростанок... гальванические элементы... аппарат, как пояснил мне г-н Робер Дарзак, используемый профессором Станжерсоном «для доказательства распада материи под воздействием солнечного света», и так далее.

И вдоль всех стен шкафы — закрытые или застекленные шкафы, в которых виднелись микроскопы, специальные фотоаппараты, невероятное количество кристаллической соды.

Рультабий сразу же сунул нос в камин. Кончиками пальцев он шарил меж тиглей... Внезапно он резко выпрямился, держа в руках крохотный клочок наполовину сгоревшей бумаги... Мы в это время разговаривали, стоя у одного из окон. Он подошел к нам и сказал:

— Сохраните это для нас, господин Дарзак.

Склонившись над клочком обгоревшей бумаги, который г-н Дарзак взял из рук Рультабия, я явственно разобрал следующие слова, единственные, которые еще можно было прочесть: «Дом священника... не утратил... очарования, и са... благоухает».

А наверху: «23 октября».

Я был поражен: все те же бессмысленные слова, причем второй раз в течение одного утра. И второй раз я видел, какой ошеломляющий эффект произвели они на профессора Сорбонны.

Прежде всего г-н Дарзак бросил взгляд на папашу Жака. Но тот не обращал на нас ни малейшего внимания, занятый своим делом у другого окна... Тогда жених мадемуазель Станжерсон достал бумажник, дрожащей рукой сунул туда обгоревшую бумажку и горестно вздохнул:

— Боже мой!

Тем временем Рультабий забрался в камин, то есть, иными словами, стоя на кирпичах одной из печей, он внимательно разглядывал каминную трубу, сужавшуюся вверху и в пятидесяти сантиметрах над его головой полностью закрывавшуюся чугунными плитами, вделанными в кирпичи, оставлявшими проход только для трех трубочек диаметром в пятнадцать сантиметров каждая.

— Здесь пройти невозможно,— заявил молодой человек, соскакивая оттуда.— Впрочем, даже если он и попытался бы это сделать, вся эта арматура оказалась бы на полу. Нет, нет! Искать надо не здесь...

Затем Рультабий исследовал мебель и открыл дверцы шкафов. Потом настал черед окон, которые он объявил «непреодолимыми» и «непреодоленными». У второго окна он застал папашу Жака, сосредоточенно что-то разглядывавшего.

— Ну, папаша Жак, что вы там такое увидели?

— Да вот гляжу на человека из полиции, который все время кружит вокруг пруда... Еще один хитрец нашелся, только и он не лучше других!

— Вы не знаете Фредерика Ларсана, папаша Жак! — заметил Рультабий, печально покачивая головой.— А то бы не говорили так... Если есть здесь человек, способный отыскать убийцу, так это, без сомнения, он!

И Рультабий тяжело вздохнул.

— Прежде чем найти его, неплохо бы знать, как мы его упустили,— упрямо буркнул папаша Жак.

Но вот, наконец, мы добрались до двери Желтой комнаты.

— Вот она, дверь, за которой кое-что произошло! — торжественно провозгласил Рультабий, что при любых других обстоятельствах прозвучало бы комично.

Глава VII,

В КОТОРОЙ РУЛЬТАБИЙ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ЭКСПЕДИЦИЮ ПОД КРОВАТЬ

Толкнув дверь Желтой комнаты, Рультабий остановился на пороге и с волнением произнес слова, которые мне суждено было понять лишь потом:

— О! Духи дамы в черном!

В комнате было темно.

Папаша Жак хотел открыть ставни, но Рультабий остановил его:

— Разве драма разыгралась в полной темноте?

— Нет, молодой человек, я этого не думаю. Мамзель требовала, чтобы у нее на столе всегда горел ночник, и это я зажигал его по вечерам, перед тем как ей лечь спать... Да чего там! Я, можно сказать, был ей заместо горничной по вечерам! Настоящая-то горничная приходила только утром. Мамзель работала допоздна... ночью!

— Где стоял стол с ночником? Далеко от кровати?

— Далеко.

— А не могли бы вы сейчас зажечь ночник?

— Ночник разбился, и масло все пролилось, когда упал стол. Да все так и осталось, как было. Давайте я открою ставни, и вы сами увидите...

— Подождите!

Вернувшись в лабораторию, Рультабий закрыл ставни на окнах и дверь в прихожей. Мы очутились в полной темноте; тогда он зажег восковую свечку, вручил ее папаше Жаку и велел ему выйти с этой свечкой на середину Желтой комнаты, на то самое место, где в ту ночь горел ночник.

Папаша Жак, разутый, в одних носках (свои сабо он обычно оставлял в прихожей), вошел в Желтую комнату со своей догоравшей восковой свечкой, и мы смутно увидели плохо освещенные ее угасавшим пламенем опрокинутые на пол вещи, кровать в углу и напротив нас, с левой стороны, отражение зеркала, висевшего на стене возле кровати. Видение было очень коротким.

— Довольно! — сказал Рультабий.— Можете открыть ставни.

— Только не входите,— попросил папаша Жак,— а не

то наследите своими ботинками... А тут ничего нельзя трогать... Это идея следователя... идея, говорю, хотя чего там, с ним и так все ясно...

И он открыл ставни. Мертвенно-бледный свет проник снаружи, осветив зловещую картину, замкнутую меж шафранных стен. Деревянный пол — ибо если в прихожей и лаборатории пол был выложен плиткой, то в Желтой комнате он был деревянный, — и его почти целиком закрывала желтая циновка размером чуть ли не во всю комнату, она была подsunута и под кровать, и под туалетный столик — это были единственные вещи, оставшиеся на своих местах. А круглый стол, стоявший посередине, ночной столик и два стула были опрокинуты. Однако это не мешало разглядеть на циновке широкое пятно крови, которая, по словам папаша Жака, вытекла из раны на виске у мадемуазель Станжерсон. Кроме того, капельки крови были заметны повсюду, где на полу отпечатались большие черные следы убийцы. Все говорило за то, что эти капли крови сочились из раны того, кто оставил на стене, ухватившись за нее на какое-то мгновение, отпечаток окровавленной руки. На стене можно было увидеть и другие следы той же руки, но гораздо менее явственные. А это и в самом деле был отчетливый отпечаток большой мужской руки.

Я невольно воскликнул:

— Смотрите!.. Видите эту кровь на стене?.. Человек, который с такой силой уперся в стену рукой, ничего не мог разглядеть в темноте и наверняка думал, что это дверь. Он хотел открыть ее! Вот почему он нажимал с такой силой, оставив на желтых обоях свой обвинительный акт. Не думаю, чтобы в мире нашлось много других рук, похожих на эту. Рука большая и сильная, и пальцы почти все одинаково длинные! А большой палец отсутствует. Мы видим только след ладони. Но если мы проследим за отпечатками этой руки, — продолжал я, — то увидим, как она, опершись о стену, ощупывает ее в поисках двери, наконец находит эту дверь и начинает искать замок...

— Да, да, конечно, — с усмешкой перебил меня Рультабий, — *только вот ни на замке, ни на задвижке нет крови!..*

— Ну и что это доказывает? — не унимался я, исполненный здравого смысла, которым страшно гордился. — Он

мог открыть замок и задвижку левой рукой — это вполне допустимо, раз правая рука у него ранена...

— Да ничего он не открывал! — в сердцах воскликнул папаша Жак. — Мы все-таки не сумасшедшие! И нас было четверо, когда мы взломали дверь!

А я все не унимался:

— Что за странная рука! Нет, вы только посмотрите на эту руку!

— Вполне нормальная рука, — возразил Рультабий, — просто ее рисунок деформирован *скольжением по стене*. Человек *пытался вытереть свою раненую руку о стену!* Рост этого человека примерно метр восемьдесят.

— Почему вы так думаете?

— Вижу высоту руки на стене...

Затем мой друг занялся отметиной пули на стене, которая оказалась круглой.

— Пуля была выпущена прямо, — заявил Рультабий, — не сверху и не снизу, а прямо.

И еще он обратил наше внимание на то, что дыра эта была на несколько сантиметров ниже, чем след, оставленный на стене рукой.

Затем Рультабий вернулся к двери и стал изучать замок с задвижкой. Он отметил, что дверь и в самом деле взломали снаружи, ибо и замок и задвижка так и остались запертыми на этой выбитой двери, а две скобы на стене практически были вырваны и болтались на уцелевших винтах.

Юный репортер «Эпок» внимательно исследовал их, потом принялся за дверь, оглядел ее с обеих сторон, удостоверился, что нет никакой возможности закрыть или открыть задвижку снаружи, а также проверил ключ, который остался в замочной скважине изнутри. От него не укрылась и такая особенность замка: когда ключ вставлялся в замочную скважину изнутри, открыть замок снаружи другим ключом было невозможно. Наконец, убедившись в том, что на этой двери не было никакого автоматического замка, то есть, иными словами, дверь эта была самая что ни на есть обыкновенная, как все двери, с крепким замком и задвижкой, оставшимися запертыми, он произнес такие слова:

— Это уже лучше!

Затем, усевшись на пол, поспешно разулся и в одних носках вошел в комнату. Первое, что он сделал, — это,

склонившись над опрокинутой мебелью, внимательнейшим образом изучил ее. Мы молча смотрели на него. Папаша Жак уже не скрывал своей иронии:

— Ах, малыш, малыш! Зря стараетесь!..

Рультабий поднял голову:

— Вы сказали чистую правду, папаша Жак, ваша хозяйка не меняла в тот вечер прически, это я, старый осел, придумал такое!..— И проворно, словно змея, скользнул под кровать.

А папаша Жак продолжал:

— Подумать только, сударь, ведь убийца прятался там! Нет, вы только подумайте, ведь он уже был здесь, когда я приходил сюда в десять часов, чтобы закрыть ставни и зажечь ночник, потому что ни господин Станжерсон, ни мадемуазель Матильда, ни я не покидали больше лабораторию до самого момента преступления.

Из-под кровати послышался голос Рультабия:

— Папаша Жак, в котором часу господин Станжерсон и его дочь вернулись в лабораторию и не выходили больше?

— В шесть часов!

— Да, конечно, он прятался здесь...— снова донесся голос Рультабия.— Тут и сомневаться нечего... В общем-то, ему негде было больше спрятаться... Когда вы вошли сюда все четверо, вы посмотрели под кровать?

— Еще бы, сразу же... Мы даже совсем отодвинули кровать, а потом снова поставили ее на место.

— А между матрасами?

— На кровати был всего один матрас, на него мы и положили мадемуазель Станжерсон. И сторож с господином Станжерсоном тотчас же отнесли матрас в лабораторию. Под этим матрасом был только металлический матрас с пружинами, там ничего и никого не спрячешь. Сами посудите, сударь, нас было четверо, мы ничего не могли упустить, ведь комната такая маленькая, и мебели в ней почти нет, да и за нашей спиной во флигеле все было заперто.

Я осмелился высказать одно предположение:

— Возможно, ему удалось выйти вместе с матрасом! Может, в самом матрасе... Тут всякое можно думать — такая загадка! Господин Станжерсон и сторож были так взволнованы, что могли не заметить двойного веса, который несли... А представьте себе, *если сторож сообщник!*.. По-

нимаю, что это не бог весть какая гипотеза, но она многое объяснила бы... В частности, и тот факт, что ни в лаборатории, ни в прихожей не было следов, которые остались в комнате. Когда мадемуазель переносили из лаборатории в замок, матрас на минутку могли оставить у окна, это и позволило ему бежать...

— Ну а больше-то ничего не придумали? Неужели ничего? Совсем ничего? — заливался под кроватью смехом Рультабий.

Я немного обиделся:

— В самом деле, я просто не знаю... Тут всякое можно предположить...

— Судебный следователь тоже так думал, сударь, — заметил папаша Жак, — и велел основательно исследовать матрас. Ему самому пришлось посмеяться над своей идеей, вот как сейчас смеется ваш друг, потому что ведь в матрасе-то никакого двойного дна нет!.. Да что говорить, если бы в матрасе был человек, мы бы его увидели!..

Тут я тоже решил над собой посмеяться, хотя только потом уже понял, какую нелепую вещь я сказал. Но где начало и где конец нелепости в таком деле?

Пожалуй, один только мой друг способен был ответить на этот вопрос, да и то!..

— Послушайте! — воскликнул репортер, все еще ползая под кроватью.— Этот коврик хорошо потрясли?

— Мы сами его отворачивали, сударь, — объяснил папаша Жак.— Когда мы не нашли убийцу, мы подумали, а нет ли дыры в полу...

— Дыры нет, — ответил Рультабий.— А погреба?

— Нет, погреба тоже нет... Но это не остановило нас, мы все равно продолжали искать, а судебный следователь и, в особенности, его секретарь исследовали пол доску за доской, словно искали под ними подвал...

Тут репортер вылез из-под кровати. Глаза его блестели, ноздри вздрагивали, он был похож на молодого зверя, вернувшегося с удачной охоты... И что самое смешное — он так и остался стоять на четвереньках. Поистине я не мог найти для него лучшего сравнения: великолепный хищник, который идет по следу необыкновенной дичи... А он и в самом деле как будто принюхивался к следам человека, того самого человека, которого поклялся заполучить для своего хозяина, г-на директора «Эпок», ибо не следует забывать, что наш Жозеф Рультабий был журналистом!

И так, на четвереньках, он рыскал по всем четырем углам комнаты, все обнюхивая, разглядывая, исследуя все, что мы видели, а это была такая малость... Ведь то, что недоступно было нашему взору, похоже, и имело перво-степенное значение.

Туалетный столик был самым обыкновенным столом на четырех ножках, и трудно было вообразить, будто он мог послужить тайником даже на краткое время... И никакого шкафа... Мадемуазель Станжерсон хранила свою одежду в замке.

Рультабий водил руками и носом вдоль стен, *сложенных из толстого кирпича*. Покончив со стенами, он стал ощупывать ловкими пальцами поверхность желтых обоев, потом добрался и до потолка — чтобы достать до него, ему пришлось взобраться на стул, поставленный на туалетный столик; так, на этой хитроумной лесенке, он облазил всю комнату; покончив с потолком, на котором он внимательно изучил след от другой пули, Рультабий подошел к окну и так же внимательно оглядел прутья решетки и ставни, удостоверившись, что они были крепкими и никто к ним не прикасался. Наконец он с удовлетворением сказал «уф» и добавил, что «теперь он спокоен».

— Вы только представьте себе: нашу бедную, дорогую мадемуазель убивали, а она была заперта! И звала нас на помощь! — простонал папаша Жак.

— Да,— молвил юный репортер, вытирая лоб,— это верно: *Желтая комната, ей-богу, была заперта, словно сейф*.

— Вот именно,— подхватил я,— эта тайна самая удивительная из всех, какие я знаю *даже в области воображения*. В «Убийстве на улице Морг», например, Эдгар По не смог придумать ничего подобного. Правда, место преступления тоже было достаточно замкнуто, и человек не мог убежать оттуда, но зато было окно, в которое могла проскользнуть обезьяна, повинная в этом двойном убийстве...¹ Однако здесь-то ведь и речи нет ни о каком отверствии. При закрытой двери и закрытых ставнях, в чем мы

¹ Конан Дойл описывает подобную тайну, если можно так выразиться, в новелле, которая называется «Пестрая лента». В закрытой комнате совершено ужасное преступление. Что случилось с тем, кто его совершил? Шерлок Холмс не замедлит обнаружить преступника, ибо в комнате было вентиляционное отверстие размером с монету в сто су, но его оказалось достаточно, чтобы туда могла проникнуть Пестрая лента, или змея-убийца. (Примеч. автора.)

убедились, да еще при закрытом окне, в чем мы тоже не преминули удостовериться, и муха не могла пролететь ни туда, ни обратно!

— Правда, правда! — соглашался Рультабий, все еще вытирая лоб, не просыхавший от пота, который катился, видимо, не столько от недавних физических усилий, сколько от сильного умственного напряжения.— Правда! Это великая, и прекрасная, и очень любопытная тайна!..

— Божья тварь,— проворчал папаша Жак,— да, да, Божья тварь и та, соверши она преступление, не смогла бы ускользнуть отсюда... Да вот она! Слышите?.. Тише!..

Папаша Жак подавал нам знаки, чтобы мы молчали, а сам, протянув руку к стене в направлении ближайшего леса, прислушивался к чему-то.

— Ушла,— сказал он в конце концов.— Придется ее убить... Очень уж она злоеющая, эта тварь... хотя ничего не скажешь — Божья тварь и есть, она приходит по ночам на могилу святой Женеьевы, и никто не осмеливается трогать ее, все боится, как бы матушка Молитва не рассердилась и не накликала беды...

— А большая она, эта Божья тварь?

— Да почитай что с крупную таксу... чудище, доложу я вам. Я уж, грешным делом, думал, не она ли это вцепилась нашей бедной мадемуазель в горло... Только Божья тварь не носит башмаков, не умеет стрелять из револьвера, и у нее нет такой ручищи! — воскликнул папаша Жак, кивнув на отпечаток красной руки на стене.— Да и потом ее-то мы тоже должны были увидеть, и она тоже была бы заперта в комнате и во флигеле точно так же, как человек!..

— Разумеется,— сказал я.— Раньше, прежде чем я увидел Желтую комнату, мне тоже казалось: а не кот ли это матушки Молитвы?..

— И вам тоже! — воскликнул Рультабий.

— А вам? — спросил я.

— Мне — нет. Конечно, нет... Как только я прочел статью в «Матен», я сразу понял, что ни о каком животном и речи быть не может! А теперь готов поклясться, что здесь произошла ужасная трагедия... Однако, папаша Жак, вы ничего не говорите нам ни о найденном берете, ни о новом платке.

— А чего говорить-то? Следовательно их забрал,— неслышительно произнес тот.

Репортер очень серьезно заметил:

— Лично я не видел ни платка, ни берета и все-таки могу сказать, какие они на вид.

— Ну и хитрец же вы...

Папаша Жак смущенно кашлянул.

— Платок — большой, синий, в красную полоску, а берет — старый баскский берет, в точности такой же, как этот, — добавил Рультабий, показывая на головной убор папаша Жака.

— И верно... Да вы, я вижу, кудесник.

Папаша Жак попытался рассмеяться, но у него ничего не вышло.

— Откуда вы знаете, что платок был синий в красную полоску?

— Потому что, если бы он не был синим в красную полоску, то его вообще бы не нашли!

Не обращая более внимания на папашу Жака, мой друг достал из кармана кусок белой бумаги, взял ножницы и, склонившись над следами на полу, приложил свою бумагу к одному из них и начал вырезать. Таким образом получился бумажный след с четкими контурами, который он затем передал мне с просьбой не потерять.

Потом он вернулся к окну и, показав папаше Жаку на Фредерика Ларсана, который все еще бродил по берегу пруда, спросил с беспокойством, не приходил ли полицейский сюда и не работал ли в Желтой комнате.

— Нет! — ответил г-н Робер Дарзак, который не проронил ни слова с тех самых пор, как Рультабий отдал ему клочок обгоревшей бумаги. — Он уверяет, что ему вовсе не обязательно осматривать Желтую комнату, что убийца вышел из Желтой комнаты самым естественным образом и что он все объяснит сегодня вечером!

Услышав слова г-на Робера Дарзака, Рультабий — вещь поразительная — побледнел.

— Неужели Фредерик Ларсан уже докопался до истины, которую я еще только предчувствую! — прошептал он. — Фредерик Ларсан свое дело знает... хорошо знает... и я восхищаюсь им... Но сегодня речь идет не только об этом. Дело делом, а тут надо превзойти самого себя... *превзойти то, чему учит опыт... Прежде всего надо быть логичным*, и не просто логичным, а уподобиться самому господу богу, когда он, следуя логике, заявил: $2+2=4$! РЕЧЬ ИДЕТ О ТОМ, ЧТОБЫ РАССУЖДАТЬ ЗДРАВО, А ГЛАВНОЕ — НАЧАТЬ С НУЖНОГО КОНЦА!

И репортер опрометью бросился вон из флигеля, совсем потеряв голову при мысли, что великий, прославленный Фред раньше его может найти разгадку тайны Желтой комнаты!

Однако мне удалось догнать его на пороге.

— Да будет вам, успокойтесь, — сказал я. — Вы чем-то недовольны?

— Напротив, — признался он со вздохом, — *я очень доволен*. Я обнаружил много разных вещей...

— Морального порядка или материального?

— Кое-что морального, а есть и вполне материальная вещь. Вот, смотрите.

И он поспешно извлек из кармана жилета сложенный вдвое листок бумаги, который, должно быть, сунул туда во время своей экспедиции под кровать, и, раскрыв его, показал мне женский белокурый волос.

Глава VIII

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ДОПРАШИВАЕТ МАДЕМУАЗЕЛЬ СТАНЖЕРСОН

Не прошло и пяти минут, как Жозеф Рультабий уже склонился над следами, обнаруженными в парке, под самыми окнами прихожей, но тут мы увидели человека, должно быть слугу из замка, который торопливо шел к нам и кричал г-ну Роберу Дарзаку, спускавшемуся по ступенькам флигеля:

— Вы знаете, господин Робер, судебный следователь допрашивает сейчас мадемуазель!

Наспех извинившись перед нами, г-н Робер Дарзак бегом бросился к замку, слуга последовал за ним.

— Это любопытно, — заметил я. — Когда убитый начинает говорить...

— Надо все разузнать, — оживился мой друг. — Пойдемте в замок.

И он увлек меня за собой. Однако в замке путь нам преградил жандарм, стоявший на страже у входа на лестницу, ведущую на второй этаж. Нам ничего не оставалось, как ждать.

А тем временем в комнате жертвы происходило следующее. Семейный врач, отметив значительное улучшение

состояния мадемуазель Станжерсон, но опасаясь все-таки возможности рокового исхода, счел своим долгом предупредить об этом судебного следователя, а тот не замедлил воспользоваться случаем и... провел короткий допрос. На этом допросе присутствовали г-н де Марке, секретарь, г-н Станжерсон, врач. Позднее, во время судебного разбирательства, мне удалось раздобыть запись этого допроса. Вот она, со всей присущей любому допросу юридической сухостью.

ВОПРОС. Постараюсь не слишком утомлять вас, мадемуазель, но хотелось бы знать, в состоянии ли вы сообщить нам кое-какие необходимые сведения относительно ужасного покушения, жертвой которого вы стали?

ОТВЕТ. Чувствую я себя гораздо лучше, сударь, и попробую рассказать вам все, что знаю. Когда я вошла в свою комнату, я не заметила ничего особенного.

ВОПРОС. Простите, мадемуазель, если позволите, я буду задавать вам вопросы, а вы будете отвечать на них. Это меньше утомит вас, чем долгий рассказ.

ОТВЕТ. Прошу вас, сударь.

ВОПРОС. Что вы делали в течение этого дня? Я желал бы знать это с предельной точностью, со всеми мельчайшими подробностями. Мне хотелось бы проследить за каждым вашим жестом в тот день, если, конечно, вы сочтете это возможным.

ОТВЕТ. Встала я поздно, в десять часов, так как мы с отцом вернулись глубокой ночью, нам пришлось присутствовать на обеде и на приеме, которые давал президент республики в честь делегатов филладельфийской Академии наук. Когда в половине одиннадцатого я вышла из комнаты, отец уже работал в лаборатории. Вместе с ним мы работали до полудня, затем совершили получасовую прогулку в парк, обедали мы в замке. Затем, как обычно, получасовая прогулка до половины второго. После этого мы с отцом вернулись в лабораторию. Там мы встретили горничную, только что закончившую убирать мою комнату. Я захожу в Желтую комнату, чтобы отдать горничной кое-какие незначительные распоряжения, она сразу же уходит из флигеля, а я возвращаюсь к отцу работать. В пять часов мы выходим из флигеля на новую прогулку, потом пьем чай.

ВОПРОС. Прежде чем выйти в пять часов, вы заходили в вашу комнату?

ОТВЕТ. Нет, сударь, в комнату заходил по моей просьбе отец, чтобы захватить мою шляпу.

ВОПРОС. И он не заметил ничего подозрительного? Г-Н СТАНЖЕРСОН. Разумеется, нет, сударь.

ВОПРОС. В общем, насколько я понимаю, можно считать, что в этот момент убийцы под кроватью еще не было. Когда вы ушли, то дверь в комнату осталась незапертой?

М-ЛЬ СТАНЖЕРСОН. Да. У нас не было никаких причин запирать ее...

ВОПРОС. Сколько времени вы и господин Станжерсон отсутствовали на этот раз?

ОТВЕТ. Около часа.

ВОПРОС. Именно в этот час убийца, несомненно, и проник во флигель. Но каким образом? Мы не знаем. В парке обнаружены следы, идущие от окна прихожей, но нет ни малейшего намека на следы, ведущие к окну. Вы не заметили, случайно, когда уходили с вашим отцом, окно в прихожей было открыто?

ОТВЕТ. Я не помню.

Г-Н СТАНЖЕРСОН. Оно было закрыто.

ВОПРОС. А когда вернулись?

М-ЛЬ СТАНЖЕРСОН. Я не обратила внимания.

Г-Н СТАНЖЕРСОН. Оно по-прежнему было закрыто, я это отлично помню, потому что по возвращении громко сказал: «Неужели за время нашего отсутствия папаша Жак не мог открыть окно?..»

ВОПРОС. Странно! Странно! Припомните, господин Станжерсон, ведь во время вашего отсутствия, по словам папаши Жака, он, прежде чем уйти, открыл окно. Итак, стало быть, вы вернулись в шесть часов в лабораторию и снова принялись за работу?

М-ЛЬ СТАНЖЕРСОН. Да, сударь.

ВОПРОС. И с этой минуты вы уже не покидали лабораторию до тех пор, пока совсем не ушли к себе в комнату?

Г-Н СТАНЖЕРСОН. Ни моя дочь, ни я, сударь. У нас была такая срочная работа, что мы не могли терять ни секунды. Потому-то мы и не обращали ни на что внимания.

ВОПРОС. Ужинали вы в лаборатории?

ОТВЕТ. Да, по той же причине.

ВОПРОС. Для вас обычное дело — ужинать в лаборатории?

ОТВЕТ. Нет, ужинаем мы там редко.

ВОПРОС. Убийца не мог знать, что вы собирались в тот вечер ужинать в лаборатории?

Г-Н СТАНЖЕРСОН. Боже мой, сударь, думаю — нет... Я решил, вернее, мы с дочерью решили поужинать в лаборатории, когда возвращались около шести часов во флигель. В этот момент к нам подошел лесник, он задержал меня на минутку и попросил срочно пройти с ним осмотреть лес, который я велел срубить. У меня не было времени, и я отложил это дело на завтра, а так как лесник шел в замок, я попросил его передать метрдотелю, что мы будем ужинать в лаборатории. Лесник отправился исполнять мое поручение, а я пошел к дочери, которой отдал ключ от флигеля: она оставила его в двери. Когда я вернулся, дочь уже работала.

ВОПРОС. Мадемуазель, в котором часу вы ушли в свою комнату, когда ваш отец оставался еще работать?

М-ЛЬ СТАНЖЕРСОН. В полночь.

ВОПРОС. В течение вечера папаша Жак заходил в Желтую комнату?

ОТВЕТ. Да, чтобы закрыть ставни и зажечь ночник, как обычно по вечерам...

ВОПРОС. Он не заметил ничего подозрительного?

ОТВЕТ. Не думаю, иначе он сказал бы нам. Папаша Жак славный человек, он очень любит меня.

ВОПРОС. Вы утверждаете, господин Станжерсон, что папаша Жак не покидал затем лаборатории, что он все время оставался с вами?

Г-Н СТАНЖЕРСОН. Я в этом уверен. На этот счет у меня нет никаких сомнений.

ВОПРОС. Мадемуазель, войдя к себе в комнату, вы сразу же заперли вашу дверь на ключ и на задвижку? Не слишком ли много предосторожностей? Ведь вы знали, что рядом находятся ваш отец и ваш слуга. Значит, вы чего-то боялись?

ОТВЕТ. Мой отец вскоре собирался вернуться в замок, а папаша Жак должен был пойти спать. И потом, я действительно имела основания для опасений.

ВОПРОС. Вероятно, опасения были настолько серьезны, что вы взяли револьвер папаши Жака, ничего не сказав ему об этом?

ОТВЕТ. Верно, я никого не хотела пугать, к тому же все мои страхи могли оказаться пустым ребячеством.

ВОПРОС. Чего же вы все-таки боялись?

ОТВЕТ. Не могу вам в точности сказать, но вот уже несколько ночей мне казалось, будто я слышу в парке, и за оградой, и возле самого флигеля какой-то необычный шум, иногда шаги, треск сучьев. В ночь накануне покушения после нашего возвращения из Елисейского дворца я легла очень поздно, не раньше трех часов утра, так вот, подойдя на минутку к окну, я увидела чьи-то тени, я в этом почти уверена...

ВОПРОС. Сколько теней?

ОТВЕТ. Две тени кружили вокруг пруда... Потом луна скрылась, и я ничего больше не видела. Обычно в это время года я уже возвращаюсь в свои апартаменты в замок, а вместе с тем и к зимним привычкам. Но сейчас я решила, что не уйду из флигеля до тех пор, пока отец не закончит доклад для Академии наук по итогам работ относительно распада материи. Мне не хотелось вносить какие-либо изменения в установившийся ритм нашей жизни, я боялась помешать завершению столь важной работы, ведь оставалось всего несколько дней. Надеюсь, вы понимаете, что я не хотела тревожить отца своими детскими страхами и не стала ничего рассказывать папаше Жаку, который наверняка проговорился бы. Во всяком случае, я знала, что папаша Жак держит револьвер в ящике своей тумбочки, поэтому днем, воспользовавшись его отсутствием, я быстро поднялась на чердак и взяла оружие, чтобы положить его к себе в ящик ночного столика.

ВОПРОС. Как вы думаете, у вас есть враги?

ОТВЕТ. Конечно, нет.

ВОПРОС. Поймите, мадемуазель, такие необычайные предосторожности не могут не вызвать удивления.

Г-Н СТАНЖЕРСОН. И в самом деле, дитя мое, предосторожности, прямо скажем, поразительные.

ОТВЕТ. Ничего подобного, говорю вам, что вот уже две ночи я не могла спать спокойно, и было от чего встревожиться.

Г-Н СТАНЖЕРСОН. Тебе следовало сказать мне об этом. Твое поведение непростительно. Мы могли бы избежать несчастья!

ВОПРОС. Мадемуазель, значит, заперев дверь Желтой комнаты, вы легли?

ОТВЕТ. Да, а устав, я обычно сразу засыпаю.

ВОПРОС. Ночник остался гореть?

ОТВЕТ. Да, но свет от него такой слабый...

ВОПРОС. Итак, мадемуазель, прошу вас, расскажите, что произошло дальше?

ОТВЕТ. Не знаю, долго ли я спала, но только вдруг проснулась... И громко закричала...

Г-Н СТАНЖЕРСОН. Да, крик был ужасный... «Помогите!..» Он до сих пор звучит у меня в ушах...

ВОПРОС. Вы громко закричали?

ОТВЕТ. Да. В моей комнате я увидела какого-то мужчину. Он бросился ко мне, схватил меня за горло и стал душить. Я едва не задохнулась, но тут мне удалось все-таки выхватить из приоткрытого ящика револьвер, который я туда положила. К счастью, он был заряжен. В этот момент мужчина сбросил меня с кровати на пол и замахнулся, целясь в голову чем-то вроде дубинки. Я выстрелила. Но тут же почувствовала необыкновенной силы удар, страшный удар в голову. Все это, господин следователь, произошло гораздо быстрее, чем я рассказываю, а дальше я ничего не помню.

ВОПРОС. Совсем ничего?.. Вы не представляете себе, каким образом убийца мог убежать из вашей комнаты?

ОТВЕТ. Понятия не имею... Я ничего больше не знаю. Разве после смерти знаешь, что происходит вокруг тебя!

ВОПРОС. Этот мужчина был высокий или маленького роста?

ОТВЕТ. Я видела только тень, она показалась мне огромной...

ВОПРОС. Вы не можете сообщить нам никаких дополнительных примет?

ОТВЕТ. Сударь, я ничего больше не знаю. Какой-то мужчина набросился на меня, я в него выстрелила... Больше я ничего не знаю...

На этом заканчивался допрос мадемуазель Станжерсон. Жозеф Рультабий терпеливо дожидался г-на Робера Дарзака. И тот не замедлил появиться.

Он слушал допрос в комнате, прилегающей к спальне мадемуазель Станжерсон, и пересказал его нашему другу с большой точностью, запомнив все до последней мелочи, но главное, что меня опять поразило,— это его покорность. Благодаря записям, сделанным им наспех карандашом, он смог почти дословно воспроизвести все вопросы и ответы.

По правде говоря, г-н Дарзак похож был на секретаря

моего юного друга и вел себя так, словно ни в чем не мог отказать ему. Даже более того, казалось, будто он работает на него.

Закрытое окно поразило репортера точно так же, как поразило оно судебного следователя. Кроме того, Рультабий попросил г-на Дарзака повторить ему еще раз весь распорядок этого трагического дня в том виде, в каком мадемуазель Станжерсон и г-н Станжерсон восстановили его для следователя. Его в высшей степени заинтересовало то обстоятельство, что они ужинали в лаборатории, и он попросил г-на Дарзака дважды повторить, чтобы исключить любые сомнения, то место допроса, где выяснилось, что один только лесник знал о том, что профессор с дочерью будут ужинать в лаборатории, и каким именно образом лесник узнал об этом.

Когда г-н Дарзак умолк, я заметил:

— Ну и допрос! Не слишком-то он продвинул дело.

— Да,— согласился г-н Дарзак,— теперь, пожалуй, все еще больше запуталось.

— Нет, загадка проясняется,— задумчиво сказал Рультабий.

Глава IX

РЕПОРТЕР И ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Втроем мы двинулись к флигелю. В сотне метров от здания репортер остановил нас и, указав на купу деревьев справа, сказал:

— Вот откуда вышел убийца, когда пробирался во флигель.

И так как между огромными дубами были и другие похожие на эту купу деревьев, я спросил, почему убийца выбрал именно эту, а не какую-нибудь иную. Рультабий обратил наше внимание на тропинку, проходившую мимо этих деревьев, которая вела прямо к двери флигеля:

— Как видите, тропинка усыпана гравием. Человек этот неизбежно должен был пройти здесь, потому что на мягкой земле его следов, *ведущих во флигель*, не обнаружено. А ведь у этого человека нет крыльев. Он, конечно, шел, но шел по гравию, на котором не остается следов от ботинок. Впрочем, этот гравий топтали множество ног, ведь тропинка эта ведет напрямик от флигеля к замку. Ну а

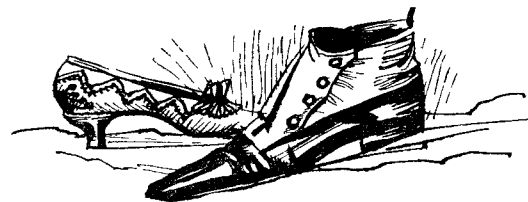
заросли эти состоят из деревьев, покрытых зеленью даже в холодное время года,— видите, тут лавр и бересклет,— и потому убийца мог спокойно укрыться среди них, дожидаясь подходящего момента, чтобы пробраться во флигель. Спрятавшись здесь, человек этот наверняка видел, как вышли господин и мадемуазель Станжерсоны, а затем и папаша Жак. Гравий на дорожке, идущей от вестибюля, доходит почти до окна. Следы человека, которые мы только что видели, идут параллельно стене — я их уже заметил раньше; они свидетельствуют о том, что ему надо было сделать всего-то два шага, чтобы очутиться у окна прихожей, оставленного открытым папашей Жаком. И там ему ничего не стоило подтянуться на руках и оказаться в прихожей.

— В конце концов, это вполне допустимо! — заметил я.

— «В конце концов, в конце концов!» Почему это в конце концов?.. — вскипел вдруг Рультабий, охваченный праведным гневом, который я нечаянно спровоцировал. — Почему вы так говорите — «В конце концов, это вполне допустимо»?

Я умолял его не сердиться, но он уже вышел из себя и ничего не желал слушать, заявив, что обожает благо-разумных и вечно во всем сомневающих людей (вроде меня, конечно), которые исподволь, с подходцем приступают к рассмотрению простейших проблем, никогда не решаясь твердо сказать «да» или «нет», так что в конечном счете все их рассуждения приводят к довольно плачевному результату, добиться которого было бы несложно и в том случае, если бы природа забыла наделить их черепную коробку хоть малой толикой серого вещества. Я даже несколько обиделся, тогда мой юный друг взял меня под руку и примирительно сказал, что имел в виду вовсе не меня и что не следует забывать о том исключительном уважении, которое он ко мне питает.

— Но согласитесь, — продолжал он, — это же граничит с преступлением — не рассуждать логично, наверняка, *когда есть такая возможность!*.. Если я в своих рассуждениях не буду опираться на гравий, мне останется уповать на воздушный шар! А наука управляемого воздухоплавания, мой дорогой, еще недостаточно развита, чтобы я включил в игру своего воображения убийцу, который падает с неба! Поэтому не стоит говорить, что та или иная вещь возможна или допустима, когда попросту невозможно, чтобы дело

обстояло иначе. Итак, теперь мы знаем, каким образом человек пролез в окно, знаем мы также и то, в какой именно момент он вошел. Вошел он во время прогулки г-на Станжерсона с дочерью, между пятью и шестью часами. Факт присутствия в лаборатории горничной, *только что закончившей уборку Желтой комнаты*, в момент возвращения профессора с дочерью в половине второго позволяет нам утверждать, что в половине второго убийцы в комнате под кроватью еще не было, если, конечно, исключить возможность соучастия горничной. Что вы на это скажете, господин Робер Дарзак?

Г-н Дарзак покачал головой, заявив, что он абсолютно уверен в горничной мадемуазель Станжерсон, что это очень честная и очень преданная служанка.

— Да и потом, в пять часов господин Станжерсон входил в комнату за шляпой дочери! — добавил он.

— Да, это немаловажный факт, — подтвердил Рультабий.

— Убийца, следовательно, вошел через окно в тот момент, о котором вы говорите, — заметил я. — Допустим. Почему же в таком случае он закрыл окно, ведь это неизбежно должно было привлечь внимание тех, кто оставил его открытым?

— Вполне возможно, что окно было закрыто не сразу, — ответил юный репортер. — *И если убийца действительно закрыл окно, то закрыл он его из-за петли, которую делает тропинка, посыпанная гравием, в двадцати пяти метрах от флигеля, а еще из-за трех дубов, растущих в этом месте.*

— Что вы хотите этим сказать? — спросил г-н Робер Дарзак, не отстававший от нас ни на шаг и внимавший Рультабию с жадным вниманием.

— Я объясню вам это позже, сударь, когда придет время, но, думается, это самое важное из того, что я сказал до сих пор по поводу этого дела, *если, конечно, моя гипотеза подтвердится.*

— А какова ваша гипотеза?

— Вы никогда о ней не узнаете, если она не подтвердится. Видите ли, дело слишком серьезно, чтобы я мог высказывать свои догадки.

— Но у вас есть хоть какое-то предположение? Кто, по-вашему, мог покушаться на жизнь мадемуазель Станжерсон?

— Нет, сударь, кто убийца, я не знаю, но не сомневайтесь, господин Робер Дарзак, *я это непременно узнаю.*

Тут я заметил, что г-н Робер Дарзак разволновался, мне даже показалось, что ему не понравилось утверждение Рультабия. Но почему тогда, если он действительно боялся, что убийцу найдут (мысленно спрашивал я самого себя), почему же он все-таки помогал репортеру искать его? У моего юного друга, похоже, сложилось точно такое же впечатление, ибо он вдруг спросил:

— Надеюсь, вы не против того, чтобы я нашел убийцу, господин Робер Дарзак? Это, случаем, не вызовет вашего недовольствия?

— Ах что вы! Я готов убить его собственными руками! — воскликнул жених мадемуазель Станжерсон с поразившей меня горячностью.

— Я верю вам! — очень серьезно сказал Рультабий. — Но вы не ответили на мой вопрос.

Тут как раз мы подошли к той купе деревьев, о которой репортер только что говорил нам; я заглянул туда и показал ему совершенно очевидные следы пребывания человека, который здесь прятался. Рультабий снова оказался прав.

— Ну конечно же! — воскликнул он. — Ну конечно, мы имеем дело с человеком во плоти, таким же, как и мы с вами, поэтому все образуется!

Сказав это, он попросил у меня бумажный след, который отдал мне на хранение, и приложил его к очень ясному отпечатку ступни под деревьями. Затем распрямился со словами:

— Вот черт!

Я думал, что теперь он отправится изучать следы бегства убийцы, идущие от окна прихожей, но он потащил нас далеко влево, заявив, что нечего понапрасну соваться в такую грязь, что теперь он и так знает весь путь, проделанный убийцей.

— Он дошел до конца стены в пятидесяти метрах отсюда, а потом перепрыгнул через ограду и ров вон там, напротив маленькой тропинки, ведущей к пруду. Это самая короткая дорога, по которой можно выйти из парка и очутиться на берегу пруда.

— А почему вы думаете, что он пошел именно к пруду?

— Да потому что Фредерик Ларсан так и кружит по

берегу с самого утра. Должно быть, он нашел там любопытные следы.

Через несколько минут мы уже подходили к пруду.

Это было небольшое водное пространство, вернее, болотце, заросшее по краям камышом, на поверхности которого еще плавало несколько жалких, безжизненных листьев кувшинок. Возможно, великий Фред и видел, как мы приближаемся, однако, судя по всему, мы его мало занимали, ибо, не обратив на нас ни малейшего внимания, он продолжал шевелить концом своей трости что-то, чего мы не могли разглядеть.

— Смотрите-ка,— молвил Рультабий,— а вот снова следы бегства убийцы; здесь они огибают пруд, потом возвращаются и, наконец, исчезают возле самого пруда, как раз перед тропкой, ведущей к большой дороге на Эпине. Ну а дальше — Париж...

— Почему вы так думаете? — прервал я его. — Ведь следов убийцы нет больше на тропинке.

— Почему я так думаю? А вот взгляните-ка сюда! Это те самые следы, которых я так ждал! — воскликнул он, указывая на вполне отчетливые отпечатки элегантных ботинок.

Затем Рультабий обратился к Фредерику Ларсану:

— Господин Фред, эти «элегантные» следы остались на дороге с тех самых пор, как совершено преступление?

— Да, молодой человек, да, причем их тщательно исследовали,— ответил Фред, не поднимая головы. — Вот видите, тут есть следы, которые ведут сюда, и есть другие, которые идут отсюда...

— Значит, у этого человека был велосипед! — воскликнул репортер.

Тут, рассмотрев след от велосипеда, который шел рядом с отпечатками элегантных ботинок на пути туда и обратно, я счел возможным вмешаться.

— Велосипед объясняет исчезновение следов, оставленных грубыми башмаками убийцы,— заметил я. — Убийца в грубых башмаках сел на велосипед... Его сообщник, человек в элегантных ботинках, поджидал его на берегу пруда с велосипедом. А нельзя предположить, что убийца действовал, следуя указаниям человека в элегантных ботинках?

— Нет! Нет! — возразил Рультабий со странной улыбкой. — С самого начала я ждал этих следов. И вот они,

наконец! Это и есть следы убийцы, и я их вам не отдам!

— А как же быть с теми, другими, от грубых башмаков?

— Это тоже следы убийцы.

— Так, значит, их было двое?

— Нет! Был только один человек, и у него не было сообщников...

— Молодец! Молодец! — крикнул со своего места Фредерик Ларсан.

— Смотрите сами,— продолжал юный репортер, показывая на землю, истоптанную грубыми каблуками. — Человек сел здесь и снял башмаки, которые надел, чтобы обмануть правосудие, затем, взяв их, конечно, с собой, он встал уже в своих собственных ботинках и преспокойно добрался пешком до большой дороги, ведя за собой велосипед. Он не мог рискнуть прокатиться на нем по такой скверной тропинке. Впрочем, об этом свидетельствует неглубокий и не очень определенный след от велосипеда, оставленный на тропинке. Если бы на этом велосипеде сидел человек, колеса глубоко бы вошли в мягкую землю... Нет, нет, здесь был только один человек: убийца. И он шел пешком!

— Bravo! Bravo! — снова крикнул великий Фред.

И вдруг, неожиданно подойдя к нам, он остановился перед г-ном Робером Дарзаком и сказал:

— Если бы у нас был сейчас велосипед... мы могли бы наглядно доказать справедливость рассуждений этого молодого человека, господин Робер Дарзак... *Не скажете ли вы, есть ли в замке велосипед.*

— Нет,— ответил Дарзак,— велосипеда нет, свой я отвез в Париж четыре дня назад, когда приезжал в замок в последний раз перед покушением.

— Жаль! — проронил Фред весьма холодным тоном.

Затем, повернувшись к Рультабию, сказал:

— Если и дальше так будет продолжаться, вы увидите, что мы с вами придем к одному и тому же заключению. Имеется ли у вас соображение относительно того, каким образом убийца вышел из Желтой комнаты?

— Да,— молвил мой друг,— такое соображение есть...

— У меня тоже,— продолжал Фред,— должно быть, точно такое же, как у вас. В этом деле все довольно однозначно. Я жду прибытия моего шефа, чтобы поговорить со следователем.

— Вот как! Начальник полиции собирается приехать?

— Да, во второй половине дня, для проведения в лаборатории в присутствии судебного следователя очных ставок всех тех, кто так или иначе сыграл или мог сыграть какую-то роль в этой трагедии. Это будет крайне интересно. Жаль, что вы не сможете туда попасть.

— Я попаду,— заверил его Рультабий.

— В самом деле... вы меня поражаете... молодой человек! — произнес полицейский не без яду. — Из вас со временем вышел бы превосходный полицейский... если бы, конечно, вы следовали определенному методу, а не доверяли бы в такой степени своей интуиции и не следовали велению вот этих своих шишечек на лбу. Поверьте, я уже не раз замечал, господин Рультабий: вы слишком много рассуждаете... Вы недостаточно полагаетесь на собственные наблюдения... Что вы, например, можете сказать об окровавленном платке и о красной руке на стене? Вы, конечно, видели красную руку на стене, а я, я видел только платок... Скажите...

— Гм! — молвил несколько озадаченный Рультабий. — *Убийца был ранен мадемуазель Станжерсон в руку выстрелом из револьвера!*

— Ах, какое грубое, интуитивное заявление!.. Берегитесь, у вас, я бы сказал, прямолинейная логика, господин Рультабий, и логика может вас подвести, если вы будете так грубо с ней обращаться. Есть множество обстоятельств, при которых следует относиться к ней с осторожностью, подбираться, так сказать, к ней исподволь... Господин Рультабий, вы, конечно, правы, когда говорите о револьвере мадемуазель Станжерсон. Пострадавшая, несомненно, стреляла. Однако вы неправы, когда беретесь утверждать, что она ранила убийцу в руку...

— Я в этом уверен! — воскликнул Рультабий.

Фред невозмутимо продолжал:

— Недостаток наблюдательности!.. Недостаток наблюдательности!.. Исследование носового платка, бесчисленные круглые ярко-красные пятнышки — капли крови, которые я обнаружил, идя по следу,— а я установил, что они падали именно в тот момент, когда нога убийцы касалась земли, все это, бесспорно, свидетельствует о том, что преступник вовсе не был ранен. *У него шла носом кровь, господин Рультабий!..*

Великий Фред говорил вполне серьезно. Я невольно ахнул.

Репортер, не мигая, глядел на Фреда, а тот с величайшей серьезностью глядел на репортера. И тут Фред вывел заключение:

— Человек, у которого шла носом кровь, вытирал ее рукой и своим платком, затем вытер руку о стену. Это очень важная деталь,— добавил он,— *ибо в таком случае убийца, чтобы быть убийцей, вовсе не обязательно должен быть ранен в руку!*

Рультабий долго думал, потом сказал:

— Есть кое-что поважнее, господин Фредерик Ларсан, чем грубое обращение с логикой, я имею в виду ту самую установку, свойственную некоторым полицейским, которая заставляет их от чистого сердца незаметно приспосабливать эту самую логику к нуждам их собственных концепций. Я полагаю, вы не станете отрицать, что у вас уже есть вполне конкретное соображение относительно личности убийцы, господин Фред... И вам вовсе не нужно, чтобы убийца был ранен в руку, иначе соображение ваше потеряет под собой почву... Поэтому вы стали искать и нашли нечто другое. Это очень опасный метод, господин Фред, очень опасный, когда в подтверждение собственной идеи, тем более в таком деле, где речь идет об убийстве, отыскиваются требуемые доказательства!.. Это может далеко вас завести... Берегитесь судебной ошибки, господин Фред, она подстерегает вас!..

И Рультабий, небрежно сунув руки в карманы, тихонько посмеиваясь, уставился своими круглыми глазками на великого Фреда.

Фредерик Ларсан молча разглядывал этого мальчишку, который почитал себя сильнее его. Затем, пожав плечами, поклонился нам и ушел, размашисто шагая и постукивая по камешкам на дороге *своей длинной тростью*.

Рультабий смотрел ему вслед. Потом, повернувшись к нам, юный репортер с радостным и уже торжествующим видом провозгласил:

— Я его побью!.. Я превзойду великого Фреда, каким бы искусным он ни был, я всех их побью... Рультабий сильнее их всех!.. А великий Фред, знаменитый, прославленный, грандиозный Фред... единственный, неповторимый Фред несет несусветную чушь!.. Несусветную чушь!.. Несусветную чушь!..

И он попытался изобразить антраша, но тут же, не закончив своих хореографических упражнений, внезапно

замер. Я проследил за его взглядом: глаза Рультабия были прикованы к г-ну Роберу Дарзаку; с перекошенным лицом тот глядел на тропинку, сравнивая собственные свои следы с «элегантными» следами убийцы. **РАЗНИЦЫ НЕ БЫЛО НИКАКОЙ!**

Мы думали, он лишится чувств, глаза его, расширившиеся от ужаса, избегали нашего взгляда, а правая рука судорожно теребила темно-русую бородку, обрамлявшую его честное и мягкое лицо, на котором было написано глубокое отчаяние. Потом, наконец взяв себя в руки, он поклонился нам и неузнаваемым голосом сказал, что ему необходимо вернуться в замок, и тут же ушел.

— Вот черт! — вырвалось у Рультабия.

Вид у репортера тоже был подавленный. Он достал из бумажника чистый лист бумаги, и, как в прошлый раз, вырезал ножницами контур элегантного ботинка убийцы, модель которого осталась здесь, на земле. Затем он приложил этот новый бумажный след на отпечаток ноги г-на Дарзака. Совпадение было идеальным, Рультабий встал, снова буркнув:

— Вот черт!

Я не решался вымолвить ни слова, прекрасно понимая всю важность того процесса, который скрывали бугорки на лбу Рультабия.

— А я все-таки верю в то, что господин Робер Дарзак честный человек...

И он потащил меня в харчевню «Донжон», которая виднелась в километре от пруда, на дороге, возле маленькой рощицы.

Глава X

«ТЕПЕРЬ САМОЕ ВРЕМЯ ОТВЕДАТЬ СВЕЖАТИНКИ»

Вид у харчевни «Донжон» был далеко не шикарный, но мне нравятся такие старые дома с почерневшими от времени и от копоти балками, эти постоянные дворы эпохи дилижансов, шаткие строения, от которых вскоре останутся одни лишь воспоминания. Они та самая частица истории, которая связывает нас с прошлым и продолжает его, они вызывают в памяти старинные дорожные сказки тех времен, когда на дорогах вас еще подстерегали опасности и приключения.

Я сразу же понял, что харчевне «Донжон» по меньшей мере два века отроду, а то и больше. Щебень с известкой кое-где уже отвалились, обнажив мощную деревянную основу, все еще отважно поддерживавшую обветшалую крышу. Да и сама крыша слегка покосилась, нахлобучившись на свои подпорки, и стала похожа на картуз пьянчужки, съехавший ему на лоб. Железная вывеска над входной дверью постанывала под порывами осеннего ветра. Местный художник изобразил на ней нечто вроде башни с островерхой крышей и фонарем, напоминавшими донжон замка Гландье. Под этой вывеской на пороге стоял мужчина весьма неприветливого вида; судя по складкам, порезавшим его лоб, и сердито сдвинутым густым бровям, его одолевали довольно мрачные мысли.

Мы подошли к нему вплотную, и только тогда он соизволил заметить нас, осведомившись малообещающим тоном, не надо ли нам чего. То был, несомненно, не слишком любезный хозяин этого очаровательного заведения. И так как мы выразили надежду пообедать у него, он признался, что не располагает никакими припасами и что ему будет крайне затруднительно выполнить наше желание, при этом в глазах его сквозило явное недоверие, причину которого я не мог разгадать.

— Вы можете не опасаться нас, — сказал ему Рультабий, — мы не из полиции.

— А я не боюсь полиции, — ответил мужчина. — Я вообще никого не боюсь.

Знаками я попытался дать понять моему другу, что мы хорошо сделаем, если не будем настаивать дальше, однако мой друг, которому, очевидно, во что бы то ни стало хотелось проникнуть в эту харчевню, проскользнул чуть ли не под мышкой у стоявшего в дверях мужчины и очутился в зале.

— Входите, — пригласил он меня, — здесь очень симпатично.

И в самом деле, в камине пылал жаркий огонь. Мы подошли поближе и протянули к живительному теплу руки, ибо в то утро уже ощущалось дыхание зимы. Комната была довольно большой, там стояли два внушительных деревянных стола, несколько скамеек, стойку украшали, выстроившись в ряд, бутылки с сиропом и алкоголем. Все три окна выходили на дорогу. Яркий рекламный плакат на стене, на котором красовалась юная парижанка, с дерзким видом

поднимавшая свой стакан, прославляя достоинства нового вермута, будто бы вызывающего аппетит. На каминной доске хозяин харчевни расставил множество горшков и кувшинов из керамики и фаянса.

— Какой прекрасный камин! Вот где хорошо поджарить курицу, — заметил Рультабий.

— У нас нет курицы, — заявил хозяин, — даже несчастного кролика — и того нет.

— Я знаю, — сказал мой друг с явной насмешкой, и это, признаться, удивило меня. — *Я знаю, что теперь самое время отвести свежатинки.*

Признаюсь, я совсем не понял смысла фразы, произнесенной Рультабием. Почему он сказал этому человеку — «Теперь самое время отвести свежатинки»? И почему хозяин харчевни, стоило ему услышать эту фразу, тихонько выругался, но тут же взял себя в руки и неожиданно покорился необходимости выполнять нашу волю, точно так же, как г-н Робер Дарзак, который на все был согласен после того, как услышал роковые слова — «Дом священника не утратил своего очарования, и сад по-прежнему благоухает»? В самом деле, мой друг обладал, видно, особым даром заставлять людей понимать себя при помощи совершенно непонятных фраз. Я сказал ему об этом, но он лишь улыбнулся в ответ. Мне, разумеется, хотелось бы, чтобы он снизошел до объяснения в чем тут дело, но он приложил палец к губам, а это со всей определенностью означало, что он не только сам не желает ничего говорить, но и мне советует помалкивать. Тем временем хозяин, толкнув маленькую дверцу, крикнул, чтобы ему принесли полдюжины яиц и кусок вырезки. Поручение это тотчас было выполнено молодой и весьма привлекательной женщиной с восхитительными белокурыми волосами и огромными, прекрасными и нежными глазами, глядевшими на нас с нескрываемым любопытством.

Хозяин гостиницы довольно грубо прикрикнул на нее:

— Ступай! И если сюда явится «зеленый человек», чтобы не видел тебя!

Она тут же исчезла. Рультабий взял яйца, которые ему принесли в миске, и мясо, лежавшее на блюде, осторожно поставил все это рядом с собой у камина, снял висевшие у очага сковороду и решетку и начал сбивать омлет. Еще он заказал две бутылки хорошего сидра и после этого вовсе перестал обращать внимание на хозяина, точно так же, как тот, казалось, не обращал никакого внимания на него. На

самом же деле хозяин исподтишка то впивался глазами в Рультабия, то с плохо скрываемой тревогой глядел на меня. Мы занялись приготовлением собственного обеда, а он накрыл для нас стол возле одного из окон.

И вдруг до меня донесся его шепот:

— Ага, вот и он!

С перекошенным лицом, не выражавшим ничего, кроме дикой злобы и ненависти, он словно приклеился к окну, устремив взгляд на дорогу. Я и слова не успел вымолвить, а Рультабий, бросив свой омлет, уже присоединился к хозяину, стоявшему у окна. Я последовал его примеру.

Мужчина в зеленом вельветовом костюме и в круглой фуражке того же цвета преспокойно шагал по дороге, раскуривая трубку. На плече у него висело ружье, и в каждом его движении сквозила едва ли не аристократическая свобода и непринужденность. Мужчине было лет сорок пять. В усах и волосах проглядывала седина. Он был отменно красив. И носил пенсне. Поравнявшись с харчевней, он, казалось, заколебался, раздумывая, войти ему или нет, затем, бросив взгляд в нашу сторону и сделав несколько затяжек, тем же беспечным шагом двинулся дальше.

Мы с Рультабием взглянули на хозяина. Его сверкающие глаза, сжатые кулаки, дрожащие губы яснее ясного свидетельствовали о бушевавших в его душе страстях.

— Хорошо сделал, что не вошел сегодня, — просвистел он.

— Кто это? — спросил Рультабий, взбивая свой омлет.

— «Зеленый человек»! — проворчал владелец харчевни. — Вы его не знаете? Тем лучше для вас. Знакомство незавидное... Ну а вообще-то это лесник г-на Станжерсона.

— Похоже, вы его не слишком-то жалуете? — спросил Рультабий, выливая омлет на сковородку.

— Да его здесь, сударь, никто не любит. Заносчив больно. Должно быть, раньше-то у него было состояние, вот он и злится на всех, кто видит, что теперь ему приходится быть в услужении, чтобы заработать себе на жизнь. Ведь что такое, в конце концов, лесник? Обыкновенный слуга, и только, — разве не так? Но честное слово, глядя на него, можно подумать, будто это он хозяин Гландье, будто все эти земли и леса принадлежат ему. Он ни за что не позволит какому-нибудь бедняге позавтракать куском хлеба на траве — как же, трава-то ведь его!

— Он заходит к вам иногда?

— Слишком часто. Но я заставляю его понять, что его личность мне не по душе. Какой-нибудь месяц назад он и знать меня не желал. Харчевня «Донжон» для него как бы не существовала!.. Времени у него, видите ли, не было! А все дело в том, что он ухаживал тогда за хозяйкой «Трех лилий» в Сен-Мишель. Теперь же, когда милые, видно, поссорились, он ищет, где бы ему время провести... Волкита, распутник,— словом, прескверный тип... Не найдется ни одного порядочного человека, который привечал бы его, этого юбочника!.. Да взять хотя бы сторожа и его жену из замка — они терпеть не могли этого «зеленого человека»!..

— Значит, сторож и его жена, на ваш взгляд, честные люди, сударь?

— Называйте меня «папаша Матье»... Так вот, сударь, они люди честные, это так же верно, как то, что я зовусь Матье.

— Да, но их ведь арестовали.

— Ну и что из этого следует? Впрочем, не хочу вмешиваться в чужие дела...

— А что вы думаете о покушении?

— О покушении на бедную мадемуазель? Хорошая девушка, ничего не скажешь, здесь ее все любили. Что я об этом думаю?

— Да, что вы об этом думаете?

— Ничего... и много всего... Но это никого не касается.

— Даже меня? — настаивал Рультабий.

Хозяин харчевни глянул на него искоса, буркнул что-то, потом все-таки сказал:

— Даже вас...

Омлет был готов, мы сели за стол и молча принялись за еду, но тут входная дверь отворилась, и на пороге показалась опиравшаяся на палку старая женщина, в лохмотьях, с трясущейся головой и седыми волосами, растрепанными космами падавшими на ее перепачканный сажой лоб.

— Ну, наконец-то, матушка Молитва! Долгонько же мы вас не видели,— сказал хозяин.

— Я очень болела, чуть было не померла,— ответила старуха.— Нет ли у вас, случаем, каких-нибудь объедков для Божьей твари?

И она переступила порог харчевни, а следом за ней

вошел огромный кот — я даже не подозревал, что могут быть такие большие коты. Тварь глянула на нас и испустила такое отчаянное мяуканье, что у меня мурашки побежали по спине. Никогда в жизни не слыхивал я такого отвратительного, мрачного крика.

Словно привлеченный этим криком, за старухой вошел мужчина. То был «зеленый человек». Он поздоровался с нами, приложив руку к своей фуражке, и уселся за соседний стол.

— Дайте мне стакан сидра, папаша Матье.

Когда «зеленый человек» вошел, папаша Матье так и вскинулся навстречу вновь прибывшему, однако, сдержав себя, ответил:

— Сидра больше нет, последние бутылки я отдал этим господам.

— В таком случае дайте мне стакан белого вина, — не выразив ни малейшего удивления, сказал «зеленый человек».

— Белого вина тоже нет, вообще ничего больше нет! — И папаша Матье глухо повторил: — Ничего больше нет!

— Как поживает госпожа Матье?

Услышав эти слова, произнесенные «зеленым человеком», хозяин харчевни сжал кулаки и повернулся к нему с таким свирепым выражением лица, что я уж было подумал: сейчас он его ударит, но папаша Матье просто сказал:

— Спасибо, хорошо.

Итак, стало быть, молодая женщина с большими нежными глазами, которую мы только что видели, была супругой этого отвратительного, неотесанного грубияна, все физические недостатки которого перекрывались изъяном морального порядка: дикой ревностью.

Хлопнув дверь, хозяин харчевни вышел из комнаты. Матушка Молитва по-прежнему стояла, опершись на свою палку, а кот сидел у ее ног.

— Вы, верно, болели, матушка Молитва, вас не было видно около недели, — сказал «зеленый человек».

— Да, господин лесник. Я поднималась всего раза три, чтобы помолиться святой Женеви́еве, нашей милостивой заступнице, а в остальное время была прикована к постели. И никого не было рядом, чтобы ухаживать за мной, кроме Божьей твари!

— А кот не отходил от вас?

— Ни днем ни ночью.

— Вы в этом уверены?

— Как в райской жизни.

— В таком случае как же так получилось, матушка Молитва, что в ночь преступления все слышали крик Божьей твари?

Матушка Молитва подошла вплотную к леснику и ударила об пол палкой:

— Знать ничего не знаю. Только вот что я вам скажу: нет в мире другой такой твари, чтобы так кричать... А представьте себе, в ночь преступления я тоже слышала с улицы крик Божьей твари, но ведь кот-то сидел у меня на коленях, господин лесник, и он ни разу не мяукнул, клянусь вам. И верите ли, когда я это услышала, я даже перекрестилась, словно услышала самого дьявола!

Я не спускал глаз с лесника, когда он задавал свой последний вопрос, и вряд ли ошибусь, если скажу, что заметил на его лице гнусную, насмешливую улыбочку.

В этот момент до нас донеслись пронзительные крики. Нам даже показалось, что слышатся глухие удары, словно кого-то били, колотили изо всех сил. «Зеленый человек» встал и решительно шагнул к двери, находившейся рядом с камином, но дверь сама распахнулась, и появившийся на пороге хозяин харчевни сказал:

— Не бойтесь, господин лесник, это у моей жены зубы болят! — И он усмехнулся. — Держите, матушка Молитва, вот легкое для вашего кота. — Он протянул старухе пакет.

Старуха с жадностью схватила его и поспешно удалилась со своим неразлучным котом.

— Так вы ничего не хотите мне налить? — спросил «зеленый человек».

Папаша Матье уже не в силах был сдерживать свою неприязнь.

— Нет для вас ничего! Нет для вас ничего! Ступайте прочь!..

«Зеленый человек» невозмутимо набил свою трубку, раскурил ее и, отвесив нам поклон, вышел. Едва он успел ступить за порог, как Матье захлопнул за ним дверь и, повернувшись к нам, с налитыми кровью глазами, с пеной у рта просипел, угрожая кулаком этой двери, только закрывшейся за ненавистным ему человеком:

— Уж не знаю, кто вы есть, вы, который пришли ко

мне со словами: «Теперь самое время отведать свежатинки», но если вам интересно мое мнение, я скажу: вот он, убийца! — С этими словами папаша Матье тут же покинул нас.

Вернувшись к очагу, Рультабий сказал:

— Ну а теперь пора жарить наш бифштекс. Как вы находите сидр? На мой вкус, хорош, я такой люблю.

В тот день мы больше не видели папашу Матье, гробовое молчание царило в харчевне, когда мы оттуда уходили, оставив на столе пять франков в уплату за наше пиршество.

Рультабий тут же заставил меня отмахать с милую, чтобы обойти владения профессора Станжерсона. Минут десять он простоял у начала маленькой, почерневшей от угольной пыли дорожки, проходившей мимо шалашей угольщиков, расположенных в той части леса святой Женевиевы, которая прилегает к дороге, идущей из Эпине в Корбе, сообщив мне, что убийца наверняка прошел здесь — принимая во внимание состояние его грубых башмаков, — прежде чем проник на территорию поместья и спрятался в зарослях.

— Так вы не думаете, что лесник замешан в этом деле? — спросил я.

— Посмотрим, — ответил он. — То, что говорил о нем хозяин харчевни, нисколько не волнует меня. Он говорил это со зла. И в «Донжон» я вас водил вовсе не из-за «зеленого человека».

Сказав это, Рультабий с большими предосторожностями проскользнул — и я вслед за ним — к строению возле самой ограды, служившему жилищем сторожу и его жене, арестованным в то утро. Через заднее слуховое окошко, оставшееся незакрытым, он с поразившей меня ловкостью пробрался в домик и через каких-нибудь десять минут уже вылез оттуда, сказав при этом всего два слова, которые в его устах так много означали:

— Вот черт!

Мы уже направились было в замок, когда около ворот началась непонятная суeta. Прибыл какой-то экипаж, и из замка вышли встречать его. Указав на человека, выходившего из экипажа, Рультабий сказал:

— Это начальник полиции. Сейчас мы увидим, на что способен Фредерик Ларсан и чем он лучше других...

За экипажем начальника полиции следовали еще три

экипажа, битком набитые журналистами, которым не терпелось проникнуть в парк. Тогда у ворот поставили двух жандармов, чтобы те никого не пускали. Начальник полиции успокоил журналистов, пообещав в тот же вечер сообщить прессе все возможные сведения — при условии, если это не повредит ходу следствия.

Глава XI,

В КОТОРОЙ ФРЕДЕРИК ЛАРСАН ОБЪЯСНЯЕТ, КАКИМ ОБРАЗОМ УБИЙЦА СМОГ ВЫЙТИ ИЗ ЖЕЛТОЙ КОМНАТЫ

Средь множества бумаг, документов, мемуаров, газетных вырезок, следственных материалов относительно тайны Желтой комнаты, которыми я располагаю, есть одна любопытнейшая вещь. Это знаменитое описание допроса всех причастных к этому делу, состоявшегося в тот день после полудня в лаборатории профессора Станжерсона в присутствии начальника полиции. Свидетельством этим мы обязаны перу г-на Малена, судейского секретаря, который, подобно судебному следователю, предавался на досуге литературным трудам. Описание должно было войти в книгу под названием «Мои допросы», которая так никогда и не увидела света. Мне передал его сам секретарь вскоре после неслышанной развязки этого процесса, единственного в своем роде во всей судебной летописи.

Вот оно. Это уже не сухой перечень вопросов и ответов. Судейский секретарь нередко излагает свои личные впечатления.

Свидетельство судейского секретаря

«Вот уже час, как мы со следователем находимся в Желтой комнате вместе с подрядчиком, который, следуя планам профессора Станжерсона, строил флигель. Подрядчик пришел вместе с рабочим. Г-н де Марке велел полностью очистить стены, то есть велел рабочему снять наклеенные на них обои. Простучав их заступом и молотком, мы удостоверились, что никакого отверстия в них нет. Пол и потолок мы тоже долго исследовали, но так ничего и не нашли. Да и нечего было находить. Г-н де Марке был в полном восторге и непрестанно повторял:

— Какое дело, господин подрядчик, какое дело! Вот увидите, мы никогда не узнаем, каким образом убийце удалось выйти из этой комнаты!

Тут г-н де Марке, лицо которого буквально светилось оттого, что он ничего не мог понять, соизволил вдруг вспомнить, что долг его заключается в обратном, то есть как раз в том, чтобы стараться понять, и позвал жан-дармского бригадира.

— Бригадир,— сказал он,— ступайте в замок и попросите прийти ко мне сюда, в лабораторию, господина Станжерсона и господина Робера Дарзака, а также папашу Жака и велите вашим людям привести ко мне сторожа и его жену.

Через пять минут все эти лица собрались в лаборатории. Начальник полиции, который только что прибыл в Гландье, тоже пришел к нам. Я сидел за письменным столом г-на Станжерсона и уже готов был начать работать, как вдруг г-н де Марке произнес маленькую речь, столь же оригинальную, сколь и неожиданную. Он начал так:

— Господа, если вы пожелаете, то мы можем отказаться от старой, испытанной системы допросов, ибо допросы на этот раз ничего не дадут. Я не стану вызывать вас к себе по очереди, нет. Мы все останемся здесь: господин Станжерсон, господин Робер Дарзак, папаша Жак, сторож и его жена, господин начальник полиции, господин судейский секретарь и я! И пускай все мы окажемся на равных правах, пускай сторож и его жена забудут на время, что они арестованы. Мы просто, так сказать, поговорим! Я позвал вас всех сюда просто поговорить. Мы находимся на месте преступления — так о чем же нам говорить, как не о самом преступлении? Вот и поговорим о нем! Давайте поговорим! Поговорим свободно, выскажем и умные, и глупые вещи. Будем говорить все, что придет нам в голову! Будем говорить без всякого метода, ибо никакой метод нам помочь не в силах. Я обращаю горячую молитву к божественному случаю, случаю на пути нашего познания! Итак, начнем!..— Закончив свою речь, он, проходя мимо, шепнул мне тихонько: — А? Каково? Представляете себе, какая сцена! Нет, вы только вообразите! Я сделаю из этого коротенький акт для водевиля.— И он радостно потер руки.

Я перевел взгляд на г-на Станжерсона. Надежда, которую, должно быть, пробудило в его душе последнее со-

общение врачей, заявивших, что после полученных ранений мадемуазель Станжерсон может остаться в живых, не стерло с этого благородного лица следы величайшего горя.

Человек этот, который почти уже простился навек со своей дочерью, все еще не мог прийти в себя. Его голубые глаза, такие ласковые и ясные, исполнены были невыразимой печали. Мне доводилось несколько раз видеть г-на Станжерсона во время общественных церемоний. С первой встречи я был поражен его взглядом, чистым, словно взгляд ребенка, это был сказочный взгляд, возвышенный, неземной взгляд изобретателя или безумца.

Во время этих церемоний позади него или рядом с ним всегда стояла его дочь, потому что они, говорят, никогда не разлучаются, работают вместе уже долгие годы. Эта девушка, которой минуло тридцать пять лет, хотя на вид ей не дашь и тридцати, и целиком посвятившая себя науке, все еще восхищала своей царственной красотой, оставшейся безупречной, не тронутой ни единой морщиной и не подвластной ни времени, ни любви. Кто бы мог подумать тогда, что в недалеком будущем я окажусь у ее изголовья со своей писаниной, увижу ее, можно сказать, умирающей и услышу из ее бледных уст рассказ о самом чудовищном и самом таинственном преступлении, о котором мне когда-либо доводилось слышать за время моей службы? Кто бы мог подумать, что я окажусь — вот как сегодня, например, — перед лицом отчаявшегося отца, безуспешно пытающегося дознаться, каким образом убийца его дочери мог ускользнуть от него? К чему же в таком случае подвижническая работа в глухом уединении темных лесов, если и это не может уберечь от великих бедствий, которые ставят человека на край жизни и смерти и уготованных обычно тем, кто подвержен городским страстям?¹

— Прошу вас, господин Станжерсон,— сказал г-н де Марке с важным видом,— встаньте на то самое место, где вы находились, когда мадемуазель Станжерсон покинула вас, направляясь к себе в комнату.

Г-н Станжерсон поднялся и, встав в пятидесяти сантиметрах от двери в Желтую комнату, без всякого выра-

¹ Напоминаю читателю, что я всего лишь переписываю прозу судейского секретаря и что мне не хотелось ничего менять в ней, лишая ее присущих ей размаха и величавости. (Примеч. автора.)

жения, бесцветным и, я бы даже сказал, мертвым голосом произнес:

— Я находился здесь. Около одиннадцати часов, проведя на лабораторных печах короткий химический опыт, я подвинул свой письменный стол сюда, так как папаше Жаку, который весь вечер чистил кое-какие мои аппараты, нужно было все пространство за моей спиной. Моя дочь работала вместе со мной за одним столом. Когда она встала, поцеловав меня и пожелав спокойной ночи папаше Жаку, ей пришлось с трудом протискиваться между столом и дверью, чтобы попасть к себе в комнату. То есть, иными словами, я был совсем рядом с тем местом, где вскоре должно было совершиться преступление.

— А письменный стол? — вмешался я в этот разговор, следуя пожеланию, высказанному моим шефом. — А письменный стол? Что с ним стало после того, как вы, господин Станжерсон, услышали крики «Спасите!» и выстрелы из револьвера?

— Мы оттолкнули его к стене, — ответил папаша Жак, — вот сюда, примерно на то место, где он сейчас стоит, чтобы свободнее было выламывать дверь, господин секретарь...

Я продолжал рассуждать, развивая гипотезу, которой, в общем-то, не придавал особого значения:

— Значит, письменный стол стоял так близко от комнаты, что человек, выйдя согнувшись из этой комнаты и проскользнув под стол, мог остаться незамеченным?

— Вы опять забываете, — устало прервал меня г-н Станжерсон, — что моя дочь заперла свою дверь на ключ и на задвижку, *что дверь так и осталась запертой, что мы находились у этой двери, пытаясь сломать ее, с того самого мгновения, как началось покушение, что мы ни на минуту не отходили от двери и слышали шум борьбы моей бедной дочери с убийцей, слышали, как хрипела моя несчастная дочь, когда шее ее сжимали пальцы убийцы, оставившие на ней кровавые отметины.* Нападение было скорым. Но мы подроспели тут же и все время находились непосредственно у этой двери, отделявшей нас от разыгравшейся там трагедии.

Я встал и, подойдя к двери, стал снова изучать ее тщательнейшим образом. Затем, распрямившись, обескураженно развел руками.

— Но представьте себе такой вариант, — продолжал

я, — что, если бы внутренний щит этой двери был бы открыт, *а сама дверь оставалась бы при этом закрытой*, — вот вам и решение загадки! Однако, к несчастью, после внимательного изучения двери становится ясно, что гипотеза эта неприемлема. Это толстая и крепкая дубовая дверь, сделанная из целого куска древесины... Это сразу видно, несмотря на повреждения, нанесенные теми, кто ее ломал...

— О! — вмешался папаша Жак. — Это старинная и очень солидная дверь, которую перенесли сюда из замка... Таких дверей теперь больше не делают. Нам понадобился вот этот железный брус, чтобы одолеть ее вчетвером... потому что жена сторожа тоже нам помогала, — смелая женщина, ничего не скажешь, господин следователь! Право слово, это сущее несчастье — то, что оба они находятся под арестом!

Как только прозвучал этот полный сострадания и участия протест папаши Жака, тут же снова слышались стоны и жалобы сторожа и его жены. Никогда в жизни не доводилось мне видеть таких плаксивых обвиняемых. Я почувствовал к ним глубокое отвращение¹. Даже допуская их невиновность, трудно понять, как это два человеческих существа могут до такой степени сломиться под ударом судьбы. Правдивость в такие моменты куда лучше всех этих слез и отчаянных воплей, которые чаще всего оказываются притворными и лживыми.

— Эй! — воскликнул г-н де Марке. — Еще раз прошу, довольно реветь! Скажите-ка лучше — это ведь в ваших интересах, — что вы делали под окнами флигеля в тот момент, когда убивали вашу хозяйку! Вы ведь были совсем рядом, когда папаша Жак наткнулся на вас...

— Мы бежали на помощь! — простонали они.

А жена сторожа, не переставая всхлипывать, пронзительным голосом добавила:

— Ах! Если бы он попался нам в руки, этот убийца, да мы бы его тут же прикончили!..

Так что нам и на этот раз не удалось вытянуть из них ни единой толковой фразы. Они с жаром продолжали отпираться, призывая в свидетели господ бога и всех святых и уверяя, что были в своей постели, когда услышали выстрел из револьвера.

¹ Дословно. (Примеч. автора.)

— Да не один был выстрел, а два. Вот видите, вы опять лжете. Если вы слышали один выстрел, то должны были слышать и второй!

— Боже мой, господин следователь, мы услышали только второй. Наверное, мы еще спали, когда раздался первый...

— Ну нет, стреляли два раза! — вмешался папаша Жак. — Я-то знаю, что все патроны в моем револьвере были целы, а потом мы нашли две гильзы и две пули, да и за дверью мы слышали два выстрела — правда, господин Станжерсон?

— Да, — подтвердил профессор, — два выстрела из револьвера. Сначала один — глухой, потом второй — громче.

— Зачем же вы продолжаете отпираться? — воскликнул г-н де Марке, поворачиваясь к сторожу и его жене. — Полиция, по-вашему, глупее вас! Все говорит о том, что вы были снаружи, возле флигеля, когда произошла трагедия. Что вы там делали? Не хотите сказать? Так вот, ваше молчание свидетельствует о вашем соучастии! И я со своей стороны, — сказал он, обращаясь к г-ну Станжерсону, — я со своей стороны не могу объяснить исчезновение убийцы иначе как с помощью этих двух сообщников. После того как дверь была выбита — а вы, господин Станжерсон, вы целиком были заняты вашей прекрасной дочерью, — сторож и его жена помогли бежать этому негодяю, который проскользнул, спрятавшись за них, к окну в прихожей и выпрыгнул в парк. Сторож закрыл за ним и окно, и ставни. *Ибо, в конце-то концов, не могли же эти самые ставни закрыться сами собой!* Вот к какому выводу я пришел... Если кто-нибудь придумал что-то другое, пусть скажет!..

— Этого не может быть, — вступил в разговор г-н Станжерсон. — Я не верю ни в виновность моих сторожей, ни в их соучастие, хотя и не понимаю, что они делали в парке в такой поздний час. Повторяю: этого не может быть, во-первых, потому, что сторож держал лампу и, не сходя с места, стоял на пороге комнаты; во-вторых, потому, что сам я, как только была выбита дверь, сам я опустился на колени возле тела моей дочери, *а выйти из комнаты или войти в нее через эту дверь нельзя было, иначе как переступив через тело моей дочери и задев при этом меня самого!* Этого не может быть, говорю я, потому что когда

папаша Жак и сторож заглянули в комнату и под кровать, как сделал это я, войдя туда, им сразу стало ясно, что в комнате никого, кроме моей умирающей дочери, нет.

— Что думаете по этому поводу вы, господин Дарзак, ведь вы еще ничего не сказали? — спросил следователь.

Г-н Дарзак ответил, что он ничего не думает.

— А вы, господин начальник полиции?

Г-н Дакс, начальник полиции, до этой минуты лишь слушал и изучал обстановку. И только теперь наконец он соизволил разжать губы.

— В ожидании, пока отыщут преступника, необходимо установить мотивы преступления. Возможно, это продвинет нас немного, — заметил он.

— Господин начальник полиции, — поспешил вмешаться г-н де Марке, — преступление, как мне кажется, совершено из чувства низкой ревности. Следы, оставленные убийцей, грубый платок и грязный берет — все это наводит на мысль о том, что убийца отнюдь не принадлежит к высшему классу общества. Возможно, сторож и его жена могли бы просветить нас на этот счет...

Повернувшись к г-ну Станжерсону, начальник полиции продолжал невозмутимым тоном, который, на мой взгляд, свидетельствует о крепком уме и сильно закаленном характере:

— Мадемуазель Станжерсон собиралась, насколько я понимаю, в скором времени выйти замуж?

Профессор бросил горестный взгляд на г-на Робера Дарзака.

— Да, за моего друга, которого я счастлив был бы назвать своим сыном... за господина Робера Дарзака...

— Мадемуазель Станжерсон чувствует себя много лучше и очень скоро оправится от ран. Так что эта свадьба, насколько я понимаю, всего лишь отложена, не так ли, сударь? — продолжал настаивать начальник полиции.

— Надеюсь...

— Как! Вы в этом не уверены?

Г-н Станжерсон молчал. Г-н Робер Дарзак казался взволнованным, я заметил, как дрожала его рука, державшая цепочку часов, ибо от меня ничего не скроешь. Г-н Дакс кашлянул, как это делал г-н де Марке, когда бывал в замешательстве.

— Поймите меня, господин Станжерсон, — сказал он, — в таком запутанном деле мы ничего не должны упус-

кать, мы должны знать все, вплоть до малейшей, самой незначительной детали, имеющей отношение к пострадавшей... Какая-нибудь мелочь, на первый взгляд сущий пустяк, и то... Что же заставляет вас сомневаться — и это теперь, когда мы почти уверены в возвращении к жизни мадемуазель Станжерсон, — что заставляет вас сомневаться в возможности этой свадьбы? Вы сказали: «Надеюсь». Надежда эта кроет, на мой взгляд, некое сомнение. Почему вы сомневаетесь?

Г-н Станжерсон сделал над собой видимое усилие.

— Да, сударь, — признался он в конце концов. — Вы правы. Лучше вам знать это. В противном случае, если я скрою этот факт, он может показаться значительным. Господин Робер Дарзак, я полагаю, придерживается того же мнения.

Г-н Дарзак, бледность которого в эту минуту показалась мне совершенно ненормальной, подал знак, что он согласен с профессором. Если г-н Дарзак ответил только знаком, то это, думается, потому, что он не в силах был произнести ни слова.

— Так знайте, господин начальник полиции, — продолжал г-н Станжерсон, — что моя дочь поклялась никогда не оставлять меня и держала свое слово, несмотря на все мои уговоры, так как я не раз пытался склонить ее к замужеству, ибо видел в этом свой долг. Мы знаем господина Робера Дарзака с давних пор. Господин Робер Дарзак любит мою дочь. Мне казалось, по крайней мере какое-то время, что он тоже любим, ибо не так давно из уст самой дочери я с радостью узнал, что она наконец согласилась на замужество, которого я желал всей душой. Я уже немолод, сударь, и признаюсь, то был благословенный час, когда мне довелось узнать, что после моей смерти рядом с мадемуазель Станжерсон останется человек большого сердца, которого я люблю и уважаю за его знания, что он будет любить ее и продолжать вместе с ней нашу общую работу. И вот, господин начальник полиции, за два дня до преступления моя дочь объявила мне, что она не выйдет замуж за господина Робера Дарзака. В чем тут дело, я не знаю.

Повисло тягостное молчание. Минута была решающая. Г-н Дакс продолжал:

— И мадемуазель Станжерсон никак не объяснила вам своего решения, не сказала, по какой причине?..

— Она сказала мне, что теперь слишком стара, чтобы выходить замуж... что она слишком долго ждала... что, хорошенько подумав... Сказала, что она уважает и даже любит господина Робера Дарзака... но что лучше, если все останется, как было... Будем продолжать жить по-старому... что она будет счастлива, если узы чистой дружбы, связывающие нас с господином Робером Дарзаком, соединят нас еще теснее, но что, само собой разумеется, о замужестве и речи больше быть не может.

— Все это довольно странно! — прошептал г-н Дакс.

— Странно, — повторил г-н де Марке.

— Уверю вас, с этой стороны, сударь, вы не найдете мотива преступления, — с тусклой, ледяной улыбкой произнес г-н Станжерсон.

— Во всяком случае, — не допускающим возражения тоном сказал г-н Дакс, — не воровство же является мотивом преступления!

— О! Мы в этом не сомневаемся! — воскликнул судебный следователь.

В этот момент дверь лаборатории распахнулась, и бригадир жандармерии подал судебному следователю визитную карточку. Г-н де Марке прочитал, что на ней было написано, и что-то глухо проворчал, затем сказал вслух:

— Ну нет, это уж слишком!

— В чем дело? — спросил начальник полиции.

— Визитная карточка какого-то репортера из «Эпока» — Жозефа Рультабия. На ней написано: «Одним из мотивов преступления была кража!»

Начальник полиции улыбнулся:

— А-а! Молодой Рультабий... Я уже слышал о нем... Он слывет ловкачом... Пускай войдет, господин судебный следователь.

И г-на Жозефа Рультабия пригласили войти.

Я познакомился с ним в поезде, на котором сегодня утром мы приехали в Эпине-сюр-Орж. Он чуть ли не силой ворвался к нам в купе и, должен признаться, своими манерами, своей развязностью и самомнением — ему, видите ли, казалось, будто он что-то понимает в деле, в котором и правосудие-то не может разобраться, — сразу вызвал у меня раздражение. Я не люблю журналистов. Это большие путаники, отчаянные головы, которых следует бежать, как чумы. Такого сорта люди считают, что им все позволено, и ни к чему не питают уважения. Стоит только,

на свое несчастье, дать им малейшую поблажку и подпустить к себе, и уже не знаешь, как от них избавиться, так и жди какой-нибудь неприятности. Этому на вид было никак не больше двадцати, и бесцеремонность, с которой он осмелился расспрашивать нас и спорить с нами, вызвала у меня самое настоящее отвращение. Короче говоря, его манера разговаривать свидетельствовала о том, что он без всякого стеснения издевается над нами. Я отлично знаю, что «Эпок» — орган весьма влиятельный, с которым надо уметь ладить, однако газета эта вполне могла бы обойтись без младенцев в своем редакторском составе.

Итак, г-н Жозеф Рультабий вошел в лабораторию, поклонился нам, дожидаясь, пока г-н де Марке потребует от него объяснений.

— Вы утверждаете, сударь,— начал тот,— что знаете мотив преступления, и против всякой очевидности таковым мотивом считаете кражу?

— Нет, господин судебный следователь,— я вовсе не утверждал этого. Я не говорил, что мотивом преступления была кража, *и я этого не думаю*.

— В таком случае что означает ваше послание?

— Оно означает, что *одним из мотивов* преступления была кража.

— И что же навело вас на эту мысль?

— А вот что! Соболаговолите пройти со мной.

И молодой человек пригласил нас проследовать за ним в прихожую, что мы и сделали. Там он направился к туалету и попросил г-на судебного следователя встать рядом с ним на колени. Свет в туалет проникал через застекленную дверь, а при открытой двери было и вовсе светло, так что можно было разглядеть все. Г-н де Марке и г-н Жозеф Рультабий опустились на колени у порога. Молодой человек показал одно место на полу, выложенном плиткой.

— Пол в туалете папаша Жак не мыл довольно давно,— сказал он,— о чем свидетельствует слой пыли на нем. А в этом месте, как видите, остался отпечаток двух широких подошв и черной сажи, сопровождающей повсюду следы убийцы. Сажа эта — не что иное, как угольная пыль, покрывающая тропинку, по которой надо пройти, чтобы лесом добраться из Эпине в Гландье. Вам известно, что в этом месте есть шалаш угольщиков и что там в большом количестве заготавливают древесный уголь. А произошло, должно быть, вот что: убийца проник сюда после полудня,

когда во флигеле никого не было, и совершил эту кражу.

— Но какую? Где вы ее обнаружили? И где доказательства этой кражи? — воскликнули мы в один голос.

— На мысль о краже,— продолжал журналист,— меня натолкнуло...

— Вот это! — прервал его г-н де Марке, все еще стоявший на коленях.

— Разумеется,— молвил г-н Рультабий.

И г-н де Марке объяснил, что на покрытом пылью полу рядом с отпечатками двух подошв в самом деле осталась свежая отметина от тяжелого прямоугольного пакета и что нетрудно было различить следы веревок, которыми он был связан...

— Но вы, стало быть, приходили сюда, г-н Рультабий, а между тем я приказал папаше Жаку никого не впускать, ему поручено было охранять флигель.

— Не ругайте папашу Жака, я приходил сюда вместе с г-ном Робером Дарзаком.

— Ах вот как! — воскликнул г-н де Марке с явным неудовольствием, бросив при этом взгляд в сторону г-на Дарзака, который по-прежнему хранил молчание.

— Когда я увидел отпечаток пакета рядом со следами ног, я уже не сомневался в краже,— продолжал Рультабий.— Вор пришел сюда не с пакетом... Пакет этот он сделал здесь, несомненно сложив туда краденые вещи, и поставил его в этот угол, намереваясь захватить его с собой в момент бегства. *Рядом с пакетом он поставил и свои тяжелые башмаки*, ибо, посмотрите, к отпечаткам этих башмаков не ведут никакие следы, да и сами башмаки стоят рядышком,— сразу видно: *отдыхают пустые*. Теперь понятно, почему убийца, бежав из Желтой комнаты, не оставил за собой никаких следов ни в лаборатории, ни в прихожей. Войдя в Желтую комнату *в своих башмаках*, он, конечно, снял их там, потому что они мешали ему и еще потому, что он не хотел делать лишнего шума. Следы его, когда он *вошел* через прихожую и лабораторию, были смыты впоследствии папашей Жаком — это свидетельствует о том, что убийца проник во флигель через открытое окно в прихожей во время первого отсутствия папаша Жака, до мытья полов, которое имело место в половине шестого!

Сняв, вне всякого сомнения, мешавшие ему башмаки, убийца относит их в туалет и ставит там, не переступая порога, потому что на полу не осталось никаких сле-

дов — ни от босых ног, ни от какой-либо обуви. Итак, он ставит свои башмаки рядом с пакетом. К этому моменту кража уже была совершена. Затем убийца возвращается в Желтую комнату и прячется под кроватью, где отчетливо виден его след на полу и даже на циновке, которая в этом месте немного сдвинута и сильно помята. Волокна соломы, оторванные совсем недавно, также свидетельствуют о пребывании убийцы под кроватью.

— Да, да, это нам известно, — сказал г-н де Марке.

— Возвращение убийцы под кровать доказывает, что кража была не единственным мотивом появления этого человека, — продолжал этот удивительный мальчишка-журналист. — Только не говорите мне, что он спрятался там, заметив в окно прихожей то ли папашу Жака, то ли господина Станжерсона с дочерью, возвращавшихся во флигель. Ему гораздо легче было бы забраться на чердак и, спрятавшись там, дожидаться удобного случая, чтобы бежать, если бы в намерения его входил только побег. Нет и нет! Убийце необходимо было попасть в Желтую комнату...

Тут вмешался начальник полиции:

— Неплохо, совсем неплохо, молодой человек! Поздравляю... И если нам пока еще неизвестно, каким образом убийце удалось уйти, мы уже проследили шаг за шагом, как он попал сюда, и видим, что он здесь делал: совершил кражу. Но что же он украл?

— Вещи необычайно ценные, — ответил репортер.

В этот момент мы услышали крик, раздавшийся в лаборатории. Мы бросились туда и увидели господина Станжерсона. С блуждающим взглядом и трясущимися руками он показал нам на нечто вроде книжного шкафа, который он только что открыл: там было пусто.

В ту же минуту профессор упал в кресло, придвинутое к письменному столу, и простонал:

— Опять, опять меня обокрали... — И крупная одинокая слеза скатилась по его щеке. — Только прошу вас, ни слова не говорите моей дочери... Ей это доставит еще большее огорчение, чем мне... — И, глубоко вздохнув, он продолжал горестным тоном, которого мне никогда не забыть: — Впрочем, какое это теперь имеет значение... *Лишь бы она осталась жива!*

— Она будет жить! — с удивительно трогательной интонацией промолвил Робер Дарзак.

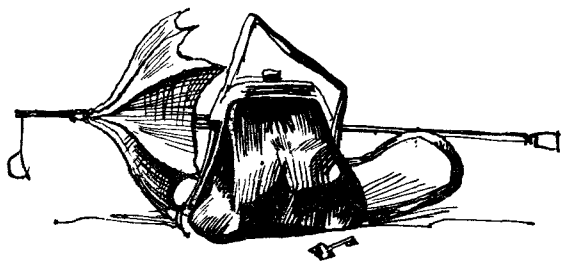
— А мы обязательно найдем похищенные вещи, — добавил г-н Дакс. — Но что же все-таки хранилось в этом шкафу?

— Двадцать лет моей жизни, — едва слышно произнес знаменитый профессор, — или, вернее, нашей жизни: моей и дочери. Да, самая ценная документация, самые секретные описания наших опытов и трудов, собранные за двадцать лет, были заперты здесь. Это были поистине отборные, самые важные бумаги среди стольких других, хранящихся в этой комнате. Поверьте, это невосполнимая потеря не только для нас, но и для всей науки. Все этапы, через которые мне пришлось пройти, чтобы получить неопровержимое доказательство распада материи, были нами тщательнейшим образом описаны, классифицированы, аннотированы, проиллюстрированы фотографиями и рисунками. И все это складывалось здесь. Чертежи новых трех аппаратов, один из которых предназначался для изучения сокращения объема предварительно наэлектризованных тел под воздействием ультрафиолетовых лучей; другой должен был делать видимой потерю электрзаряда под воздействием частиц распавшейся материи, которая содержится в газах, источаемых пламенем при горении; третий — очень изобретательно сконструированный новый электроскоп — дифференцирующий конденсатор; целый сборник документов, отражающих кривую наших поисков основных особенностей промежуточной между весомой материей и невесомым эфиром субстанции; двадцать лет опытов в области внутриатомной химии и малоизученного закона сохранения веса веществ; рукопись, которую я собирался опубликовать под названием «Страдающие металлы». И много чего другого — всего и не припомнишь. Человек, который приходил сюда, отнял у меня все: и дочь, и мои труды... Сердце и душу мою...

И великий Станжерсон заплакал, как ребенок.

Мы молча стояли вокруг, взволнованные этой безмерной скорбью. Г-н Робер Дарзак, прислонившийся к креслу, в которое рухнул профессор, безуспешно пытался скрыть свои слезы, на какое-то мгновение это чуть было не пробудило в моей душе симпатию к нему, несмотря на инстинктивное неприятие, которое вызывали у меня странное поведение и зачастую необъяснимое волнение этого загадочного персонажа.

Один лишь г-н Жозеф Рультабий, словно его драго-

ценное время и возложенная на него здесь, на земле, миссия не позволяли ему пассивно сострадать людской печали, подошел, сохраняя полное спокойствие, к пустому шкафу и, указав на него начальнику полиции, нарушил благоговейное молчание, с которым мы внимали горестным сетованиям великого Станжерсона. Неизвестно зачем он стал объяснять нам, что навело его на мысль о краже; этому, по его словам, способствовало два обстоятельства: обнаруженные им в туалете следы, о которых я говорил выше, и пустой шкаф в лаборатории. Он говорил, что только заглянул в лабораторию, однако первое, что ему бросилось в глаза, это странная форма шкафа, его несомненная прочность, его железная конструкция, призванная уберечь шкаф от случайного пожара, и, кроме всего прочего, тот факт, что на железной дверце такого шкафа, само предназначение которого — сохранность вещей, представляющих особую ценность, висел ключ. Обычно сейфы держат не для того, чтобы оставлять их открытыми... В конечном счете этот самый ключик с очень сложной медной головкой и привлек, по словам г-на Жозефа Рультабия, его внимание, а наше, наоборот, усыпил. У всех остальных, то есть у нас, кто уже вышел из детского возраста, само наличие ключа в замке вызывает чувство успокоенности, тогда как у г-на Жозефа Рультабия, несомненного гения — как говорит Жозе Дюпюи в своем романе «Пятьсот миллионов гладиаторов»: «Что за гений! Что за дантист!» — наличие ключа в замочной скважине вызвало мысль о краже. И вскоре мы узнали почему.

Но прежде чем поведать вам об этом, я должен сообщить, что г-н де Марке показался мне не в меру задумчивым — очевидно, он не знал, радоваться ему тому обстоятельству, что скромный репортер помог правосудию сделать новый шаг в расследовании этого дела, или огорчаться, что шаг этот сделан не им самим. В нашей профессии такие досадные промахи — не редкость, однако мы не имеем никакого права проявлять малодушие и должны переступить через свое самолюбие, когда речь идет о всеобщем благе. Поэтому г-н де Марке сумел преодолеть себя и счел вполне уместным присоединить наконец свои комплименты к похвалам г-на Дакса, который не скупился на них, буквально превознося г-на Рультабия. Мальчишка только пожал плечами и сказал:

— Да будет вам!

Я бы с удовольствием влепил ему пощечину, особенно после того, как он добавил:

— Хорошо бы, сударь, спросить г-на Станжерсона, у кого обычно хранился этот ключ!

— У моей дочери, — ответил г-н Станжерсон. — И с этим ключом она никогда не расставалась.

— А! Тогда это меняет дело и никак уже не соответствует концепции г-на Рультабия! — воскликнул г-н де Марке. — Если мадемуазель Станжерсон никогда не расставалась с ключом, убийца, стало быть, поджидал в эту ночь мадемуазель Станжерсон в ее комнате, чтобы украсть у нее этот ключ, и кража могла иметь место лишь *после покушения!* Однако после покушения в лаборатории находились четыре человека!.. Нет, я больше решительно ничего не понимаю!.. — И г-н де Марке повторил с неистовой яростью, знаменовавшей для него вершину упоения, ибо не помню, говорил ли я вам, что никогда не бывал он так счастлив, как в те минуты, когда ничего не понимал: — Решительно ничего!

— Кража, — возразил репортер, — могла иметь место лишь до покушения. В этом нет сомнений по причине, известной вам, и еще по ряду других причин, известных мне. *А кроме того, когда убийца проник во флигель, у него уже был ключ с медной головкой.*

— Этого не может быть, — тихонько сказал г-н Станжерсон.

— Очень даже может быть, сударь, и вот вам доказательство.

С этими словами этот чертенок вытащил из кармана номер «Эпок», датированный 21 октября (напоминаю, что преступление было совершено в ночь с 24-го на 25-е), и, показав нам объявление, прочитал его:

— «Вчера в магазине «Лув» была потеряна дамская сумочка из черного атласа. В этой сумочке находились различные предметы, в том числе маленький ключик с медной головкой. Лицу, нашедшему его, будет выплачено большое вознаграждение. Это лицо должно писать до востребования, почтовое отделение 40, М. А. Т. И. С. Н.».

Не скрывается ли под этими буквами мадемуазель Станжерсон? И этот ключ с медной головкой — не тот ли это ключ?.. Я всегда читаю объявления. В моем ремесле, так же как и в вашем, господин судебный следователь, очень полезно читать мелкие личные объявления... Сколько

там кроется всяких интриг!.. И ключей к интригам, которые не всегда, конечно, бывают с медными головками, но зато представляют неоспоримый интерес. В частности, это объявление поразило меня тем, что женщина, потерявшая ключ, предмет нисколько не компрометирующий, окружала себя такой таинственностью. И посмотрите, как она дорожила своим ключом! Обещала большое вознаграждение! Я стал думать об этих буквах: М. А. Т. И. С. Н. Первые четыре тут же навели меня на мысль об имени. «Разумеется, — размышлял я, — Мати, Матильда... Женщина, потерявшая ключ с медной головкой вместе со своей сумочкой, зовется Матильдой!..» Однако я никак не мог разгадать последние две буквы. Поэтому, бросив газету, я занялся другим делом... Но когда четыре дня спустя вечерние выпуски появились с огромными титрами, возвещавшими о покушении на МАДЕМУАЗЕЛЬ МАТИЛЬДУ СТАНЖЕРСОН, имя Матильда само по себе без всяких усилий с моей стороны тут же напомнило мне о буквах в объявлении. Немного заинтригованный, я попросил в секретариате номер от того числа. Из памяти выпали последние две буквы: С. Н. Когда я их увидел, то не мог удержаться и вскрикнул: «Станжерсон!..» Вскочив в фиакр, я бросился к почтовому отделению № 40. Я спросил: «Нет ли у вас письма, адресованного на имя М. А. Т. И. С. Н.?» Служащий ответил мне: «Нет!» И так как я настаивал, просил, умолял его поискать получше, он сказал: «Помилуйте, сударь, что за шутки!.. Да, у меня было одно письмо с инициалами М. А. Т. И. С. Н., но я отдал его три дня назад даме, которая пришла за ним. Сегодня приходите вы и, в свою очередь, требуете это письмо. А позавчера какой-то господин с такой же малоприятной настойчивостью тоже его требовал!.. Что за шутки, говорю? Надоело...»

Мне хотелось расспросить служащего о тех двух лицах, которые уже приходили за этим письмом, но то ли он решил отделаться от меня, сославшись на профессиональную тайну, — ему, конечно, казалось, что он и без того уже слишком много сказал, — то ли его и в самом деле вывел из себя возможный розыгрыш, только он не пожелал мне ответить...

Рультабий умолк. Мы все тоже молчали. Каждый, наоборот, пытался сделать какие-то выводы из этой странной истории с письмом до востребования. И в самом деле, теперь, казалось, было ясно, что мы держали в руках

прочную нить, которая поможет нам распутать это непостижимое дело.

Наконец г-н Станжерсон сказал:

— В общем-то почти с уверенностью можно сказать, что моя дочь потеряла ключ и не хотела говорить мне об этом, чтобы не волновать меня, и что она просила того или ту, кто мог найти этот ключ, написать ей до востребования. Она, очевидно, боялась дать наш адрес, опасаясь, как бы я не узнал таким образом о потере ключа. Это вполне логично и вполне естественно. *Ибо однажды меня уже обокрали, сударь!*

— Где? И когда? — спросил начальник полиции.

— О! Много лет назад в Америке, в Филадельфии. Из лаборатории у меня украли секрет двух изобретений, которые могли бы составить счастье целого народа, став его достоянием... Я так никогда и не узнал, кто был вором, мало того, я никогда не слышал никаких разговоров о самом предмете этой кражи, — вероятнее всего потому, что, стремясь сорвать расчеты того, кто меня ограбил, предал огласке оба этих изобретения, сделав невозможным плагиат. Именно с тех пор я и стал подозрительным, и потому наглухо запираю, когда работаю. Все эти решетки на окнах, уединенность флигеля, шкаф, который я сам заказал, и этот специальный замок, этот единственный ключ — все это результат моих страхов, возникших не на пустом месте, уверяю вас, печальный опыт научил меня этому.

— Очень интересно! — заявил г-н Дакс, а г-н Жозеф Рультабий спросил, известно ли что-нибудь г-ну Станжерсону или папаше Жаку об утерянной сумочке.

Выяснилось, что ни тот ни другой вот уже несколько дней не видели сумочки мадемуазель Станжерсон. Буквально через несколько часов из уст самой мадемуазель Станжерсон мы узнали, что эту сумочку у нее украли или она сама ее потеряла и что все произошло именно так, как говорил ее отец, что 23 октября она пошла в почтовое отделение № 40 и что ей вручили там письмо, которое, по ее словам, было послано каким-то злым шутником. Она его тотчас же сожгла.

Возвращаясь к нашему вопросу или, вернее, к нашему разговору, я должен сообщить, что, когда начальник полиции спросил г-на Станжерсона, при каких обстоятельствах его дочь отправилась в Париж 20 октября, то есть

в день утери сумочки, мы узнали, что она поехала в столицу «в сопровождении г-на Робера Дарзака, что в замке с тех пор его не видели и что он появился там лишь на следующий день после покушения». Тот факт, что г-н Робер Дарзак был рядом с мадемуазель Станжерсон в магазине «Лув», когда исчезла сумочка, не мог пройти незамеченным и вызвал, надо прямо сказать, большой интерес.

Беседа между представителями судебной власти, обвиняемыми, свидетелями и журналистом подходила к концу, когда случилось нечто совершенно из ряда вон выходящее, под стать самому настоящему театральному трюку, что не могло не понравиться г-ну де Марке. Явился жандармский бригадир и сообщил нам, что Фредерик Ларсан просит разрешения войти. Его тут же пустили в лабораторию. В руках у него была пара грубых башмаков, покрытых илом, которые он бросил на пол.

— Вот, — заявил он, — башмаки, в которые был обут убийца! Узнаете их, папаша Жак?

Папаша Жак склонился над этой пропахшей болотом кожей и с изумлением узнал свою старую обувь, давно выброшенную за негодностью и пылившуюся в каком-то углу на чердаке. Это повергло старика в такое смятение, что ему пришлось высморкаться, чтобы хоть как-то справиться со своим волнением.

Тогда, указав на платок, который держал в руках папаша Жак, Фредерик Ларсан сказал:

— А вот и носовой платок, удивительно похожий на тот, который был найден в Желтой комнате.

— Ах! Да знаю я, — вымолвил папаша Жак, весь дрожа. — Они, почитай, одинаковые.

— И наконец, — продолжал Фредерик Ларсан, — старый баскский берет, также найденный в Желтой комнате, вполне мог некогда красоваться на голове у папаши Жака. Все это, господин начальник полиции и господин судебный следователь, доказывает, на мой взгляд... Да успокойтесь же, старина... — обратился он к папаше Жаку, едва державшемуся на ногах. — Все это доказывает, на мой взгляд, что убийца хотел скрыть свое истинное лицо. Сделал он это достаточно грубыми средствами — или, во всяком случае, они нам представляются таковыми, так как мы уверены в том, что папаша Жак не убийца, ибо он не отходил от господина Станжерсона. Но вообразите себе, что было бы, если бы господин Станжерсон не задержался в тот

вечер так долго, если бы, простившись с дочерью, он вернулся бы в замок, если бы мадемуазель Станжерсон убили в то время, когда в лаборатории никого уже не было, и если бы папаша Жак спал у себя на чердаке! *Никто бы не усомнился, что папаша Жак и есть убийца!* Своим спасением он обязан тому обстоятельству, что трагедия разразилась слишком рано: из-за полнейшей тишины, царившей в лаборатории, убийца наверняка подумал, что там уже никого нет и что пришел момент действовать. Человек, который смог столь таинственным образом проникнуть сюда, тщательно все подготовив, чтобы бросить тень подозрения на папашу Жака, несомненно, был своим человеком в доме. В каком часу он смог пробраться сюда? После полудня? Вечером? Не могу вам сказать... *Человек, хорошо знающий и людей, и обстановку в этом флигеле, должен был проникнуть в Желтую комнату в нужное ему время.*

— Не мог же он все-таки войти сюда, когда в лаборатории кто-то был! — воскликнул г-н де Марке.

— Полноте, откуда мы знаем? — возразил Ларсан. — В лабораторию подавали ужин, ходила взад-вперед прислуга... К тому же вы забываете о химическом опыте, который проводился между десятью и одиннадцатью часами; господин Станжерсон, его дочь и папаша Жак находились тогда возле печи... вот в этом углу, у камина... Кто знает, может, убийца... свой, свой человек... воспользовался этим моментом и проскользнул в Желтую комнату, сняв предварительно обувь в туалете?

— Это маловероятно! — заметил г-н Станжерсон.

— Разумеется, но не невозможно... Поэтому я ничего не утверждаю. Что же касается его ухода, то это совсем другое дело! Каким образом он смог бежать? *Самым что ни на есть естественным!*

На какое-то мгновение Фредерик Ларсан умолк. Мгновение это показалось нам вечностью. И с вполне понятным лихорадочным нетерпением мы ожидали, когда он заговорит снова.

— Я не входил в Желтую комнату, — продолжал Фредерик Ларсан, — но, полагаю, вы убедились в том, что выйти из нее можно *только через дверь*. Убийца и вышел через дверь. Ведь если невозможно, чтобы было иначе, значит, было именно так! Он совершил преступление и вышел через дверь! Когда? А тогда, когда это было легче

всего сделать: *в тот момент, когда это наиболее объяснимо, настолько объяснимо, что иного объяснения и быть не может.* Рассмотрим же моменты, следовавшие за преступлением. Момент первый, когда возле двери находится господин Станжерсон и папаша Жак, готовые преградить дорогу убийце. Момент второй, когда папаша Жак отсутствует некоторое время и господин Станжерсон находится возле двери один. Третий момент, когда к господину Станжерсону присоединяется сторож. Четвертый момент, когда возле двери находятся господин Станжерсон, сторож, его жена и папаша Жак. Пятый момент, когда дверь выбита и Желтая комната наполнена людьми. *Момент, когда бегство наиболее объяснимо, является в то же время моментом, когда возле двери остается самое малое количество людей. И есть момент, когда остается только один человек, тот самый момент, когда возле двери стоит один господин Станжерсон.* Если, конечно, не принимать во внимание возможность молчаливого соучастия папаши Жака, причем я лично такую возможность исключаю, ибо папаша Жак не стал бы покидать флигель и проверять окно Желтой комнаты, если бы видел, как дверь открывалась и из нее выходил убийца. *Значит, дверь открылась, только когда господин Станжерсон остался один, и человек этот вышел.* Здесь мы должны признать, что у господина Станжерсона были весьма веские причины, чтобы самому не преградить дорогу убийце или не позвать кого-то остановить его, ибо он позволил ему дойти до окна в прихожей и сам закрыл за ним это окно!.. А так как папаша Жак вот-вот должен был вернуться *и надо было, чтобы к этому моменту все оставалось в прежнем виде,* получившая ужасные ранения мадемуазель Станжерсон нашла в себе силы, наверняка выполняя просьбу отца, и снова закрыла дверь Желтой комнаты на ключ и на задвижку, прежде чем при последнем издыхании рухнуть на пол... Мы не знаем, кто совершил преступление, мы не знаем, жертвами какого негодяя стали господин и мадемуазель Станжерсоны, но нет ни малейшего сомнения в том, что они-то это знают! Тайна эта должна быть ужасной, раз отец без колебаний оставил умирающую дочь за дверью, которую она сама за собой и закрыла, действительно ужасной, раз он позволил уйти убийце... *Но другой возможности объяснить бегство убийцы из Желтой комнаты попросту не существует!*

В тишине, которая воцарилась после столь драматического и предельно ясного объяснения случившегося, было что-то ужасное. Все мы страшно переживали за прославленного профессора, загнанного таким образом в тупик безжалостной логикой Фредерика Ларсана и вынужденного либо признаться и рассказать нам о своих муках, либо молчать, что было бы еще более страшным признанием. И тут мы стали свидетелями того, как человек этот, похожий на изваяние скорби, встал и поднял руку с таким торжественным видом, что мы склонили головы, словно при виде чего-то священного. Громовым голосом, который, казалось, отнял у него последние силы, он произнес следующие слова:

— Клянусь головой моей умирающей дочери, что я не отходил от этой двери с того самого момента, как услышал отчаянный крик моей девочки, что дверь эта не открывалась, пока я оставался в лаборатории один, и что когда мы, наконец, проникли в Желтую комнату — трое моих слуг и я, — убийцы там уже не было! Клянусь, что я не знаю убийцу!

Надо ли говорить, что, несмотря на всю торжественность этой клятвы, мы ни на минуту не поверили словам г-на Станжерсона? Фредерик Ларсан только что приоткрыл нам истину, и мы не собирались так скоро расставаться с ней.

Когда после этого г-н де Марке объявил нам, что разговор окончен, и мы уже собирались покидать лабораторию, юный репортер, тот самый мальчишка Жозеф Рультабий, подошел к г-ну Станжерсону, с величайшим почтением взял его руку, и я слышал, как он сказал:

— Я верю вам, сударь!»

На этом я заканчиваю цитировать описание г-на Малена, судейского секретаря из Корбе, о котором считал своим долгом упомянуть. Надо ли говорить читателю, что все случившееся в лаборатории было мне сразу же, причем с предельной точностью, изложено самим Рультабием.

Я собирался покинуть замок не раньше шести часов вечера, намереваясь взять с собой статью, которую мой друг писал наспех в маленькой гостиной, предоставленной в наше распоряжение г-ном Робером Дарзаком. Репортер должен был ночевать в замке, пользуясь совершенно необъяснимым гостеприимством г-на Робера Дарзака, на которого г-н Станжерсон переложил в эти тяжкие минуты все домашние хлопоты. И тем не менее мой друг во что бы то ни стало хотел проводить меня на вокзал в Эпине. Когда мы шли парком, он сказал мне:

— Фредерик Ларсан и в самом деле очень силен и полностью заслужил свою репутацию. Знаете, как ему удалось отыскать башмаки папаши Жака? Возле того места, где мы заметили «элегантные» следы и исчезновение отпечатков грубых башмаков, прямоугольная вмятина в рыхлой земле говорила о том, что там недавно лежал камень. Ларсан стал искать этот камень, но так и не нашел и сразу же сообразил, что убийца воспользовался им для того, чтобы утопить на дне пруда башмаки, от которых хотел избавиться. Расчет Фреда оказался правильным, и его поиски увенчались успехом. Я это упустил; правда, мысли мои к тому времени уже были заняты другим, ибо *чрезмерное количество ложных следов, оставленных убийцей*, а также размер черных отпечатков, соответствующих размеру ноги папаши Жака, — а это мне удалось проверить незаметно для него на полу в Желтой комнате, — все это убеждало меня в том, что убийца хотел навлечь подозрение на старого слугу. Потому-то, если помните, я и сказал ему, что раз в этой роковой комнате найден берет, он непременно должен быть похожим на его собственный, и описал носовой платок, в точности такой же, каким, я видел, пользовался он. В этом мы с Ларсаном полностью согласны, но дальше расходимся во взглядах, и ЭТО, ВЕРНО, БУДЕТ УЖАСНО, так как он от чистого сердца собирается совершить ошибку — и мне придется вести борьбу с ним, но какими средствами?

Меня поразил крайне серьезный тон моего юного друга, когда он произносил эти последние слова.

А он еще раз повторил:

— ДА, УЖАСНО, УЖАСНО!.. Только разве и в самом деле нет никаких средств для борьбы, если есть идея?

В этот момент мы проходили мимо замка с задней его стороны. Близилась ночь. Одно окно на втором этаже было приоткрыто. Оттуда струился слабый свет и доносились неясные звуки, которые привлекли наше внимание. Мы подошли поближе и спрятались в дверном проеме, найдя под самым окном. Рультабий тихо сказал мне, что это окно спальни мадемуазель Станжерсон. Звуки, которые привлекли наше внимание, смолкли, но вскоре снова возобновились. То были приглушенные стоны, жалобные вздохи... Нам удалось разобрать только три слова: «Мой бедный Робер!» Положив руку на мое плечо, Рультабий прошептал мне на ухо:

— Если бы можно было узнать, что говорится сейчас в этой комнате, мое расследование очень скоро подошло бы к концу...

Он огляделся вокруг. Нас окутывал вечерний сумрак, мы не видели ничего, кроме узкой лужайки, простиравшейся за замком, которую окаймляли деревья. Вздохи опять смолкли.

— Раз ничего нельзя услышать,— продолжал Рультабий,— надо попытаться по крайней мере увидеть...

И он потащил меня куда-то, делая знаки, чтобы я шагнул как можно тише. Пройдя лужайку, мы очутились у светлого ствола мощной березы, белая вершина которой терялась где-то во мраке. Береза эта росла как раз напротив интересовавшего нас окна, и ее нижние ветки были примерно на уровне второго этажа замка. Взобравшись на эти ветки, наверняка можно было увидеть то, что происходило в спальне мадемуазель Станжерсон; на это и надеялся Рультабий, ибо, наказав мне стоять тихо, он обхватил ствол своими крепкими молодыми руками и стал карабкаться вверх. Вскоре он исчез в ветвях и наступила полнейшая тишина.

Там, напротив меня, полуоткрытое окно было по-прежнему освещено. На светлом фоне я не видел ни одной тени. Дерево надо мной безмолвствовало, я ждал, и вдруг до слуха моего донеслись такие слова:

— После вас!..

— Нет, прошу вас, я — после!

Наверху, у меня над головой, кто-то разговаривал, сопереживая в учтивости, и каково же было мое удивление,

когда на гладкой поверхности ствола я увидел две человеческие фигуры, которые вскоре соскочили на землю! Рультабий поднялся туда один, а спустился вдвоем!

— Добрый вечер, господин Сенклер!

Передо мной был Фредерик Ларсан... Полицейский уже занял наблюдательный пункт, когда мой юный друг взобрался туда, полагая, что будет один... Впрочем, ни тот ни другой не обратили внимания на мое изумление. Я понял так, что, находясь на своем посту, они наблюдали исполненную нежности и отчаяния сцену между мадемуазель Станжерсон, распростертой в своей постели, и г-ном Дарзаком, стоявшим на коленях у ее изголовья. И каждый из наблюдателей уже, казалось, с крайней осторожностью делал определенные выводы, причем прямо противоположные. Легко догадаться, что сцена эта произвела большое впечатление на Рультабия, настроив его в пользу г-на Робера Дарзака, зато, по мнению Ларсана, она лишняя раз подтверждала отменное лицемерие, в искусстве которого жениху мадемуазель Станжерсон не было равных...

Когда мы уже подходили к воротам парка, Ларсан остановил нас.

— Моя трость! — воскликнул он.

— Вы забыли свою трость? — спросил Рультабий.

— Да,— ответил полицейский.— Я оставил ее там, возле дерева...

И он покинул нас, сказав, что скоро вернется...

— Вы обратили внимание на трость Фредерика Ларсана? — спросил репортер, когда мы остались одни.— Трость совсем новая... и раньше я никогда ее у него не видел... К тому же он очень дорожит ею... буквально не расстается с ней... Можно подумать, что он боится, как бы она не попала в чужие руки... До этого дня я *никогда не видел у Фредерика Ларсана трости*... Где он ее нашел? *Согласитесь, это ненормально: человек, который никогда прежде не ходил с тростью, на другой день после преступления в Гландье и шага не может ступить без этой самой трости*... Вспомните, когда мы прибыли в замок, он, заметив нас, сразу же положил часы в карман и поднял с земли свою трость — жест довольно странный, и, вполне возможно, я совершенно напрасно не придал ему никакого значения!

Тем временем мы вышли из парка. Рультабий умолк... Но мысль его наверняка была прикована к трости Фре-

дерика Ларсана. И в самом деле, когда мы уже спускались по склону к Эпине, он вдруг сказал:

— Фредерик Ларсан приехал в Гландье раньше меня; он начал свое расследование раньше меня; у него было время узнать вещи, которых я не знаю, и обнаружить то, что мне пока не известно... Где он нашел эту трость?.. — Потом, помолчав, добавил: — Не исключено, что его подозрения — и не подозрения даже, а рассуждения, — недвусмысленно направленные против Робера Дарзака, подкрепляются чем-то реальным, осязаемым, что сам он может потрогать рукой, а я — нет... Неужели это трость?.. Где, черт побери, он мог отыскать эту трость?..

В Эпине минут двадцать надо было ждать поезда, и мы зашли в кафе. Почти в ту же минуту дверь снова открылась, и на пороге появился Фредерик Ларсан, размахивающий пресловутой тростью...

— Я нашел ее! — со смехом сказал он.

Все трое мы сели за столик. Рультабий глаз не спускал с трости, он был настолько поглощен своими мыслями, что даже не заметил знака, который Ларсан подал одному из железнодорожных служащих, совсем молоденькому мальчишке, подбородок которого украшала светлая, плохо подстриженная бородка. Служащий встал, расплатился, отвесил поклон и вышел. Я бы и сам не придал никакого значения этому знаку, если бы не было случая вспомнить о нем несколькими днями позже, когда в одну из самых трагических минут этого повествования на горизонте снова появилась светлая бородка. Тогда-то я и узнал, что это был один из агентов Ларсана, которому тот поручил вести наблюдение за передвижением пассажиров на вокзале в Эпине-сюр-Орж, ибо Ларсан не оставлял без внимания ничего из того, что могло бы сослужить ему службу.

Я перевел глаза на Рультабия.

— Послушайте, господин Фред, — завел он разговор, — с каких же это пор вы обзавелись тростью?.. Я всегда видел вас разгуливающим руки в карманах!..

— Мне ее подарили, — ответил полицейский.

— И не так давно, — продолжал настаивать Рультабий.

— Нет, совсем недавно, мне подарили ее в Лондоне...

— Верно, вы же только что вернулись из Лондона, господин Фред... А можно взглянуть на вашу трость?

— Почему же нет?

И Фред передал трость Рультабию. Это была желтая бамбуковая трость, толстая и крючковатая, с золотым ободком.

Рультабий тщательно исследовал ее.

— Как же так, — насмешливо сказал он, подняв голову, — в Лондоне вам подарили французскую трость!

— Вполне возможно, — невозмутимо отвечивал Фред.

— Взгляните на марку, здесь маленькими буквами написано: «Кассет, 6 бис, площадь Оперы...»

— Посылают же в Лондон отбеливать свои сорочки, — заметил Фред. — Почему же англичане не могут покупать свои трости в Париже?..

Рультабий вернул трость. Проводив меня в мое купе, он спросил:

— Вы запомнили адрес?

— Да. Кассет, 6 бис, площадь Оперы... Можете рассчитывать на меня, завтра утром я дам вам знать.

И в самом деле, в тот же вечер я побывал в Париже, у г-на Кассета, торговавшего зонтами и тростями, и написал своему другу следующее:

«Мужчина, по приметам в точности похожий на г-на Робера Дарзака — тот же рост, слегка сутулый, та же темно-русская бородка, непромокаемый плащ, котелок, — купил трость, какая нас интересует, в день преступления около восьми часов вечера.

За последние два года г-н Кассет не продал ни единой трости, подобной этой. Трость Фреда совсем новая. Стало быть, речь идет именно о той, которая у него. Сам он не мог ее купить, потому что находился в то время в Лондоне. Так же как и вы, я думаю, что он нашел ее и что она каким-то образом связана с г-ном Робером Дарзаком... Однако в таком случае, если, как вы утверждаете, убийца находился в Желтой комнате с пяти часов или даже с шести, а трагедия произошла лишь около полуночи, покупка этой трости обеспечивает г-ну Роберу Дарзаку неоспоримое алиби».

«ДОМ СВЯЩЕННИКА НЕ УТРАТИЛ СВОЕГО
ОЧАРОВАНИЯ, И САД ПО-ПРЕЖНЕМУ БЛАГОУХАЕТ»

Через неделю после описанных мною событий, а точнее, 2 ноября, дома, в Париже, я получил такую телеграмму: «Приезжайте в Гландье первым же поездом. Захватите револьверы. С дружеским приветом. Рультабий».

Помнится, я уже говорил вам, что в ту пору, будучи молодым адвокатом-стажером, я практически не вел никаких дел и являлся в суд скорее для того, чтобы освоиться со своими профессиональными обязанностями, чем защищать униженных и обездоленных. Поэтому я ничуть не удивился тому, что Рультабий так свободно распоряжается моим временем, к тому же он прекрасно знал, насколько мне интересны были его журналистские приключения вообще, и в особенности дело в замке Гландье. Вот уже неделю я следил за ним по разноречивым толкам газет и очень коротеньким сообщениям Рультабия в «Эпок». Из его сообщений стала известна история с бараньей костью, из них мы также узнали, что анализ бараньей кости подтвердил присутствие на ней человеческой крови; на ней были найдены свежие следы крови мадемуазель Станжерсон, но, кроме того, еще и кровь, оставшаяся от прежних преступлений, давностью в несколько лет...

Вы, конечно, понимаете, что об этом писали газеты всего мира. Никогда еще ни одно нашумевшее преступление не вызывало такого интереса. А между тем у меня складывалось впечатление, что расследование топчется на месте, поэтому я очень обрадовался, получив приглашение моего друга приехать к нему в Гландье. Правда, меня несколько смущала фраза: «Захватите револьверы».

Любопытство мое было возбуждено до предела. Если Рультабий телеграфировал мне, чтобы я привез револьверы, значит, он предполагал, что представится случай воспользоваться ими. А я, должен признаться, вовсе не герой. Но что поделаешь! В тот день речь шла о друге, который, судя по всему, испытывал затруднения и, несомненно, звал меня на помощь, поэтому я ничуть не колебался и, удостоверившись, что единственный револьвер, которым я располагал, был заряжен, отправился на Орлеанский вокзал. Но по дороге подумал, что один револьвер — это все-таки

мало, ведь Рультабий в своей телеграмме требовал револьверы во множественном числе. Тогда я зашел к оружейнику и купил превосходный маленький пистолет, радуясь возможности сделать подарок моему другу.

Я надеялся встретиться с Рультабием на вокзале в Эпине, но его там не оказалось. Однако меня ждал кабриолет, и вскоре я добрался до Гландье. У ворот не было ни души. И только на пороге самого замка я увидел моего юного друга. Он радостно помахал мне рукой и бросился горячо обнимать меня, не преминув справиться о моем здоровье.

Когда мы очутились в маленькой гостиной со старинной мебелью, о которой я уже рассказывал, Рультабий усадил меня и сразу же сказал:

— Дело плохо!

— Что именно плохо?

— Все! — И, придвинувшись ко мне, он прошептал мне на ухо: — Фредерик Ларсан в открытую идет против господина Робера Дарзака.

Это меня несколько не удивило, я это понял еще тогда, когда заметил, как побледнел жених мадемуазель Станжерсон при виде своих следов.

Тем не менее я тут же спросил:

— Ну а трость?

— Трость! Она по-прежнему в руках Фредерика Ларсана, который не расстаётся с ней...

— Но... разве она не обеспечивает алиби господину Роберу Дарзаку?

— Ни в коей мере. Я осторожно расспросил господина Дарзака, он все отрицает: ни в тот вечер, ни в какой другой он не покупал трости у Кассета... Во всяком случае, — сказал Рультабий, — как бы там ни было, я ни за что не могу поручиться, к тому же господин Дарзак порою так странно молчит, поэтому не знаешь, что и думать, когда он начинает говорить!..

— Очевидно, по мнению Фредерика Ларсана, трость эта имеет большую ценность, трость — вещественное доказательство... Только что она доказывает? Ибо, если все-таки принять во внимание час, когда она была куплена, становится ясно, что она не могла находиться в руках убийцы...

— Время несколько не смутит Ларсана... Он вовсе не обязан соглашаться с моим ходом рассуждений, согласно

которому убийца проник в Желтую комнату между пятью и шестью часами. Что ему мешает заставить его войти туда между десятью и одиннадцатью часами вечера? В этот момент как раз господин и мадемуазель Станжерсон с помощью папаша Жака проводили интереснейший химический опыт в той части лаборатории, где стоят печи. Ларсан скажет, что убийца проскользнул за их спиной, как бы невероятно это ни казалось... Ведь он уже намекал на это следователю... Если вдуматься хорошенько, такое предположение просто нелепо, принимая во внимание тот факт, что свой человек — *если речь и в самом деле идет о своем человеке* — наверняка должен был знать, что профессор скоро уйдет из флигеля, и в целях собственной безопасности этот самый «свой» отложил бы задуманную операцию на более позднее время, уже после ухода профессора... Зачем ему было рисковать, явившись в лабораторию, когда там находился профессор? И потом, когда этот «свой» мог проникнуть во флигель?.. Столько еще всего надо выяснить, прежде чем согласиться с *предположением Ларсана*. Что касается меня, то я не стану терять на это время, ибо у меня свой собственный безошибочный ход рассуждений, который не позволяет мне заниматься никакими предположениями! Но так как в настоящее время я вынужден молчать, а Ларсан иногда высказывается... возможно, все и обернулось бы против господина Дарзака... если бы меня здесь не было! — добавил с гордостью молодой человек. — Ибо против господина Дарзака говорят и другие внешние улики, гораздо более страшные, чем вся эта история с тростью, которая мне до сих пор неясна, тем более что Ларсан, не стесняясь, ходит с этой тростью в присутствии господина Дарзака — представляете, с той самой тростью, которая будто бы принадлежит господину Дарзаку! Ход рассуждений Ларсана во многом мне стал понятен, одно мне неясно: трость.

— Фредерик Ларсан по-прежнему в замке?

— Да, он не покидает его ни на минуту! И спит там, так же как я, по просьбе господина Станжерсона. Господин Станжерсон делает для него то же, что господин Робер Дарзак сделал для меня. После того как Фредерик Ларсан обвинил его в том, что он знает убийцу и позволил ему бежать, господин Станжерсон решил всеми способами помочь своему обвинителю докопаться до истины. Точно так же господин Робер Дарзак действует в отношении меня.

— Но вы-то, по крайней мере, уверены в невинности господина Робера Дарзака?

— Какое-то время я не отвергал возможности его вины. Это было в самом начале, когда мы шли сюда в первый раз. Теперь наступил момент рассказать вам о том, что произошло здесь между мною и господином Дарзаком.

Тут Рультабий остановился и спросил, привез ли я оружие. Я показал ему оба револьвера. Проверив их, он сказал:

— Превосходно! — и отдал мне их обратно.

— Они нам понадобятся? — спросил я.

— Несомненно. Причем сегодня же вечером. Мы проведем ночь здесь, вы не возражаете?

— Нет, нет, что вы, совсем напротив! — поспешил я заверить его с таким видом, что Рультабий расхохотался.

— Ну будет, будет! — спохватился он. — Сейчас не время смеяться. Давайте поговорим серьезно. Помните ту фразу, которая, подобно волшебному «Сезам, откройся!», отворила нам двери этого замка, полного тайн?

— Конечно, — ответил я, — прекрасно помню: «Дом священника не утратил своего очарования, и сад по-прежнему благоухает». Это та самая наполовину сгоревшая фраза, листок с которой вы нашли среди углей в лаборатории.

— Да, и в самом углу этого листка пламя пощадило дату: 23 октября. Запомните эту дату, это крайне важно. А теперь я расскажу вам историю этой нелепой фразы. Не знаю, известно ли вам, что накануне покушения, то есть двадцать третьего, господин и мадемуазель Станжерсон поехали на прием в Елисейский дворец. По-моему, они даже присутствовали на обеде. Во всяком случае, на приеме они точно были, я сам их там видел. А попал я туда по долгу службы. Мне надо было взять интервью у одного из ученых мужей Филадельфийской академии, которых чествовали в тот день. До этого дня я никогда не видел ни господина Станжерсона, ни мадемуазель Станжерсон. Я сидел в гостиной, за которой расположен так называемый салон послов, и, устав от общения с таким количеством благородных мужей, решил позволить себе предаться неясным мечтам, как вдруг почувствовал рядом запах духов дамы в черном. Вы спросите меня, что это за «духи дамы в черном». Вам довольно знать, что духи эти я очень любил, это были духи одной дамы, одетой

всегда в черное, которая в далеком детстве проявляла ко мне порою поистине материнскую доброту... Так вот, дама, от которой в этот день едва заметно пахло «духами дамы в черном», была одета во все белое. Она была удивительно красива. Я не мог устоять и, поднявшись, последовал за ней и ее духами. Какой-то мужчина, старик, вел под руку эту красавицу. Каждый оборачивался им вслед, и я слышал, как вокруг проносился шепот: «Это профессор Станжерсон с дочерью!» Так я узнал, за кем шел. Они встретили господина Робера Дарзака, которого я знал по внешнему виду. Профессора Станжерсона остановил один из американских ученых, Артур Уильям Ранс, и они сели в кресла в большой галерее, а господин Робер Дарзак увел мадемуазель Станжерсон в оранжерею. Я не отставал от них ни на шаг. В тот вечер погода стояла теплая, и двери в сад были открыты. Мадемуазель Станжерсон набросила на плечи легкую косынку, и я заметил, как она просила господина Дарзака пройти с ней в сад, где почти никого не было. Я снова последовал за ними, привлеченный явным волнением господина Робера Дарзака. Теперь они медленно шли вдоль стены, которая отделяет сад от улицы Марины. Я выбрал центральную аллею и шагал параллельно с ними. Затем я пошел по лужайке навстречу им. Ночь была темной, трава заглушала мои шаги. Они остановились под газовым фонарем и в его неясном свете, склонившись над листом бумаги, который держала в руках мадемуазель Станжерсон, пытались прочитать что-то, видно сильно интересовавшее их. Я тоже остановился. Вокруг было черно и тихо. Они меня не заметили, зато я явственно слышал, как мадемуазель Станжерсон повторила, складывая листок: *«Дом священника не утратил своего очарования, и сад по-прежнему благоухает!»* В голосе ее звучала насмешка и в то же время отчаянная безысходность, причем слова эти сопровождались таким нервным смехом, что, мне кажется, они навсегда останутся в моей памяти. И тут же я услышал другую фразу, сказанную господином Робером Дарзаком: *«Так неужели для того, чтобы получить вас, мне придется совершить преступление?»* Господин Робер Дарзак пребывал в необычайном волнении, он взял руку мадемуазель Станжерсон, поднес ее к губам и долго стоял так. Увидев, как вздрагивают его плечи, я подумал, что он плачет. Потом они ушли.

Когда я вернулся в большую галерею,— продолжал

Рультабий,— я уже не видел господина Робера Дарзака, встретиться с ним мне довелось лишь в Гландье, после покушения, зато я снова увидел мадемуазель Станжерсон, господина Станжерсона и ученых из Филадельфии. Мадемуазель Станжерсон стояла вместе с Артуром Рансом. Он что-то говорил ей с большим воодушевлением, глаза американца во время этой беседы сверкали особым блеском. Но я уверен, что мадемуазель Станжерсон даже не слушала, что говорил ей Артур Ранс, на лице ее было написано полнейшее безразличие. Артур Уильям Ранс человек сангвинического склада, с лицом в красных прожилках,— должно быть, он любит джин. Когда господин и мадемуазель Станжерсон ушли, он направился в буфет и уже не выходил оттуда. Я присоединился к нему и среди этой сутолоки сумел оказать ему несколько мелких услуг. Он поблагодарил меня, сказав, что уезжает в Америку через три дня, то есть двадцать шестого (на другой день после покушения). Я заговорил с ним о Филадельфии, он сказал, что живет в этом городе вот уже двадцать лет, там он и познакомился с прославленным профессором Станжерсоном и его дочерью. Затем он снова увлекся шампанским, мне казалось, он никогда не остановится. Когда я уходил, он был, можно сказать, пьян.

Так я провел этот вечер, мой дорогой друг. Не знаю, прозрение ли то было или что иное, только образы господина Робера и мадемуазель Станжерсон преследовали меня всю ночь. Представьте же себе мое состояние, когда я узнал о покушении на мадемуазель Станжерсон. Как тут не вспомнить эти слова: «Так неужели для того, чтобы получить вас, мне придется совершить преступление?» Однако не эту фразу сказал я господину Роберу Дарзаку, когда мы встретились с ним в Гландье, а ту, где речь шла о доме священника и благоухающем саде, ту самую, которую мадемуазель Станжерсон читала на листке бумаги и которой оказалось достаточно, чтобы перед нами распахнулись двери замка. Думал ли я в тот миг, что господин Робер Дарзак и есть убийца? Нет! Вернее, если говорить серьезно, то в тот момент я не думал ничего. У меня практически не было никакой информации. И все-таки мне хотелось, чтобы он сразу же доказал, что рука у него не ранена. Когда мы остались с ним одни, я тут же рассказал ему о том, как случаю было угодно, чтобы я стал свидетелем его разговора с мадемуазель Станжерсон в Елисей-

ском саду, и когда я сказал, что слышал его слова: «Так неужели для того, чтобы получить вас, мне придется совершить преступление?», он, безусловно, был сильно взволнован, и все-таки гораздо меньше, чем когда услышал фразу о доме священника. Однако в полное смятение его повергло мое сообщение о том, что в тот день, когда он должен был встретиться в Елисейском дворце с мадемуазель Станжерсон, она ходила после полудня на почту за письмом,— возможно, тем самым, которое они вместе читали в Елисейском саду и которое заканчивается словами: «Дом священника не утратил своего очарования, и сад по-прежнему благоухает!» Предположение мое, в общем-то, подтвердилось потом, когда я, как вы помните, нашел среди углей в лаборатории остатки этого письма, на котором стояла дата 23 октября. Письмо было написано и получено на почте в один и тот же день. Нет сомнений, что, вернувшись из Елисейского дворца, мадемуазель Станжерсон в ту же ночь поспешила сжечь этот компрометирующий ее документ. И напрасно господин Робер Дарзак пытался уверить меня, что письмо это не имеет никакого отношения к преступлению. Я сказал ему, что, учитывая все обстоятельства столь таинственного дела, он не имел права скрывать от правосудия случай с письмом и что лично я уверен в том, что письмо это имеет огромное значение, что отчаяние, с каким мадемуазель Станжерсон произнесла роковую фразу, рыдания самого Робера Дарзака, а также высказанная им после чтения письма угроза совершить преступление не оставляют места сомнениям. Робер Дарзак все больше и больше нервничал. Тогда я решил воспользоваться преимуществом своего положения.

«Вы собирались жениться, сударь,— сказал я как бы невзначай, стараясь не глядеть на своего собеседника,— и вдруг женитьба эта становится невозможной, насколько я понимаю, из-за автора этого письма, если сразу же после его чтения вы говорите о необходимости совершить преступление, чтобы получить мадемуазель Станжерсон. Значит, между вами и мадемуазель Станжерсон стоит кто-то, кто запрещает ей выходить замуж, кто-то, кто готов убить ее, чтобы помешать ее замужеству! — Свою маленькую речь я закончил такими словами: — А теперь, сударь, вам остается только назвать мне имя убийцы!»

Должно быть, я, сам того не подозревая, говорил чувовишные вещи, потому что, когда я взглянул, наконец, на

Робера Дарзака, лицо его было неузнаваемо, на лбу выступил пот, в глазах застыл ужас.

«Сударь,— сказал он,— я хочу попросить вас об одной вещи, это может показаться вам бессмысленным, но ради этого я *готов отдать свою жизнь*: не говорите судебным властям о том, что вы видели и слышали в Елисейском саду... Ни судебным властям, ни вообще кому бы то ни было. Клянусь вам, что я невиновен, я знаю, чувствую, что вы мне верите, но я скорее предпочту прослыть виновным, чем привлечь внимание правосудия к этой фразе: «Дом священника не утратил своего очарования, и сад по-прежнему благоухает». Правосудие не должно знать об этой фразе. Все это дело принадлежит вам, сударь, я отдаю его в ваши руки, *но забудьте о вечере в Елисейском дворце*. У вас будет множество других возможностей, кроме этой, отыскать преступника, я помогу вам, я все для вас сделаю. Хотите остаться здесь? Хотите быть здесь полновластным хозяином? Есть, спать здесь? Следить за каждым моим шагом и за всеми остальными здешними обитателями? Вы будете распоряжаться всем в Гландье, *только забудьте о вечере в Елисейском дворце*».

Тут Рультабий остановился, чтобы немного перевести дух. Теперь мне стало понятно необъяснимое ранее отношение г-на Робера Дарзака к моему другу и та легкость, с которой тот смог расположиться на месте преступления. Однако все, что я узнал, лишь еще более возбудило мое любопытство. Я попросил Рультабия рассказать мне, что было дальше. Что произошло в Гландье за минувшую неделю. Разве не говорил мой друг, что теперь против г-на Робера Дарзака есть внешние улики, гораздо более страшные, нежели трость, найденная Ларсаном?

— Все оборачивается против него,— подтвердил мой друг.— Ситуация складывается весьма опасная. Но господин Робер Дарзак, кажется, не слишком обеспокоен всем этим, и, думается, напрасно. Его ничто не интересует, кроме здоровья мадемуазель Станжерсон, которое с каждым днем улучшается, *а тут еще произошло событие более таинственное, чем сама тайна Желтой комнаты!*

— Возможно ли это?! — воскликнул я.— Какое же событие может оказаться таинственнее тайны Желтой комнаты?

— Вернемся сначала к господину Роберу Дарзаку,—

сказал Рультабий, стараясь успокоить меня.— Я говорил вам, что все оборачивается против него. «Элегантные» следы, обнаруженные Фредериком Ларсаном, похоже, и в самом деле являются следами жениха мадемуазель Станжерсон. След от велосипеда тоже вполне может оказаться следом его велосипеда, это практически установлено. С тех пор как у него появился велосипед, он всегда оставлял его в замке. Зачем же увозить его в Париж именно теперь? Разве он не собирался возвращаться в замок? Разве отмена свадьбы должна была повлечь за собой окончательный разрыв между ним и Станжерсонами? Каждая из сторон уверяет, что отношения их, безусловно, будут продолжаться. Так в чем же дело? Фредерик Ларсан полагает, что между ними все кончено. С того дня, как Робер Дарзак сопровождал мадемуазель Станжерсон в магазин «Лув», и до следующего за преступлением дня бывший жених ни разу не появлялся в Гландье. Не следует забывать, что мадемуазель Станжерсон потеряла свою сумочку и ключ с медной головкой, находясь в обществе господина Робера Дарзака. С того самого дня и до вечера в Елисейском дворце профессор Сорбонны и мадемуазель Станжерсон ни разу не виделись. Возможно, они писали друг другу. Мадемуазель Станжерсон ходила на почту за письмом до востребования, и Фредерик Ларсан считает, что это было письмо от Робера Дарзака, ибо Фредерик Ларсан, который, естественно, ничего не знает о том, что произошло в Елисейском дворце, пришел к мысли, что это Робер Дарзак собственной персоной украл сумочку и ключ с целью повлиять на решение мадемуазель Станжерсон, завладев самыми ценными бумагами ее отца, бумагами, которые он возвратил бы при условии своей женитьбы на мадемуазель Станжерсон. Все это было бы не более чем сомнительной и даже едва ли не абсурдной гипотезой, по словам самого великого Фреда, если бы не еще одно обстоятельство, причем обстоятельство весьма серьезное. Вещь эта довольно странная, на мой взгляд, и я никак не могу найти ей объяснение. Выходит, будто сам господин Дарзак ходил двадцать четвертого на почту за письмом, за тем самым письмом, которое накануне уже взяла мадемуазель Станжерсон. *Описание человека, который подходил к окошечку, в точности соответствует внешности господина Дарзака.* На вопрос, заданный ему в связи с этим следователем, господин Дарзак ответил отрицательно: нет, он не ходил на

почту; я лично верю господину Роберу Дарзаку, ибо, даже если предположить, что письмо было написано им — а я этого не думаю,— он знал, что мадемуазель Станжерсон взяла его, так как видел его у нее в руках в саду Елисейского дворца. Значит, это не он приходил на другой день, двадцать четвертого, на почту за письмом, которого, как он прекрасно знал, там уже не было. Я считаю, что за письмом приходил кто-то другой, удивительно на него похожий, то есть, иными словами, тот, кто украл сумочку; должно быть, этот человек чего-то требовал в своем письме от владелицы сумочки — мадемуазель Станжерсон,— чего-то такого, чего не последовало. И наверное, он этому очень удивился и стал сомневаться, дошло ли по назначению отправленное им письмо с надписью на конверте: «М. А. Т. И. С. Н.». Потому-то он и идет на почту, да еще с такой настойчивостью требует письмо. Затем он в ярости уходит. Письмо получено, а требование его не выполнено! Чего же он требовал? Этого не знает никто, кроме мадемуазель Станжерсон. И вот на другой день становится известно, что ночью мадемуазель Станжерсон чуть не убила, а еще через день я обнаруживаю, что обокрали профессора, воспользовавшись ключом, о котором шла речь в объявлении и о котором предлагалось сообщить в письме до востребования. Поэтому я не сомневаюсь, что человек, приходивший на почту, и есть убийца; таков же, впрочем, был ход рассуждений, в общем-то вполне логичный, и у Фредерика Ларсана, но применительно к Роберу Дарзаку. Вы, конечно, понимаете, что и следователь, и Ларсан, да и сам я,— мы все сделали, чтобы получить в почтовом отделении точные сведения о странном человеке, приходившем туда 24 октября. Но, увы, никому не известно, откуда он взялся и куда исчез! Кроме описания, согласно которому он похож на господина Робера Дарзака,— ничего! Я дал объявления в самых крупных газетах: «Предлагаю значительное вознаграждение кучеру, отвозившему клиента к почтовому отделению № 40 24 октября около десяти часов утра. Обращаться в редакцию газеты «Эпок», спросить М. Р.». Однако это ничего не дало. Не исключено, что человек этот приходил пешком, но, так как он спешил, вполне можно было предположить, что он приезжал в экипаже. В своих объявлениях я не давал его примет, опасаясь, как бы все кучера, которые привозили в этот час клиентов к почтовому отделению № 40, не явились ко мне.

Но представьте себе, не пришел ни один. И ночью и днем я задавался вопросом: что же это за человек, который до такой степени похож на господина Робера Дарзака и с которым я вновь встречаюсь при покупке им трости, попавшей в руки Фредерика Ларсана? Но самое главное заключается в том, что господин Дарзак, *который в тот час, когда его двойник приходил на почту, должен был читать лекцию в Сорбонне, лекции этой не читал.* Его замещал кто-то из друзей. И когда его спрашивают, чем он занимался в это время, он отвечает, что ходил гулять в Булонский лес. Ну что прикажете думать о профессоре, который просит почитать за него лекцию, а сам тем временем идет гулять в Булонский лес? И притом знайте, что если господин Робер Дарзак утверждает, будто утром двадцать четвертого ходил гулять в Булонский лес, то ничего более определенного он не может сказать и о своем времяпрепровождении в ночь на двадцать пятое!.. Когда Фредерик Ларсан спросил его, чем он занимался в это время, господин Дарзак вполне миролюбиво ответил, что это его личное дело, как распорядиться своим временем в Париже... Тогда Фредерик Ларсан поклялся вслух, что он сам, без чьей-либо помощи, выяснит, на что было употреблено это время. Все это дает некоторые основания для предположений великого Фреда, а если согласиться с фактом пребывания Робера Дарзака в Желтой комнате, то вполне приемлемо и объяснение полицейского относительно того, каким образом убийца мог исчезнуть: господин Станжерсон наверняка позволил бы ему уйти, чтобы избежать грандиозного скандала. Впрочем, именно эта гипотеза, которую лично я считаю ложной, и ввела в заблуждение Фредерика Ларсана, что могло бы доставить мне некоторое удовольствие, если бы подозрение не падало на невинного человека! *А теперь остается выяснить: действительно ли эта гипотеза вводит в заблуждение Фредерика Ларсана? Вот в чем вопрос! Именно в этом, и только в этом!*

— Э-э, да полноте, может быть, Фредерик Ларсан и прав! — не удержавшись, прервал я Рультабия. — Вы уверены, что господин Дарзак и в самом деле невиновен? Мне кажется, столько досадных совпадений...

— Совпадения, — ответил мой друг, — самые злостные враги истины.

— А что думает по этому поводу следовательно?

— Господин де Марке не решается предъявить обви-

нение господину Роберу Дарзаку без достаточно веских доказательств. Мало того, что общественное мнение будет не на его стороне, и это не считая Сорбонны. Его наверняка осудят и господин Станжерсон, и мадемуазель Станжерсон! Мадемуазель Станжерсон обожает господина Робера Дарзака. Пускай она видела убийцу лишь мельком, но убедить публику в том, что она могла не узнать господина Робера Дарзака, если господин Робер Дарзак и в самом деле напал на нее, будет нелегко. В Желтой комнате было, разумеется, темно, и все-таки маленький ночник освещал ее, не забываяте этого. Вот, мой друг, каково было положение дел, когда три дня назад или, вернее, три ночи назад произошло то самое неслыханное событие, о котором я упоминал.

Глава XIV

«СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ Я ЖДУ УБИЙЦУ»

— Придется показать вам место действия, — сказал мне Рультабий, — чтобы вы могли понять или, уж скорее, чтобы вы убедились в том, что понять ничего нельзя. Мне думается, я разгадал то, над чем до сих пор бьются все остальные, а именно: каким образом убийце удалось выйти из Желтой комнаты без помощи сообщников и без всякого участия господина Станжерсона. До тех пор, пока я не буду знать точно, кто убийца, я не смогу открыть свою гипотезу и тем не менее считаю ее верной, а кроме того в ней нет ничего противоземного, то есть, иными словами, она предельно проста. А вот что касается случившегося три ночи назад здесь, в самом замке, то в течение двадцати четырех часов это казалось мне превосходящим всякое воображение. И даже теперь, когда в глубине моего сознания зарождается некая гипотеза, она представляется мне до того абсурдной, что я предпочел бы ей мрак неизвестности.

С этими словами юный репортер предложил мне выйти вместе с ним. Мы обошли замок кругом. Под ногами у нас шуршали палые листья, и это был единственный шум, нарушавший тишину. Можно было подумать, что в замке никого нет. Эти древние камни, эта стоячая вода во рвах, окружавших башню, эта безутешная земля, покрытая ос-

танками минувшего лета, черные скелеты деревьев — все способствовало тому, чтобы это печальное место, над которым витала необъяснимая тайна, выглядело поистине мрачно. Когда мы огибали донжон, нам встретился «зеленый человек» — лесник, который даже не поздоровался с нами, прошел мимо, словно нас вовсе не было. Выглядел он точно так же, как в первый раз, когда я увидел его из окна харчевни папаши Матье: на плече ружье, во рту трубка, на носу — пенсне.

— Странный субъект! — сказал тихонько Рультабий.

— Вы с ним разговаривали? — спросил я.

— Да, но из него ничего не вытянешь... Он что-то ворчит в ответ, пожимает плечами и уходит. Живет он обычно на втором этаже донжона, в просторной комнате, которая раньше служила моленной. Крайне нелюдим и ходит всегда с ружьем. Любезен бывает только с девицами. Ночами часто отсутствует. Говорит, преследует браконьеров, но я подозреваю, что он ходит на свидания. Сильвия, горничная мадемуазель Станжерсон, его возлюбленная. В настоящий момент он сильно увлечен женой папаши Матье, хозяйина харчевни, но папаша Матье глаз не спускает со своей супруги, и, мне думается, невозможность подобраться к госпоже Матье делает «зеленого человека» еще более мрачным и неразговорчивым. Красивый парень, ничего не скажешь; ухоженный, пожалуй, даже элегантный... женщины на три лье вокруг без ума от него.

Миновав донжон, расположенный в самом конце левого крыла, мы очутились позади замка. Указав на окно, как я помнил, спальни мадемуазель Станжерсон, Рультабий сказал:

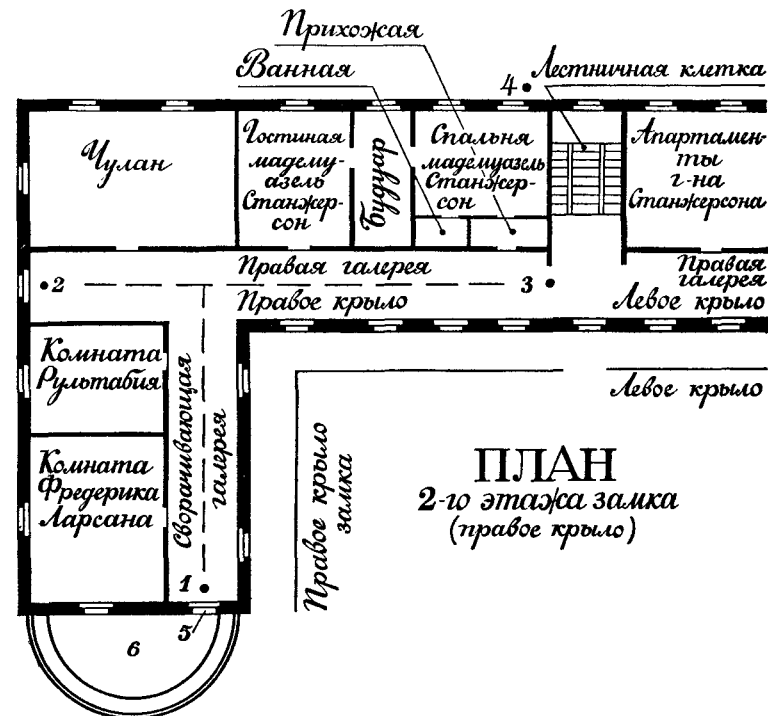
— Если бы вы оказались здесь два дня назад в час ночи, то увидели бы вашего покорного слугу на самом верху лестницы, готового проникнуть в замок через это окно!

И так как я выразил некоторое удивление по поводу столь своеобразной ночной гимнастики, он попросил меня постараться запомнить внешнее расположение замка, после чего мы вернулись в здание.

— Теперь, — сказал мой друг, — мне надо показать вам правое крыло второго этажа. Там-то как раз я и живу.

Чтобы дать читателю возможность понять расположение мест, я предлагаю план второго этажа этого самого правого крыла, план, нарисованный Рультабием на другой

день после необычайного происшествия, о котором вы сейчас узнаете во всех подробностях.

1. Место, куда Рультабий поставил Фредерика Ларсана.
2. Место, куда Рультабий поставил папашу Жака.
3. Место, куда Рультабий поставил г-на Станжерсона.
4. Окно, через которое вошел Рультабий.
5. Окно, найденное Рультабием открытым, когда он вышел из своей комнаты. Он его закрыл. Все остальные окна и двери тоже были закрыты.
6. Терраса над комнатой на первом этаже, образующей выступ.

Рультабий подал мне знак следовать за ним по двойной монументальной лестнице, образовавшей на втором этаже площадку. С этой площадки можно было пройти по галерее и в правое и в левое крыло замка. Галерея эта, высокая и просторная, шла вдоль всего здания и начина-

лась с фасада, выходившего на север. Из нее можно было попасть в комнаты, окна которых глядели на юг. Профессор Станжерсон жил в левом крыле замка. Апартаменты мадемуазель Станжерсон размещались в правом крыле. Мы вошли в галерею и свернули в правое крыло. Узкий ковер, постеленный на сверкавший, словно зеркало, до блеска натертый паркет, заглушал шум наших шагов. Рультабий шепотом сказал мне, чтобы я соблюдал осторожность, так как мы проходили мимо спальни мадемуазель Станжерсон. Он сообщил мне, что апартаменты мадемуазель Станжерсон состоят из спальни, прихожей, маленькой ванной, будуара и гостиной. Разумеется, из одной комнаты в другую можно было попасть, не выходя в галерею. Только две двери — из гостиной и из прихожей — вели непосредственно в галерею. Дальше галерея шла прямо до самой восточной оконечности здания, где находилось высокое окно (на плане окно 2). Где-то примерно на уровне двух третей длины этой галереи она под прямым углом соединялась с другой галереей, которая вела в правое крыло замка.

Для большей ясности повествования мы станем называть галерею, которая шла от лестницы к окну, выходившему на восток, правой галереей, а конец галереи, который поворачивал вместе с правым крылом и соединялся с правой галереей под прямым углом, — сворачивающей галереей. Как раз на перекрестке этих двух галерей находилась комната Рультабия, примыкавшая к комнате Фредерика Ларсана. Двери этих двух комнат выходили на сворачивающую галерею, а двери апартаментов мадемуазель Станжерсон на правую галерею (см. план).

Открыв дверь своей комнаты, Рультабий пропустил меня вперед и запер за нами дверь на задвижку. Я еще не успел как следует оглядеться, как вдруг услышал возглас удивления: Рультабий показывал мне на пенсне, лежавшее на тумбочке.

— В чем дело? — вопрошал он. — Откуда на моей тумбочке взялось это пенсне?

Я затруднялся ему ответить.

— Разве что... — начал он. — Разве что... разве что... разве что это пенсне и есть как раз то, что я ищу... и что... и что... и что это пенсне дальноточного человека!..

Он с жадностью набросился на пенсне, поглаживая

пальцами выпуклости стекол... Потом взглянул на меня, и в глазах его я увидел ужас.

— О!.. О!..

Он без конца повторял свое «О!.. О!..», словно осенившая его догадка чуть не лишила его рассудка...

Вид у него и в самом деле был безумный, он встал и, положив мне руку на плечо, сказал:

— Это пенсне сведет меня с ума, ибо такое вполне допустимо... Да, да, допустимо, если рассуждать математически... Но если рассуждать по-человечески, этого никак не может быть... или же... или же... или же...

В дверь комнаты тихонько стукнули два раза, Рультабий приоткрыл ее и кого-то впустил. Я узнал жену сторожа, которую видел на допросе во флигеле, и очень удивился, так как полагал, что она все еще сидит под замком.

— В щели, между паркетинами! — едва слышно прошептала женщина.

— Спасибо, — сказал в ответ Рультабий, и женщина тут же удалилась.

Тщательно заперев за ней дверь, Рультабий вернулся ко мне и с растерянным видом произнес совсем непонятные слова:

— Но раз это математически возможно, почему бы и по-человечески этому не быть!.. А если это возможно по-человечески, то дело просто потрясающее!

Прервав монолог Рультабия, я спросил:

— Значит, сторож и его жена на свободе?

— Да, — ответил Рультабий, — я попросил отпустить их. Мне нужны верные люди. Сторож готов теперь умереть за меня, да и жена его души во мне не чаает... А раз это пенсне дальноточного человека, то мне наверняка понадобятся преданные люди, которые готовы умереть за меня!

— О-о! — молвил я. — Так вы не шутите, друг мой... И когда же надо быть готовым умереть?

— Сегодня вечером! Ибо, должен признаться вам, мой дорогой, *сегодня вечером я жду убийцу!*

— О-о! О-о!.. Вы ждете убийцу сегодня вечером... Неужели, неужели вы ждете его сегодня вечером?.. Однако вы, стало быть, знаете убийцу?

— Ну что ж... *Теперь я, возможно, и знаю его.* Я был бы, конечно, безумцем, если бы решился категорически утверждать, что знаю его; правда, я вычислил его с ма-

тематической точностью, однако моя математика дает столь ужасающие, я бы даже сказал, чудовищные результаты, *что хотелось бы надеяться на возможность ошибки с моей стороны! О, я от всей души уповаю на это...*

— Как же так? Еще пять минут назад вы не знали, кто убийца, а теперь утверждаете, что ждете убийцу сегодня вечером. Почему?

— *Потому что я знаю, что он придет.*

Рультабий не торопясь набил трубку и так же не торопясь стал раскуривать ее.

Это предвещало начало захватывающего сюжета. В этот момент в коридоре послышались чьи-то шаги, кто-то прошел мимо нашей двери. Рультабий прислушался. Шаги стихли.

— А Фредерик Ларсан сейчас у себя в комнате? — спросил я, кивнув в сторону перегородки.

— Нет, — ответил мой друг, — отсутствует. Сегодня утром он собирался в Париж: по-прежнему следит за Дарзаком!.. Господин Дарзак тоже уехал сегодня утром в Париж. Боюсь, что все это очень плохо кончится... Я предвижу, что не позднее чем через неделю господина Дарзака арестуют. Самое скверное, что все, кажется, сошлось вместе, чтобы обернуться против этого несчастного: события, вещи, люди... И часа не проходит без того, чтобы против господина Дарзака не выдвигалось какое-нибудь новое обвинение... Следовательно уже изнемогает под бременем этих улик, он ослеплен... И в общем-то, я его понимаю: есть от чего ослепнуть!.. Хватило бы и меньшего...

— Но ведь Фредерик Ларсан, казалось бы, не новичок.

— Я думал, Фред гораздо сильнее, — с легким презрением сказал Рультабий. — Разумеется, это не какая-нибудь посредственность... Я даже восхищался им до тех пор, пока не столкнулся с его методами работы. А они, надо сказать, весьма прискорбны... Своей репутацией он обязан исключительно своей ловкости, но философского подхода у него нет, а бедность его математических концепций очевидна и не выдерживает никакой критики...

Глядя на Рультабия, я невольно улыбнулся: этот семнадцатилетний мальчишка говорил свысока о пятидесятилетнем мужчине, который снискал себе славу самого проницательного сыщика в Европе...

— Вот вы улыбаетесь, — заметил Рультабий, — а совер-

шенно напрасно!.. Клянусь вам, я его обставлю... Да еще как... Но надо спешить, ведь пока что это он меня обошел, у него колоссальное преимущество, а все из-за господина Робера Дарзака, и сегодня вечером господин Робер Дарзак наверняка ему поможет... Представляете: *каждый раз, как убийца приходит в замок*, господин Робер Дарзак по странному стечению обстоятельств отсутствует и отказывается к тому же давать какие-либо объяснения по этому поводу — просто рок какой-то!

— Каждый раз, как убийца приходит в замок! — воскликнул я. — Стало быть, он снова приходил...

— Да, в ту самую знаменитую ночь, когда произошло это из ряда вон выходящее событие...

Итак, сейчас я, наконец, узнаю об этом удивительном происшествии, на которое вот уже полчаса намекал Рультабий, так ничего и не объясняя. Но я уже привык никогда не торопить Рультабия... Обычно он начинал говорить, когда ему вздумается. И в основном когда видел в этом какой-то прок. Причем заботился он не о том, чтобы удовлетворить мое любопытство, а желая, скорее, сделать выводы для себя самого, рассказав подробно об интересующем его важном событии.

Вот и на этот раз он короткими, торопливыми фразами поведал мне о таких вещах, что я почувствовал, как на меня находит одурь какая-то, иначе и не назовешь, ибо, честно говоря, явления такой, например, мало исследованной науки, как гипнотизм, конечно, таинственны и необъяснимы, но не более, я думаю, чем *исчезновение материальной сущности убийцы в тот момент, когда они, можно сказать, держали его в руках вчетвером*. Я говорю о гипнотизме, но с тем же успехом мог бы привести в пример электроэнергию, природа которой нам неведома и законы которой нами так мало изучены, и все это потому, что на данный момент объяснение этому делу можно было искать, на мой взгляд, только в необъяснимом, то есть, иными словами, объяснять его чем-то таким, что неподвластно известным нам естественным законам. А между тем, если бы у меня был ум Рультабия, то я точно так же, как и он, предугадал бы уже естественное объяснение всему происходящему, ибо самое любопытное во всех тайнах замка Гландье — это, несомненно, та естественность, с которой Рультабий нашел им объяснение. Но кто бы мог похвастаться тогда, да и теперь тоже, что обладает умом

Рультабия? Ведь таких своеобразных и лишенных всякой гармонии бугорков, как у него на лбу, я никогда ни у кого не видел, ну, разве что на лбу у Фредерика Ларсана. Правда, у него они не такие заметные, и надо хорошенько приглядеться, чтобы угадать их существование на лбу у знаменитого полицейского, в то время как бугорки Рультабия бросались — да простят мне столь сильное и смелое выражение, — буквально бросались в глаза.

Среди прочих бумаг, переданных мне юным репортером после завершения дела, у меня сохранился блокнот, в котором я нашел подробный отчет о «явлении исчезновения материальной сущности убийцы» и запись тех мыслей, которые появились у моего друга в связи с этим необычайным происшествием. Предпочтительно, мне кажется, предложить вашему вниманию этот отчет, нежели продолжать пересказывать мой разговор с Рультабием, так как я опасюсь — особенно в такой истории, как эта, — прибавить то или иное слово, которое не в полной мере будет соответствовать абсолютной истине.

Глава XV

ЗАПАДНЯ

Из записок Жозефа Рультабия

«Прошлой ночью, то есть в ночь на 30 октября, — пишет Жозеф Рультабий, — я проснулся где-то около часу. Бессонница или какой-то шум снаружи? В глубине парка раздался зловещий крик Божьей твари. Я встаю, открываю окно. Холодный ветер и дождь, непроницаемый мрак, безмолвие. Я закрываю окно. Снова странный вопль пронзает ночь. Я быстро надеваю брюки, пиджак. В такую погоду хороший хозяин не только собаку, но и кошку на улицу не выгонит, кто же это совсем рядом с замком подражает мяуканью кота матушки Молитвы? Я беру большую дубинку — единственное оружие, которым я располагаю, — и совершенно бесшумно открываю свою дверь.

И вот я в галерее, при свете рефлекторной лампы мне все отлично видно, пламя лампы слегка подрагивает, словно от сквозняка. Я чувствую легкий ветерок. Оборачиваюсь. Окно позади меня открыто, то самое, которое находится в конце галереи, куда выходят двери наших комнат,

моей и Фредерика Ларсана, — я буду называть ее сворачивающей галереей в отличие от правой галереи, где находятся апартаменты мадемуазель Станжерсон. Обе эти галереи сходятся под прямым углом. Кто же это оставил окно открытым или кто его только что открыл? Я иду к окну, высовываюсь наружу. Под окном, примерно на расстоянии метра, есть терраса, которая служит крышей маленькой комнатке, расположенной на первом этаже и образующей выступ. В случае необходимости можно прыгнуть из окна на террасу и оттуда уже — в центральный двор замка. Тот, кто избрал этот путь, не имеет, разумеется, ключа от входной двери. Однако почему воображение рисует мне эту сцену ночной гимнастики? Из-за открытого окна? А если это всего лишь небрежность прислуги? Я закрываю окно, посмеиваясь над самим собой и над той легкостью, с какой я возвожу драматические построения на основе открытого окна. И снова крик Божьей твари в ночи. Затем воцаряется полнейшая тишина, дождь перестает стучать в стекла. Замок спит. С бесконечными предосторожностями я иду по ковро галереи. Дойдя до угла правой галереи, я вытягиваю голову и бросаю осторожный взгляд вперед. В этой галерее горит другая рефлекторная лампа, которая прекрасно освещает несколько находящихся там предметов: три кресла и несколько висящих по стенам картин. Что я тут делаю? Никогда еще замок не казался таким спокойным. Все тихо. Что за чутье толкает меня к спальне мадемуазель Станжерсон? Какое предчувствие заставляет меня подойти к ее спальне? Откуда этот голос, взывающий ко мне из глубины души: «Подойди к спальне мадемуазель Станжерсон!» Я опускаю глаза на ковер, по которому ступаю, и вижу, что меня ведут следы того, кто уже прошел здесь. Да, на ковре остались чьи-то следы, испачкавшие его уличной грязью, и я иду по этим следам, которые ведут меня к спальне мадемуазель Станжерсон. Ужас! Ужас! Я узнаю «элегантные» следы, следы убийцы! Так, значит, он пришел сюда в такую мерзкую ночь! Если из окна галереи можно спуститься через террасу вниз, то тем же путем можно и подняться наверх.

Убийца здесь, в замке, ибо обратных следов нет. Он проник в замок через окно, открытое в конце сворачивающей галереи, он прошел мимо комнаты Фредерика Ларсана, мимо моей комнаты, свернул направо, в правую га-

лерею, и вошел в спальню мадемуазель Станжерсон. Я стою у двери, ведущей в апартаменты мадемуазель Станжерсон, это дверь в прихожую, она приоткрыта, я бесшумно толкаю ее. Теперь я нахожусь в прихожей, и там, под дверью в саму спальню, я вижу полосу света. Прислушиваюсь. Ничего! Ни малейшего шума, даже дыхания и то не слышно. Ах! Знать бы, что происходит в молчании за этой дверью! Взгляда на замочную скважину довольно, чтобы понять: дверь заперта на ключ и ключ остался в скважине. И подумать только, что убийца, может быть, находится там! Он наверняка должен быть там! Сумеет ли он ускользнуть и на этот раз? Все зависит от меня. Главное — соблюдать спокойствие и не делать ошибок! Надо заглянуть в спальню. Сумею ли я войти туда через гостиную мадемуазель Станжерсон? Затем мне надо будет пересечь будуар, а убийца тем временем скроется, выйдя через дверь в галерею, через ту самую дверь, возле которой я сейчас стою.

По моим предположениям, сегодня вечером покушения еще не было, ибо иначе не объяснишь тишину, царящую в будуаре. Ведь в будуаре каждую ночь дежурят две сиделки, они останутся там до полного выздоровления мадемуазель Станжерсон.

Раз я почти полностью уверен, что убийца здесь, почему бы не поднять тревогу немедленно? Убийца, возможно, скроется, но, может быть, мне удастся спасти мадемуазель Станжерсон? А что, если убийца сегодня вовсе не убийца? Дверь была открыта, чтобы он мог войти. Но кем? И снова закрыта. Кем? Он вошел этой ночью в спальню, дверь которой наверняка была заперта изнутри, ибо мадемуазель Станжерсон каждый вечер запирается в своих апартаментах вместе с сиделками. Кто повернул ключ в замке, чтобы выпустить убийцу? Сиделки? Две верные служанки — старуха горничная или ее дочь Сильвия? Это маловероятно. К тому же они спят в будуаре, и мадемуазель Станжерсон, крайне обеспокоенная и крайне осторожная, как сказал мне Робер Дарзак, сама следит за своей безопасностью, с тех пор как стала чувствовать себя достаточно хорошо и может передвигаться по комнатам в своих апартаментах, откуда я ни разу не видел, чтобы она выходила. Это внезапное беспокойство и эта осторожность мадемуазель Станжерсон, поразившие г-на Дарзака, заставили и меня тоже призадуматься. Нет ни малейшего сомнения в том,

что, когда произошло покушение в Желтой комнате, несчастная ожидала убийцу. Может быть, она ждала его и в этот вечер? Иначе кто же тогда повернул ключ, чтобы открыть дверь убийце, который находится сейчас там? Уж не сама ли это мадемуазель Станжерсон? Ибо, в конце-то концов, она ведь могла бояться убийцу и опасаться его появления, но в то же время иметь достаточно веские причины для того, чтобы открыть ему дверь, чтобы быть вынужденной открыть ему дверь! Какое же это должно быть страшное свидание! Свидание, связанное с преступлением? Но уж, во всяком случае, не любовное, ибо мадемуазель Станжерсон обожает г-на Дарзака, я в этом уверен. Все эти мысли проносятся у меня в голове, вспыхивая подобно молнии, что пронзает мрак. Ах, если бы знать!..

Если за этой дверью царит такая тишина, значит, она необходима кому-то! И значит, мое вмешательство может принести скорее зло, чем пользу? Почему я знаю? А что, если мое вмешательство в эту минуту послужит причиной преступления? Ах, как бы увидеть и узнать, не нарушая этой тишины!

Я выхожу из прихожей. Иду к центральной лестнице и спускаюсь по ней, вот я уже в вестибюле, я бегу, стараясь как можно меньше шуметь, к маленькой комнатке на первом этаже, где после покушения во флигеле спит теперь папаша Жак.

Он уже одет, глаза его растерянно блуждают. Его ничуть не удивило мое появление, он говорит, что встал с постели после того, как услышал крик Божьей твари и еще шаги в парке. Да, да, шорох шагов у себя под окном. Тогда он выглянул в окно и увидел, как мимо проскользнул черный призрак. Я спрашиваю, есть ли у него оружие. Нет, с тех пор как следователь забрал его револьвер, у него нет больше оружия. Я тащу его в парк через маленькую дверь черного хода. Скользим вдоль стены замка до самого того места, где находится окно спальни мадемуазель Станжерсон. Там я велю папаше Жаку прижаться к стене и не двигаться, а сам, воспользовавшись тем, что луна в этот момент скрылась за облаком, встаю напротив окна, но за пределами отбрасываемого им квадрата света; окно полуоткрыто. Из предосторожности? Чтобы иметь возможность быстро уйти через окно, если кто-то войдет в дверь? О-о! Тот, кто решится выпрыгнуть из этого окна, имеет все шан-

сы сломать себе шею! А что, если убийца прихватил с собой веревку? Он должен был все предусмотреть... Ах, знать бы, что происходит в этой комнате!.. Проникнуть в тайну ее молчания!.. Я возвращаюсь к папаше Жаку и шепчу ему на ухо одно только слово — «лестница». С самого начала я, конечно, сразу подумал о дереве, которое неделю назад уже служило мне наблюдательным пунктом, но я тотчас же заметил: окно полуоткрыто таким образом, что на этот раз, взобравшись на дерево, я не смогу увидеть того, что происходит в комнате. К тому же я хочу не только видеть, но и слышать, а в случае необходимости еще и... действовать...

Папаша Жак, весь дрожа от волнения, исчезает на мгновение и тут же возвращается, но без лестницы, еще издали подавая мне знаки и широко размахивая руками, чтобы я скорее шел к нему. Когда я очутился рядом с ним, он прошептал:

— Ступайте за мной!

Обогнув замок, мы подошли к донжону, и только тогда он сказал:

— Я ходил за лестницей в нижний зал донжона, куда мы с садовником складываем разные ненужные вещи. Дверь донжона оказалась открытой, и лестницы там не было. Когда я вышел, светила луна, и вот где я ее нашел!

Он показал мне лестницу, стоящую в другом конце замка, она была прислонена к выступу, служившему опорой террасе, находящейся под окном, которое я обнаружил открытым. Из-за террасы я и не смог разглядеть лестницы... При помощи этой лестницы можно было с легкостью проникнуть в сворачивающую галерею второго этажа, и у меня не оставалось сомнений, что именно этот путь избрал незнакомец.

Мы бежим к лестнице, но в тот самый момент, когда мы уже собираемся ухватиться за нее, папаша Жак показывает мне на полуоткрытую дверь маленькой комнатки первого этажа, расположенной округлым выступом в конце крыла замка, потолком которой и служит та самая терраса, о которой я упоминал. Папаша Жак легонько толкает дверь, заглядывает внутрь и говорит мне едва слышно:

— Его нет здесь.

— Кого?

— Лесника! — И продолжает, снова прикинув к моему уху: — Вы же знаете, что лесник спит в этой комнате с тех самых пор, как начался ремонт донжона!..

И снова все тем же красноречивым, многозначительным жестом показывает мне на полуоткрытую дверь, лестницу, террасу и окно в сворачивающей галерее, которое я недавно закрыл.

О чем я думал в тот момент? Да было ли у меня время думать? Я скорее чувствовал, чем думал...

Что же подсказывали мне мои чувства? Если лесник сейчас наверху, в спальне (я говорю «если», ибо ничто, кроме этой лестницы и этой пустой комнаты, не давало мне в ту минуту основания заподозрить в чем-либо лесника), если он там, то ему и в самом деле пришлось подняться по этой лестнице и влезть в это окно, так как находящиеся за его новой комнатой помещения, занятые семьей метрдотеля и кухарки, а также самой кухней, преграждали ему внутри замка дорогу в вестибюль и на лестницу... Если это лесник прошел здесь, то ему вовсе не трудно было под каким-нибудь предлогом войти вчера вечером в галерею и проследить за тем, чтобы обе створки окна были плотно закрыты изнутри, но не заперты, и стоило ему толкнуть их снаружи, как окно открылось — и он смог пробраться в галерею. Эта необходимость оставить окно незапертым изнутри значительно сужала круг лиц, которых можно было заподозрить в преступлении. Убийцей неизбежно должен был быть кто-то из своих, если, конечно, исключить сообщника, а в сообщника я не верю, или... или, скажем, сама мадемуазель Станжерсон проследила за тем, чтобы окно осталось незапертым изнутри... Однако что же это за секрет — страшный, видимо, секрет, — который вынуждает мадемуазель Станжерсон считать преграды, стоящие на пути ее убийцы?

Я хватаю лестницу, и вот мы снова бежим к задней стене замка. Окно спальни все еще полуоткрыто, шторы задернуты, но не совсем плотно, и широкая полоса света падает на лужайку к моим ногам. Я подставляю лестницу к окну спальни и почти уверен, что сделал это бесшумно. Папаша Жак остается у подножия лестницы, а я потихоньку лезу по ней со своей дубинкой. Стараясь не дышать, я с величайшей осторожностью поднимаю и переставляю ноги. Внезапно набегают тяжелая туча, и снова разражается ливень. Повезло. И вдруг, когда я уже добрался до середины лестницы, меня останавливает злобный крик Божьей твари. Мне кажется, что крик этот прозвучал где-то позади меня, всего в нескольких метрах. А если это

сигнал? Если какой-то сообщник убийцы увидел меня на лестнице? Быть может, этот крик призывает убийцу к окну! Вполне вероятно!.. Вот ужас, человек этот у окна! Я чувствую над собой его голову, слышу его дыхание. А я... я не могу взглянуть на него. Малейшее движение головой — и я пропал! Увидит ли он меня? Опустит ли в темноте голову? Нет!.. Уходит... Он ничего не заметил... Я скорее чувствую, чем слышу, как он крадучись идет по комнате, и решаюсь подняться еще на несколько ступенек. Голова моя теперь находится на уровне каменного подоконника, лоб — выше подоконника, и взгляд проникает сквозь просвет между шторами.

Убийца здесь, он сидит за маленьким столиком мадемуазель Станжерсон и пишет. Я вижу его со спины. Перед ним стоит свеча, но, так как он склонился над пламенем этой свечи, свет отбрасывает тени, искажающие его облик. Я вижу лишь чудовищную, сгорбленную спину.

Вещь поразительная: мадемуазель Станжерсон там нет. Постель ее не разобрана. Где же она спит этой ночью? Наверняка в соседней комнате, вместе со своими сиделками. Таково мое предположение. Я радуюсь тому, что человек этот находится здесь один. Можно спокойно, на холодную голову готовить ему западню.

Однако кто же этот человек, который пишет там, у меня на глазах, расположившись за этим столом, словно у себя дома? Если бы не следы убийцы на ковре в галерее, если бы не открытое окно и не лестница под этим окном, вполне можно было бы допустить, что человек этот имеет право находиться здесь и что в присутствии его нет ничего необычного по вполне естественным причинам, которых я просто еще не знаю. И все же нет сомнения в том, что этот таинственный незнакомец и есть тот самый человек из Желтой комнаты, убийца, удары которого мадемуазель Станжерсон вынуждена сносить, не жалуясь, безмолвно! Ах, увидеть бы его лицо! Застать его врасплох! Схватить его!

Если сейчас я спрыгну в спальню, он наверняка убежит либо через прихожую, либо через правую дверь, которая ведет в будуар. Оттуда, минуя гостиную, он попадет в галерею — и был таков, я его потеряю. А сейчас он в моих руках. Еще пять минут, и я буду держать его крепко, надежнее, чем если бы он попал в клетку... Что он там делает в полном одиночестве, как проник в спальню

мадемуазель Станжерсон? Что он пишет?.. Спускаюсь. Лестница на земле. Папаша Жак следует за мной. Мы возвращаемся в замок. Я посылаю папашу Жака разбудить г-на Станжерсона. Он должен ждать меня у г-на Станжерсона и до моего прихода не говорить ему ничего определенного. Я же пойду за Фредериком Ларсаном. Большая неприятность для меня. Мне хотелось бы работать одному и, воспользовавшись удачей, самому распутать это дело под носом у спящего Ларсана. Но папаша Жак и г-н Станжерсон — старики, да и сам я, возможно, недостаточно крепок. У меня может не хватить сил... Ларсан же привык иметь дело с людьми, которых преследуют и бросают наземь, чтобы затем поднять закованными в наручники. Ларсан открывает мне дверь. Совершенно одуревший, с опухшими от сна глазами, готовый послать меня ко всем чертям, он не желает верить бредням какого-то репортеришки. Приходится уверять его, что убийца и в самом деле там!

— Странно, — говорит он, — мне казалось, что сегодня после полудня я оставил его в Париже!

Он поспешно одевается и берет револьвер. Мы слышно выходим в галерею.

— Где он? — спрашивает Ларсан.

— В спальне мадемуазель Станжерсон.

— А мадемуазель Станжерсон?

— Ее там нет!

— Идем!

— Не ходите туда! При малейшем шуме он убежит... у него для этого есть три возможности: дверь, окно и бу-дуар, где находятся женщины...

— Я буду стрелять...

— А если промахнетесь? Если только раните его? Он снова скроется... Не говоря уже о том, что и он тоже, конечно, вооружен... Нет, предоставьте мне провести эту операцию, я отвечаю за все...

— Как хотите, — сказал он довольно любезно.

Тогда, удостоверившись, что все окна в обеих галереях наглухо заперты, я ставлю Фредерика Ларсана в конце сворачивающей галереи, перед тем самым окном, которое было открыто и которое я закрыл.

— Ни при каких обстоятельствах, — говорю я Фреду, — вы не должны покидать этот пост до тех пор, пока я не позову вас... Сто шансов из ста, что убийца вернется

к этому окну и попытается бежать через него, когда за ним начнется погоня, ибо он пришел отсюда и здесь приготовил себе путь к отступлению. У вас очень опасный пост...

— А вы где будете? — спросил Фред.

— Я спрыгну в комнату и буду гнать его к вам!

— Возьмите мой револьвер, — сказал Фред, — а я возьму вашу дубинку.

— Спасибо, — ответил я, — вы отважный человек.

И я взял у Фреда револьвер. Мне предстояло столкнуться один на один с человеком, который писал там, в спальне, и этот револьвер пришелся как нельзя более кстати.

Итак, я расстался с Фредом, поставив его у окна 5, обозначенного на плане, и, все так же соблюдая величайшую осторожность, направился к апартаментам г-на Станжерсона, расположенным в левом крыле замка. Там я встретился с г-ном Станжерсоном и папашей Жаком, который выполнил мое указание, ограничившись тем, что сказал своему хозяину, чтобы он поскорее оделся. Тут я в нескольких словах поведал г-ну Станжерсону о том, что происходит. Он тоже взял револьвер и последовал за мной; вскоре мы — все трое — очутились в галерее. С тех пор как я увидел убийцу сидящим за столом, прошло никак не более десяти минут. Г-н Станжерсон хотел немедленно броситься туда и убить его — это казалось проще простого. Но я убедил его, что не следует рисковать, пытаюсь убить его: он может уйти живым.

После того как я поклялся ему, что его дочери нет в спальне и что она не подвергается опасности, он, наконец, согласился смирить свое нетерпение и предоставил мне руководить всем происходящим. Я еще раз сказал папаше Жаку и г-ну Станжерсону, что они должны бежать ко мне на помощь лишь в том случае, если я позову их или выстрелю из револьвера, затем я поставил папашу Жака у окна, расположенного в конце правой галереи (окно это помечено на моем плане цифрой 2). Я выбрал этот пост для папашы Жака потому, что, как мне казалось, убийца, за которым я буду гнаться, выйдя из спальни, должен броситься по галерее к окну, которое он оставил открытым, а добежав до перекрестка двух галерей и увидев вдруг перед этим окном Ларсана, охраняющего сворачивающую галерею, кинется бежать дальше по правой галерее. Там он наткнется на папашу Жака, который не даст ему вы-

прыгнуть в парк через окно, находящееся в самом конце правой галереи. Именно таким образом должен был при подобных обстоятельствах действовать убийца, хорошо знающий обстановку (я лично в этом уже нисколько не сомневался). Под этим окном снаружи в самом деле имелось нечто вроде выступа. Тогда как все остальные окна галереи находились на такой высоте надо рвом, что практически невозможно было спрыгнуть с них, не сломав себе шею. К тому же все двери и окна были крепко-накрепко заперты, включая и дверь чулана с ненужным хламом, расположенного в конце правой галереи, в чем я сам убедился.

Итак, указав, как я уже сказал, пост папаше Жаку и удостоверившись, что он стоит в положенном месте, я поставил г-на Станжерсона у лестничной площадки, неподалеку от двери в прихожую его дочери. Все говорило за то, что когда я застигну убийцу врасплох, он попытается бежать из спальни через прихожую, а не через будуар, где находились женщины и дверь куда была, наверное, заперта самой мадемуазель Станжерсон, если, как я предполагал, она укрылась в будуаре, чтобы не встречаться с убийцей, который должен был прийти к ней. В любом случае он обязательно попадет в галерею, где у всех возможных выходов его будут ждать расставленные мной люди.

Выбравшись туда, он увидит слева от себя, совсем рядом, г-на Станжерсона; тогда он кинется вправо, в сторону сворачивающей галереи, тем более что это и был заранее намеченный им путь к отступлению. На пересечении двух галерей он сразу увидит, как я уже объяснял выше, с левой стороны, в конце сворачивающей галереи, Фредерика Ларсана и напротив, в конце правой галереи, — папашу Жака. Мы с г-ном Станжерсоном будем преследовать его сзади. На этот раз он попался. Ему от нас не уйти!.. План этот казался мне самым разумным, самым надежным и притом самым простым. Если бы мы имели возможность поставить кого-то из нас непосредственно за дверью будуара мадемуазель Станжерсон, сообщавшегося со спальней, возможно, кое-кому из тех, кто не привык размышлять, показалось бы, что гораздо проще взять приступом обе двери комнаты, где находился убийца, то есть дверь будуара и дверь из прихожей; в будуар мы могли проникнуть только через гостиную, дверь которой была заперта изнутри предусмотрительной мадемуазель Стан-

жерсон. Так что этот план, который вполне соответствовал бы уровню интеллекта любого средней руки полицейского, практически был неосуществим. Но я, привыкший размышлять, я бы, пожалуй, сказал так: если бы даже у меня был свободный доступ в будуар, я все-таки предпочел бы тот план, который только что изложил, ибо любой другой план, предполагающий прямое нападение через двери спальни, разделит бы нас в момент борьбы с убийцей, в то время как мой план собирал всех воедино для атаки в том месте, которое я вычислил почти с математической точностью. Местом этим было пересечение двух галерей.

Расставив таким образом своих людей, я вышел из замка и бегом бросился к лестнице, снова приставил ее к стене и, зажав в руке револьвер, стал взбираться вверх.

Если кому-то вдруг вздумается посмеяться над столь тщательно продуманными мерами предосторожности, я позволю себе в таком случае напомнить о тайне Желтой комнаты и о тех неоспоримых доказательствах необычайной хитрости и коварства убийцы, в коих мы убедились. И еще: если кому-то покажутся излишне пространными все мои замечания и наблюдения, особенно в тот момент, когда следовало целиком сосредоточиться на быстроте передвижения, скором принятии необходимых решений и деятельности, я бы возразил следующее: мне хотелось как можно полнее и подробнее представить все детали плана нападения, задуманного и приведенного в исполнение столь же быстро, сколь медленно он разворачивается под моим пером. Я нарочно стремился к этой медлительности и предельной точности, дабы быть уверенным, что ничего не упущено, что достоверно переданы все условия и обстоятельства, сопутствовавшие странному явлению, которое впредь, до того как ему будет найдено естественное объяснение, должно, на мой взгляд, лучше всяких теорий профессора Станжерсона послужить доказательством распада материи, я бы даже сказал так:

«Мгновенного распада материи».

СТРАННОЕ ЯВЛЕНИЕ РАСПАДА МАТЕРИИ

Из записок Жозефа Рультабия (продолжение)

«И вот я снова у каменного подоконника,— продолжает Рультабий,— и снова голова моя возвышается над этим камнем; сейчас я загляну в спальню сквозь щель между шторами, которые так и остались незадернутыми, я сгораю от нетерпения: в каком положении застану я убийцу? Хорошо бы он сидел ко мне спиной! Хорошо бы он все еще находился за этим столом и писал... А вдруг... Вдруг его уже нет здесь!.. Но он не мог убежать!.. Разве я не завладел его лестницей? Пытаюсь взять себя в руки. Вытягиваю голову. Смотрю, он там, я снова вижу его чудовищных размеров спину, изуродованную отбрасываемой свечой тенью. Только он уже не пишет, и свеча стоит не на маленьком столике. Свеча стоит на паркете перед склонившимся над ней человеком. Странная поза, но это мне на руку. Я с облегчением перевожу дыхание. Поднимаюсь еще выше. Я уже на верхних ступеньках, левой рукой я хватаюсь за подоконник, в последний, решающий момент сердце мое готово выпрыгнуть из груди. И вот, наконец, револьвер у меня в зубах. Теперь и правая моя рука свободна, я берусь ею за подоконник. Один резкий рывок, затем подтягивание на руках, и я буду на окне... Только бы не упала лестница!.. Но, увы, это-то как раз и произошло... Мне пришлось оттолкнуться от лестницы, уперевшись в верхнюю перекладину чуть сильнее, чем следовало бы; едва нога моя успела оторваться от нее, как лестница покачнулась и, царапнув по стене, рухнула наземь... Но в этот момент я уже коснулся коленями подоконника... С быстротой, показавшейся мне неправдоподобной, я распрямляюсь во весь рост... Однако убийца оказался проворнее меня... Он услышал, как лестница царапнула по стене, и я вдруг увидел, что чудовищная спина выпрямилась, человек этот встал и обернулся... Я увидел его... Да полно, мог ли я его разглядеть?.. Стоявшая на полу свеча в достаточной мере освещала только его ноги. Все, что было выше стола, казалось неясной тенью, тонуло во мраке... Я заметил косматую голову, заросшее бородой лицо, обезумевшие глаза... Бледный лик обрамляли широкие бакенбарды... Цвет их, насколько я мог различить в

полутьме за одну секунду, был рыжий... так мне показалось... так я подумал... Лицо это было вовсе мне незнакомо. Таково было мое мимолетное впечатление от этого образа, увиденного мельком в полумраке, пронизанном колеблющимися бликами... Лицо было мне незнакомо, или, во всяком случае, я не узнавал его!

Однако пора было действовать!.. Стать ветром, стать бурей, стать молнией! Но увы... Увы!.. Я... Я спугнул его... Спугнул убийцу! Заметив меня на окне, он вскочил и бросился, как я и предполагал, к двери в прихожую, распахнул ее и кинулся прочь. Но я уже бежал следом за ним с револьвером в руке.

— Ко мне! — вопил я что было мочи.

Стрелой промчался я по комнате и тем не менее успел заметить на столе оставленное письмо. В прихожей я уже почти настиг убийцу, ибо на то, чтобы открыть дверь, у него ушла по меньшей мере секунда. Я едва не коснулся его! Однако он успел захлопнуть у меня под носом дверь, которая вела из прихожей в галерею... Но и у меня словно крылья выросли, я очутился в галерее в трех метрах от него... Мы с г-ном Станжерсоном бежали за ним на одинаковом расстоянии. Человек этот, опять-таки, как я и думал, свернул направо, то есть выбрал заранее подготовленный для бегства путь...

— Ко мне, Жак! Ко мне, Ларсан! — кричал я.

Теперь он уже не мог уйти от нас! Я издал радостный клич, неистовый, победный клич! Убийца добежал до пересечения двух галерей всего на две секунды раньше нас, и произошла намеченная мной встреча, та самая роковая встреча, которая неизбежно должна была произойти! Мы все столкнулись на этом перекрестке: г-н Станжерсон и я, прибежавшие из конца правой галереи, папаша Жак, явившийся с другого конца той же самой галереи, и Фредерик Ларсан, примчавшийся из сворачивающей галереи. Мы едва не упали, налетев друг на друга...

Но убийцы... не было!

Мы тупо озирались по сторонам, и в глазах у нас отражался ужас перед этим невероятным фактом: убийца исчез!

Где он? Где он? Где он?.. Всем своим существом мы вопрошали: «Где он?»

— Не может быть, чтобы он убежал! — вскричал я, охваченный гневом, превосходившим мой ужас.

— Я почти касался его! — воскликнул Фредерик Ларсан.

— Он же был здесь, я ощущал его дыхание на своем лице! — недоумевал папаша Жак.

— Мы едва не наткнулись на него! — твердили мы с г-ном Станжерсоном.

Где же он? Где же он? Где же он?..

Как безумные бегали мы по обеим галереям, осматривая окна и двери — все они были закрыты и наглухо заперты... А раз мы нашли их запертыми, значит, их никто не открывал... Да и потом, разве тот факт, что человек, преследуемый со всех сторон, мог открыть окно или дверь так, чтобы никто из нас не заметил этого, не был еще более загадочным, нежели исчезновение самого человека?

Где он? Где он?.. Он не мог уйти ни через дверь, ни через окно, вообще никак¹. Не мог же он пройти сквозь нас!..

Признаюсь, в тот момент я был сражен, уничтожен. Ведь, в конце-то концов, в галерее было светло, и не было там ни люка, ни потайной двери в стенах, вообще никакого укрытия, где можно было бы спрятаться. Мы двигали кресла и приподнимали картины. Ничего! Ничего! Будь там китайская ваза, мы и в нее бы заглянули, но никакой вазы не было!»

Глава XVII

ЗАГАДОЧНАЯ ГАЛЕРЕЯ

«На пороге прихожей появилась мадемуазель Матильда Станжерсон, — продолжает свои записки Рультабий. — Мы находились почти у самой ее двери, когда произошло это невероятное событие. Бывают моменты, когда чувствуешь, как разум покидает тебя или, еще того хуже, мозг отказывается постичь увиденное. Пуля в голову, расколотый череп — вместилище убитой наповал логики, рассудок вдребезги... Все это, несомненно, было схоже с тем мало

¹ Когда тайне этой, благодаря Рультабию и его чудодейственной логике, нашлось вполне естественное объяснение, пришлось согласиться с тем, что убийца и в самом деле прошел не через дверь, не через окно, не по лестнице, однако правосудие никак не желало с этим мириться! (Примеч. автора.)

приятным ощущением, которое вдруг навалилось на меня, лишив умственного равновесия и угрожая концом моему мыслящему «я» и вообще человеческой мысли!.. Моральное разрушение возведенного разумом здания, да к тому же еще вполне реальное уничтожение облученного в плоть видения при том, что сохраняется полная ясность зрения,— какой страшный удар по черепу!

К счастью, мадемуазель Матильда Станжерсон появилась на пороге своей прихожей. Я увидел ее, и это спасло мою мысль от затянувшего ее первозданного хаоса... Я дышал одним с нею воздухом... вдыхал аромат ее «духов дамы в черном»... Такой дорогой для меня дамы в черном, дорогой дамы в черном, которую я никогда больше не увижу! Боже мой! Десять лет моей жизни, да что там — половину жизни я готов отдать за то, чтобы вновь увидеть даму в черном! Но увы! Мне осталось вдыхать иногда лишь духи, да и то... Да и то!.. Только духи, похожие на те, чей след сохранился в моей памяти с далеких юных лет...¹ Это пронзительное воспоминание о твоих дорогах моему сердцу духах, дама в черном, и заставило меня шагнуть навстречу той, которая — вся в белом и сама такая бледная, такая бледная и такая прекрасная — стояла у входа в загадочную галерею! Ее великолепные золотые волосы были подняты вверх и не скрывали красной звезды на виске — след от раны, которая едва не погубила ее... В самом начале, когда я еще только пытался рассуждать здраво, а главное, хотел начать с нужного конца, я вообразил, будто в ночь тайны Желтой комнаты у мадемуазель Станжерсон была прическа на прямой пробор... Но разве мог я рассуждать иначе, без этой прически на прямой пробор, закрывавшей виски, до того, как побывал в Желтой комнате?

А теперь, после всего случившегося в загадочной галерее, я и вовсе перестал рассуждать, стою тут, совершенно отупев, и созерцаю явившуюся нам мадемуазель Станжерсон, такую бледную и такую прекрасную мадемуазель Станжерсон. На ней сказочно белый пеньюар. Видение, да и только,

¹ Когда Жозеф Рультабий писал эти строки, ему было восемнадцать лет... а он говорил о далекой юности! Я полностью воспроизвел текст моего друга, но предупреждаю читателя, как, впрочем, делал это уже не раз, что эпизод с «духами дамы в черном» вовсе не обязательно связывать с тайной Желтой комнаты... Что поделаешь, я не виноват, если в документах, которые я привожу здесь, Рультабий предается порой воспоминаниям о далекой юности. (Примеч. автора.)

нежный призрак. Отец обнимает ее, крепко целует, словно обретая вновь — причем уже не в первый раз, ибо и на этот раз она могла быть потеряна для него навсегда! Он не решается расспрашивать ее... Увлекает ее в спальню, куда мы следуем за ними, ибо надо же, в конце концов, знать!.. Дверь в будуар открыта... Испуганные лица двух сиделок склонились в ожидании... Мадемуазель Станжерсон спрашивает, что означает весь этот шум.

— Все очень просто,— объясняет она.

Совсем просто! Совсем просто! Ей, видите ли, пришла мысль не ложиться этой ночью в спальне, а провести ночь в одной комнате с сиделками, то есть в будуаре... Вот она и заперла за ними тремя дверь в будуар... После той страшной ночи на нее вдруг нападают временами страх, боязнь чего-то, и это вполне понятно... Но поди пойми, почему именно в эту ночь, *когда он должен был прийти*, она по счастливой случайности заперлась со своими сиделками? Поди пойми, почему она отклоняет предложение г-на Станжерсона спать в гостиной у дочери, раз его дочери страшно! Поди пойми, почему письмо, которое только что лежало на столе в спальне, куда-то вдруг исчезло!.. Тот, кто поймет это, наверняка скажет: мадемуазель Станжерсон знала, что убийца должен вернуться... Она не могла помешать ему прийти... Она никого не предупредила об этом, потому что убийца должен оставаться неизвестным... Его не должен знать отец, его никто не должен знать... никто, кроме Робера Дарзака. Ибо теперь г-н Дарзак, должно быть, знает его... А может, знал еще раньше? Вспомним фразу, произнесенную им в саду Елисейского дворца: «Так неужели для того, чтобы получить вас, мне придется совершить преступление?» Ради чего преступление? Чтобы устранить препятствие, то есть убийцу? Вспомним и другую фразу г-на Дарзака, которую он произнес в ответ на мой вопрос: «Надеюсь, вы не против того, чтобы я нашел убийцу?» — «Ах, я готов убить его собственными руками!» А я ему еще возразил: «Вы не ответили на мой вопрос!» Что было чистейшей правдой. И в самом деле, в самом деле, г-н Дарзак настолько хорошо знает убийцу, что боится, как бы я не отыскал его, и в то же время готов убить его. Он оказал мне помощь в расследовании только по двум причинам: прежде всего потому, что я вынудил его это сделать, и еще потому, что надеется таким путем спасти ее...

Я следую за ней в спальню... в ее спальню... Я гляжу на нее... и еще гляжу на то место, где только что лежало письмо... Мадемуазель Станжерсон наверняка взяла это письмо. Письмо, несомненно, предназначалось ей... Несомненно... Ах, как она дрожит, бедняжка... Она дрожит, слушая фантастический рассказ отца о том, как убийца сидел в ее спальне и как мы преследовали его... Но совершенно очевидно... совершенно очевидно одно: она успокаивается лишь после того, как узнает, что убийца с помощью неведомых волшебных чар сумел ускользнуть от нас.

Затем наступает молчание... И какое молчание!.. Ее отец, Ларсан, папаша Жак и я — все мы собрались там и молча смотрели на нее... Какие мысли парили вокруг нее в этой безмолвной тишине?... После всего, что случилось в тот вечер, после таинственного проникновения убийцы в ее собственную спальню и после его не менее таинственного исчезновения в загадочной галерее, мысли каждого из нас, начиная с тех, что бродили в голове у папаши Жака, и кончая теми, что зарождались в голове у г-на Станжерсона, — все эти мысли можно было бы, пожалуй, выразить словами, с которыми следовало обратиться к ней: «О ты, которой ведома тайна, поведай нам ее, и тогда, быть может, мы сумеем спасти тебя!» Ах, как бы я хотел спасти ее... от нее самой и от того, другого!.. Просто плакать хочется... Да, я чувствую, как слезы подступают к моим глазам от сознания собственного бессилия перед этим страшным бедствием, так ревностно скрываемым.

Она здесь, та, от которой пахнет «духами дамы в черном»... Наконец-то я вижу ее в той самой комнате, в ее спальне, где она не пожелала меня принять после первого покушения... в той комнате, где она отмалчивалась все это время да и теперь продолжает хранить молчание. С того самого рокового часа в Желтой комнате мы не престанно кружим вокруг этой незримой, безмолвной женщины, чтобы узнать то, что знает она. Наше стремление, наша жажда узнать это должны причинять ей новые муки. И кто знает, быть может, проникновение в ее тайну послужит причиной иной драмы, еще более ужасной, чем та, которая разыгралась здесь? Кто поручится за то, что она не умрет от этого? Хотя она уже чуть было не умерла... А мы так ничего и не знаем... Вернее, есть такие, кто ничего не знает... Но я... Если я узнаю — кто, я буду знать

все... Кто же это? Кто? Кто?.. А не зная — кто, я вынужден молчать из сострадания к ней, ибо она-то, несомненно, знает, каким образом ему удалось бежать из Желтой комнаты, знает и все-таки молчит. Так имею ли я право что-либо говорить? Когда я буду знать — кто, я поговорю с ним, только с ним!

Теперь она на нас глядит, глядит откуда-то издалека... словно нас и нет здесь, в ее спальне... Но вот, наконец, г-н Станжерсон нарушает молчание. Г-н Станжерсон заявляет, что отныне он уже не покинет свою дочь. И напрасно та пытается противостоять его воле, г-н Станжерсон непоколебим. Этой же ночью он останется здесь, переселится в апартаменты дочери. Затем, охваченный тревогой за ее здоровье, он упрекает ее — зачем она поднялась... А дальше сбивается вдруг на детский лепет... улыбается ей и уже не помнит, что говорит, что делает... Знаменитый профессор теряет голову... Он повторяет несвязные слова, которые свидетельствуют о полном смятении его чувств и мыслей... Впрочем, все мы испытываем то же самое. И тут мадемуазель Станжерсон произносит совсем простые слова:

— Отец! Отец!

Но в голосе ее звучит такое страдание, что тот разражается рыданиями. Папаша Жак начинает сморкаться, даже сам Фредерик Ларсан и тот вынужден отвернуться, чтобы скрыть волнение. Я тоже больше не могу... и уже ни о чем не думаю, ничего не чувствую, превратился в какое-то одноклеточное существо. Сам себе противен.

С момента покушения в Желтой комнате Фредерик Ларсан, так же как и я, впервые встретился с мадемуазель Станжерсон. Так же как и я, он настоятельно просил разрешения расспросить несчастную, но и его, как и меня, тоже не приняли. Ему, как и мне, все время отвечали одно и то же: мадемуазель Станжерсон слишком слаба и не может принять нас, допросы судебного следователя и без того утомили ее и так далее... Тут явно чувствовалось нежелание помочь нам в расследовании, причем меня это нисколько не удивляло, тогда как Фредерик Ларсан каждый раз поражался. Правда, у нас с Фредериком Ларсаном были совершенно разные концепции относительно преступления...

Они плачут... А я ловлю себя на том, что мысленно твержу: «Спасти ее!.. Спасти во что бы то ни стало вопреки

ей самой! Спасти и не скомпрометировать ее! Спасти, но так, чтобы он не заговорил! Кто он? ОН, убийца... Поймать его и заставить молчать!..» Однако слова г-на Дарзака не оставляют сомнения: чтобы заставить его молчать, придется, видно, убить его! Да, таков логический вывод, который следует сделать на основании слов, вырвавшихся у г-на Дарзака. Но имею ли я право убивать человека, покушавшегося на мадемуазель Станжерсон? Нет! Ну а если все-таки представится случай? Надо попробовать, хотя бы для того, чтобы убедиться: это и в самом деле живой человек! Хотя бы для того, чтобы увидеть его мертвым, раз нельзя схватить его живым!

Ах, как заставить понять эту объятую ужасом и сраженную горем отца женщину, которая даже не глядит на нас, что я готов на все, только бы спасти ее... Да... да... я снова попытаюсь рассуждать здраво и попробую на этот раз начать с нужного конца, я совершу чудеса...

Я подхожу к ней... я хочу попросить ее, хочу умолить довериться мне... Как мне хотелось бы намекнуть ей несколькими словами, понятными только нам с ней, что я знаю, каким образом убийца вышел из Желтой комнаты, что я угадал половину ее секрета и что я жалею ее от всего сердца... Но она уже просит нас оставить ее одну, ее безмолвный жест выражает беспредельную усталость, ей надо немедленно отдохнуть... Г-н Станжерсон предлагает нам разойтись по комнатам, благодарит нас — словом, выпроваживает... Мы с Фредериком Ларсаном откланиваемся и выходим в галерею, папаша Жак следует за нами. Я слышу, как Фредерик Ларсан шепчет:

— Странно! Странно!..

Жестом он приглашает меня к себе в комнату. На пороге он оборачивается к папаше Жаку и спрашивает:

— Вы-то его видели?

— Кого?

— Убийцу.

— Еще бы не видел!.. У него была густая рыжая борода, рыжие волосы...

— Таким он и мне представился, — заметил я.

— И мне тоже, — сказал Фредерик Ларсан.

И вот мы остались одни в комнате — великий Фред и я, — чтобы поговорить о случившемся. Мы говорим уже целый час, обсуждая это дело и так и эдак. Судя по вопросам, которые он задает мне, и по его объяснениям,

ясно, что Фред, вопреки тому, что видел собственными глазами, что видел я сам и все мы видели, убежден: убийца скрылся, воспользовавшись неким известным ему потайным ходом.

— Ибо он знает замок,— говорит Фред,— хорошо знает...

— Роста он довольно высокого и неплохо сложен...

— Рост у него какой надо,— шепчет Фред.

— Понимаю,— говорю я.— Только как вы объясните эту рыжую бороду и рыжие волосы?

— Слишком много бороды и слишком много волос... Накладные, конечно,— роняет Фредерик Ларсан.

— Не торопитесь... Вы по-прежнему думаете о Робере Дарзаке... Неужели вы никогда не сможете отрешиться от этой мысли?... Что касается меня, то я совершенно уверен в его невинности...

— Тем лучше! От души этого желаю... Однако все против него... Вы заметили следы на ковре?... Хотите взглянуть...

— Я видел. Это «элегантные» следы, те же, что на берегу пруда.

— Это следы Робера Дарзака — неужели вы станете отрицать?

— Тут легко ошибиться...

— А вы заметили, что следы эти не возвращаются? Когда человек этот вышел из комнаты, преследуемый нами, ноги его не оставили следов...

— Возможно, он не один час провел в этой комнате. Грязь на его ботинках высохла, к тому же он бежал, едва касаясь пола кончиками ботинок... Видно было, как он бежит... видно, но не слышно...— И тут я внезапно остановился, прервав этот бессмысленный, лишенный всякой логики разговор, вовсе не достойный нас, и сделал Ларсану знак, чтобы он прислушался.— Там, внизу... кто-то закрывает дверь...

Я встаю, Ларсан следует моему примеру. Мы спускаемся на первый этаж, выходим из замка. Я веду Ларсана к маленькой комнатке, выступ которой образует террасу под окном сворачивающей галереи. Пальцем указываю на дверь, теперь уже закрытую, которая только что была открыта и из-под которой сейчас струится свет.

— Лесник! — говорит Фред.

— Пошли! — едва слышно шепчу я.

И, полный решимости (да знал ли я сам, какой, собственно, решимости? Решимости поверить в то, что виновным является лесник? Разве стал бы я утверждать такое?), я подхожу к двери и громко стучу.

Некоторые, конечно, подумают, что мы поздноато спохватились, только теперь вернувшись к двери лесника, и что первейшей нашей задачей после того, как мы обнаружили исчезновение убийцы в галерее, должны были бы стать его поиски где-то в другом месте; нам следовало бы все обыскать вокруг замка, в парке... Словом, везде.

Если бы нас упрекнули в том, что мы этого не сделали, нам оставалось бы сказать в ответ следующее: убийца исчез в галерее таким образом, что мы подумали, будто его и в самом деле нигде больше нет и быть не может! Он ускользнул от нас в тот момент, когда мы уже почти держали его, когда мы, можно сказать, касались его... Поэтому никому из нас и в голову не пришло, что можно отыскать его где-то еще — в тайниках ночи или парка. Мы и представить себе такого не могли. Ведь я же говорил вам, каким ударом было для меня это исчезновение,— голова кругом пошла!

...Как только я постучал, дверь тут же отворилась; лесник спокойно спросил нас, в чем дело. Он был в рубашке и собирался, по его словам, лечь в постель. Правда, постель была еще не разобрана.

Мы вошли.

— Так, так,— удивился я.— Значит, вы еще не ложились?

— Нет! — ответил он довольно сурово.— Я ходил с обходом в парк, был в лесу... Только что вернулся... А теперь мне хочется спать... Доброй ночи!..

— Послушайте,— сказал я.— Тут у вашего окна стояла лестница...

— Лестница? Я не видел никакой лестницы... Доброй ночи!

И он нас попросту выставил за дверь.

Я не спускал глаз с Ларсана. Но он был непроницаем.

— Ну и что? — не выдержал я.

— А что? — переспросил он.

— Вы не поколебались в своей убежденности?

Настроение у него было прескверное. Когда мы возвращались в замок, я слышал, как он проворчал:

— Это будет странно, даже более чем странно. Неужели я и в самом деле мог так ошибиться?..

Однако мне показалось, что эту фразу он произнес скорее для меня, чем для себя самого. И еще добавил:

— Во всяком случае, скоро мы все узнаем... Сегодня утром все прояснится».

Глава XVIII,

В КОТОРОЙ РУЛЬТАБИЙ ЧЕРТИТ КРУГ МЕЖДУ ДВУМЯ БУГОРКАМИ НА ЛБУ

*Из записок Жозефа Рультабия
(продолжение)*

«Мы расстались у порога своих комнат, в задумчивости пожав друг другу руки. Я был счастлив тем, что мне удалось посеять некоторое сомнение в его душе, поколебать прочную предубежденность этого человека, наделенного столь редким интеллектом... Да, в уме ему отказать нельзя, но методом он явно не владеет. Ложиться я уже не стал. Дождавшись рассвета, я вышел из замка. Обошел его со всех сторон, изучая следы, которые вели к замку или от него. Но все было перемешано и так неясно, что пользы из этого извлечь не удалось. К тому же мне хочется заметить, что я не имею привычки придавать излишнего значения внешним уликам, изобличающим преступника. Метод, который заставляет судить о преступлении по следам чьих-то ног, кажется мне крайне примитивным. Существует много одинаковых следов, и едва ли можно возлагать на них большие надежды. Они могут указать лишь самое первое направление поиска, но ни в коем случае нельзя рассматривать их как окончательное доказательство.

Короче, в большом смятении ума направился я во двор, к парадному входу, и стал изучать следы, все следы, какие там были, спрашивая у них того самого первого направления в своих поисках, которое было мне так необходимо, чтобы зацепиться за что-то вполне реальное, за что-то, что позволило бы мне разумно рассуждать о событиях в загадочной галерее. Рассуждать, но как?.. Как рассуждать?

Ах, ну конечно же, начав с нужного конца! В отчаянии

я сажусь на какой-то камень в пустынном дворе... Чем я занимаюсь вот уже больше часа, как не самой низкопробной работой зауряднейшего полицейского?.. Так ведь немудрено и ошибиться, как ошибается любой инспектор при виде каких-то там следов, которые что пожелают, то и подскажут! Я кажусь себе еще более мерзким, еще более низким по уровню интеллекта, чем все эти полицейские агенты, придуманные современными романистами, те самые агенты, которые восприняли как руководство к действию романы Эдгара По и Конан Дойла. Ах, эти литературные агенты!.. Они готовы нагромоздить горы глупостей из-за какого-нибудь следа на песке или из-за руки, нарисованной на стене! Так и ты, Фредерик Ларсан, так и ты, жалкий литературный агент!.. Ты начитался Конан Дойла, старик!.. Клянусь, Шерлок Холмс заставит тебя надеть глупостей. Я имею в виду — в твоих рассуждениях. Да-да, глупостей почище тех, о которых читаешь в книгах... И ты, чего доброго, арестуешь невинного человека... Пользуясь методом Конан Дойла, ты сумел убедить и судебного следователя, и начальника полиции... всех... Ты ждешь последнего доказательства... последнего!.. Скажи уж лучше — первого, несчастный!.. Все, что можно осознать, не обязательно слепо принимать за доказательство... Я тоже, тоже искал осознанных следов, но для того лишь, чтобы *включить их в круг, начертанный моим рассудком*. Ах, сколько раз круг этот казался мне таким маленьким, просто крохотным!.. И все-таки, несмотря на это, он был огромным, ибо в нем была заключена истина!.. Да, да, клянусь, осознанные следы всегда были мне только слугами... они никогда не могли стать моими хозяевами, повелевать мной... Им ни за что не удалось бы превратить меня в чудовище еще более страшное, чем слепец, — хотя что, казалось бы, может быть страшнее человека, лишённого дара видеть? — в чудовище, которое все видит в искаженном свете! Вот почему я восторжествую над твоей ошибкой и твоим одноклеточным умом, о Фредерик Ларсан!

Да что это со мной? Только потому, что этой ночью в загадочной галерее произошло событие, которое на первый взгляд не вписывается в круг, начертанный моим рассудком, — только поэтому я готов свернуть с истинного пути, готов уткнуться носом в землю, подобно свинье, которая наугад ищет в грязи отбросов, чтобы напиться себя... Полно, Рультабий, друг мой, выше голову... Не может быть,

чтобы событие, случившееся в загадочной галерее, не вписывалось в круг, начертанный твоим разумом... И ты это знаешь! Ты это знаешь! Так выше голову... Потрогай руками бугорки у себя на лбу и вспомни, что, когда ты чертил меж ними свой воображаемый круг, как чертят на бумаге геометрическую фигуру, *ты начал с нужного конца и теперь спокойно можешь рассуждать здраво!*

Так ступай же отсюда прочь... Ступай и поднимись в загадочную галерею, только в своих рассуждениях начни с нужного конца и ни в коем случае не забывай о здравом смысле, обопришь на свой разум, как Фредерик Ларсан опирается на свою трость, и ты убедишься вскоре, что великий Фред не более чем глупец.

Жозеф РУЛЬТАБИЙ
30 октября, полдень»

«Как решил, так и сделал... Так, с пылающей головой, отправился я в галерею, и, хотя не нашел там ничего другого, кроме того, что уже видел минувшей ночью, здравый смысл заставил меня понять одну вещь, потрясающую вещь, так что голова пошла кругом и мне снова пришлось искать нужный конец, чтобы ухватиться за него и не упасть.

Вот теперь мне понадобятся силы, чтобы отыскать осязаемые следы, которые обязательно впишутся, должны вписаться в круг более широкий, чем тот, что я начертил у себя на лбу между двумя бугорками!

Жозеф РУЛЬТАБИЙ
30 октября, полночь»

Глава XIX,

В КОТОРОЙ РУЛЬТАБИЙ ПРИГЛАШАЕТ МЕНЯ ОТОБЕДАТЬ В ХАРЧЕВНЕ «ДОНЖОН»

Блокнот этот, в котором подробнейшим образом описывались события в загадочной галерее, Рультабий вручил мне гораздо позже, хотя сделал он эти записи утром, сразу же после таинственной ночи. А в тот день, когда я приехал

к нему в Гландье, он с присущей ему обстоятельностью рассказал мне все, что вы теперь уже знаете, поведал он и о том, на что употребил те несколько часов, которые ему довелось провести на этой неделе в Париже, где, впрочем, он не узнал ничего для себя полезного.

Событие в загадочной галерее произошло в ночь на 30 октября, то есть за три дня до моего возвращения в замок, так как приехал я 2 ноября.

Итак, 2 ноября, получив телеграмму моего друга, я являюсь в Гландье с револьверами.

Я нахожусь в комнате Рультабия, и он только что закончил свое повествование.

Рассказывая, он непрестанно поглаживал выпуклые стекла пенсне, найденного им на тумбочке, и при виде радости, с какой он манипулировал этими стеклами, предназначенными для дальноточного человека, я проникался уверенностью, что они-то и являлись тем самым осязаемым следом, который должен был вписаться в круг, определенный его разумом и здравым смыслом. Его необычная, единственная в своем роде манера изъясняться, пользуясь поразительно емкими и точными словами, не вызывала у меня больше удивления; однако зачастую, чтобы понять смысл этих слов, требовалось постигнуть его мысль, а проникнуть в тайну мышления Жозефа Рультабия было не так-то просто. Логика этого мальчика — любопытнейшая вещь. Пожалуй, это самое замечательное из всего, что мне доводилось когда-либо наблюдать. Рультабий шагал по жизни, не подозревая о том, какое удивление и даже потрясение вызывал он порой у окружающих. Пораженные размахом его мысли, люди оборачивались ему вслед, останавливались и смотрели, как шествует это воплощение мысли, — так провожают взглядом необычный силуэт, повстречавшийся в пути. Только, вместо того чтобы подумать про себя: «Откуда он взялся такой? И куда идет?», люди обычно говорили: «Откуда взялась у Рультабия такая мысль и как она будет развиваться?» Я уже упоминал, что он и не подозревал вовсе об этом своем особом даре и потому ничуть не стеснялся его, шагая по жизни, подобно всем остальным. Точно так же человек, который не подозревает об эксцентричности своего костюма, чувствует себя непринужденно, в какой бы среде ни оказался. Вот и этот мальчик, который не мог нести ответственности за ум, данный ему от природы, с величайшей простотой

говорил о сложнейших вещах в их логическом выражении, так сказать, конспективно, опуская ненужные подробности, однако именно это обстоятельство и мешало нам, простым смертным, понять самую суть его рассуждений, хотя он и пытался представить нашему восхищенному взору эту суть в натуральную величину, как бы растягивая ее в пространстве.

Жозеф Рультабий спросил меня, что я думаю обо всем услышанном. Я ответил, что его вопрос ставит меня в крайне затруднительное положение. Тогда он, в свою очередь, посоветовал мне обратиться к здравому смыслу и начать с нужного конца.

— Так вот,— начал я,— мне кажется, отправной точкой моего рассуждения должно быть следующее: убийца, которого вы преследовали, в какой-то момент этого преследования должен был находиться в галерее.

Тут я остановился...

— Начав так хорошо, нельзя останавливаться на полпути! — воскликнул он.— А ну-ка еще одно маленькое усилие.

— Я попробую. Так вот, раз он находился в галерее, а потом исчез вдруг и раз он не мог уйти ни через дверь, ни через окно,— значит, он должен был найти какое-то иное отверстие.

Жозеф Рультабий посмотрел на меня с жалостью и, небрежно улыбнувшись, заявил, что я не оставил своей привычки рассуждать, «как старая калоша».

— Да что там калоша! Вы рассуждаете, как Фредерик Ларсан!

Ибо у Жозефа Рультабия бывали разные периоды: он то обожал, то презирал Фредерика Ларсана, то кричал: «Он и вправду силен!», а то жалобно стонал: «Ну и тупица!» — в зависимости (я это точно подметил) — в зависимости от того, подкрепляли ли открытия Фредерика Ларсана его собственные рассуждения или, наоборот, противоречили им. То была одна из слабых сторон благороднейшего характера этого странного мальчика.

Мы встали, и он потащил меня в парк. Когда мы уже вышли во двор и двинулись к воротам, шум распахнутых ставен, ударившихся о стену, заставил нас обернуться, и в окне второго этажа левого крыла замка мы увидели пунцовое, гладко выбритое лицо совершенно незнакомого мне человека.

— Вот как! — прошептал Рультабий.— Артур Ранс! Опустив голову, он ускорил шаг, и я слышал, как он проговорил сквозь зубы:

— Значит, этой ночью он был в замке?... Зачем он сюда явился?

Когда мы отошли достаточно далеко от замка, я спросил его, кто такой этот Артур Ранс и как Рультабий познакомился с ним. Тогда он напомнил мне свой утренний рассказ, сказав, что мистер Артур Уильям Ранс и был тем самым американцем из Филадельфии, с которым он так рьяно чокался на приеме в Елисейском дворце.

— Но разве он не собирался почти тотчас покинуть Францию? — спросил я.

— Вот именно, поэтому я и удивился, увидев его здесь — не во Франции вообще, а здесь, в Гландье. Причем приехал он не сегодня утром и даже не ночью, а, стало быть, еще до ужина. И представьте себе, я его не заметил. Почему же сторож и его жена не предупредили меня об этом?

Тут я напомнил своему другу, что он так и не рассказал мне, каким образом ему удалось вернуть свободу сторожу и его жене.

Мы как раз подходили к сторожке, папаша и матушка Бернье поджидали нас. Широкая улыбка сияла на их довольных лицах. Казалось, они уже и думать забыли о своем недавнем заточении. Мой юный друг спросил их, в котором часу прибыл Артур Ранс. Они ответили, что не знали о прибытии г-на Артура Ранса в замок. Должно быть, он появился накануне вечером, предположили они, однако им не пришлось открывать ему ворота, так как неутомимый ходок г-н Артур Ранс обычно просит, чтобы за ним не посылали экипаж, он имеет обыкновение выходить на вокзал маленького селения Сен-Мишель, а от туда идти пешком через лес до самого замка. Он пробирается в парк через пещеру святой Женевьевы: спускается в пещеру, перелезает через низенькую ограду и входит в парк.

Я видел, как, слушая сторожа и его жену, Рультабий постепенно мрачнел, явно недовольный чем-то, а вернее всего, самим собой. Да и как ему было не досадовать, ведь, работая здесь, на месте, дотошно изучая каждого человека и каждый предмет в Гландье, он только теперь узнавал, что Артур Ранс имел обыкновение приходить в замок пешком.

С угрюмым видом он потребовал объяснений.

— Вы говорите, что Артур Ранс имеет обыкновение приходить в замок... Так когда же он приходил сюда в последний раз?

— Вряд ли мы сможем вам точно сказать, — ответил г-н Бернье. — Дело в том, что, пока нас держали взаперти, мы вообще ничего не могли знать, а кроме того, когда этот господин приходит в замок, мы ему не открываем, и когда уходит, мы его тоже не видим...

— Так, может, вы по крайней мере знаете, когда он пришел сюда *в первый раз*?

— О да, конечно, сударь, это было девять лет назад!..

— Значит, он приезжал во Францию девять лет назад, — заметил Рультабий. — А вам известно, сколько раз он тогда появлялся в Гландье?

— Три раза.

— А до сегодняшнего дня когда он в последний раз приходил в Гландье — вы не знаете?

— Примерно за неделю до покушения в Желтой комнате.

Рультабий задал еще один вопрос, на этот раз обращенный к жене сторожа:

— Так, значит, *в щели паркета*?

— В щели паркета, — подтвердила она.

— Благодарю вас, — сказал Рультабий. — И к вечеру будьте готовы.

Последнюю фразу он произнес, приложив палец к губам, давая понять, чтобы они не болтали об этом попусту.

Мы вышли из парка и направились в харчевню «Донжон».

— Вы иногда заходите сюда перекусить?

— Да, иногда.

— Но в замке-то вас кормят?

— Да, мы с Ларсаном просим накрывать нам стол то у него в комнате, то у меня.

— А господин Станжерсон ни разу не приглашал вас к своему столу?

— Нет, ни разу.

— Ваше присутствие в замке не стесняет его?

— Понятия не имею. Во всяком случае, он делает вид, что мы ему не мешаем.

— Он никогда ни о чем вас не спрашивает?

— Никогда! Этот господин никак не может отрешиться

от мысли, что он находился за дверью, когда убивали его дочь, что он эту дверь вышиб, но убийцы так и не нашел. Поэтому он уверен, что если уж ему ничего не удалось обнаружить тогда, то нам тем более не на что надеяться... Однако после высказанной Ларсаном гипотезы он считает своим долгом не мешать нам тешить себя иллюзиями.

Рультабий снова погрузился в свои думы. Затем, очнувшись наконец, стал рассказывать, каким образом ему удалось освободить сторожа и его жену.

— Как-то я заглянул к господину Станжерсону с листком бумаги и попросил его написать на этом листке следующие слова: «Обязуюсь, в чем бы они ни провинились, оставить у себя на службе двух моих верных слуг, Бернье и его жену» — и поставить подпись. Я объяснил ему, что при помощи этой фразы сумею разговорить сторожа и его жену, уверив его в том, что нисколько не сомневаюсь в их непричастности к преступлению. Впрочем, таково было мое истинное мнение. Следовательно показал этот листок с подписью господина Станжерсона супругам Бернье, и тогда они во всем признались. Они сказали то, что я и ожидал от них услышать и чего они не говорили лишь из страха потерять свое место. Они рассказали, что занимались браконьерством во владениях господина Станжерсона и, возвращаясь с охоты в один из таких вечеров, оказались неподалеку от флигеля как раз в самый разгар драмы. Зайцев, добытых таким путем в угодах господина Станжерсона, они продавали хозяину харчевни «Донжон», который угощал ими своих клиентов или переправлял в Париж. Это была истинная правда, я угадал ее с первого же дня. Помните ту фразу, при помощи которой мне удалось войти тогда в харчевню «Донжон»: «Теперь самое время отведать свежатинки!» Эту фразу я услышал в то утро, когда мы с вами подходили к воротам парка, и вы тоже ее слышали, только не придали ей значения. Помните, в тот момент, когда мы уже были почти у ворот, нам пришлось задержаться на минутку, чтобы посмотреть на человека, который ходил взад-вперед вдоль ограды парка, все время поглядывая на часы. Человеком этим оказался Фредерик Ларсан, который уже приступил к работе. А хозяин харчевни, стоя на ее пороге позади нас, говорил, обращаясь к кому-то, находившемуся внутри: «Теперь самое время отведать свежатинки!»

Почему «теперь»? Когда хочешь докопаться до истины,

разгадать какую-то тайну, нельзя упускать ничего из того, что видишь или слышишь вокруг. В каждой мелочи надо искать свой смысл. Мы прибыли в глухой край, где все были потрясены свершившимся преступлением. И вполне логично было соотносить любую произнесенную фразу с главным событием дня. «Теперь», на мой взгляд, могло означать только одно: «После преступления». С самого начала своего расследования я пытался установить связь между этой фразой и драмой в замке. Мы отправились обедать в «Донжон». Я сразу же повторил услышанную фразу и, заметив изумление и досаду папаша Матье, понял, что в отношении его ничуть не преувеличил значения этой фразы. Именно в тот момент я узнал, что сторожа и его жену арестовали. Папаша Матье говорил об этих людях, как говорят об истинных друзьях... Он сожалел о них... Связав все это воедино, я сделал такой вывод: теперь, когда сторож и его жена арестованы, «самое время отведать свежатинки». Не будет сторожа и его жены — не будет и дичи! А нескрываемая ненависть, сквозившая в словах папаша Матье по отношению к леснику господина Станжерсона, ненависть, которую, по его словам, разделяли сторож и его жена, исподволь натолкнула меня на мысль о браконьерстве... И так как сторож и его жена в момент преступления со всей очевидностью не могли находиться у себя в постели, возникал вопрос: почему они в ту ночь оказались не дома? Из-за преступления? Я не был склонен верить этому, ибо уже тогда по причинам, о которых расскажу вам позже, понимал, что сообщников в этом преступлении быть не может и что за этой трагедией скрывается тайна, связывавшая каким-то образом мадемуазель Станжерсон и убийцу, тайна, в которой сторожу и его жене места не было. *Зато история с браконьерством полностью объясняла все, что касалось сторожа и его жены.* В принципе я сразу же согласился с этим и стал искать тому доказательство у них в сторожке. Как вы помните, я проник в их домик и нашел у них под кроватью силки и медную проволоку. «Вот черт,— подумал я.— Вот черт! Так вот почему они были ночью в парке». Меня несколько не удивило, что они ничего не сказали следователю и что даже под угрозой такого тяжкого обвинения, как соучастие в преступлении, продолжали отмалчиваться, не признавшись сразу же в браконьерстве. Браконьерство спасало их от суда, но зато лишало их места в замке,

откуда их выгнали бы, а так как они прекрасно знали, что не причастны к преступлению, то надеялись, что преступника рано или поздно найдут, а о браконьерстве никто не узнает. Если же понадобится, признаться они всегда успеют! Я поторопил их с признанием, показав обязательство, подписанное господином Станжерсоном. Они представили все необходимые доказательства, получили свободу и питают ко мне чувство глубочайшей признательности. Почему я не помог им освободиться раньше? Да потому, что тогда я еще не был уверен, что дело только в браконьерстве. Я решил не спешить с ними, хотел изучить обстановку. Но время шло, и я с каждым днем все больше убеждался в своей правоте. А так как после событий в загадочной галерее мне требовались преданные люди, я решил тут же завоевать их расположение, вызволив из неволи.

Вот что рассказал мне Рультабий, и я до сих пор не могу надивиться простоте его суждений, позволивших ему открыть истину в деле о мнимом соучастии сторожа и его жены. Разумеется, дело было ничтожным, однако в глубине души я был уверен, что в один прекрасный день мой юный друг с такою же точно простотой не преминет раскрыть нам тайну Желтой комнаты и загадочной галереи.

Тем временем мы добрались до гостиницы «Донжон». Вошли туда.

На этот раз хозяина не оказалось, нас встретила хозяйка с доброй, счастливой улыбкой на лице. Я уже описывал зал, где мы находились, и давал портрет очаровательной блондинки с нежными глазами, которая тут же принялась готовить нам обед.

— Как поживает папаша Матье? — спросил Рультабий.

— Неважно, сударь, неважно, он все еще в постели.

— Ревматизм замучил?

— Совсем замучил! В прошлую ночь мне опять пришлось делать ему укол морфия. Только это лекарство и умиряет боль.

Голос у нее был ласковый, и все в ней выражало ласку. Это была и в самом деле очень красивая женщина, немножко медлительная, с огромными, мечтательными глазами — глазами влюбленной. Папаша Матье, когда не болел ревматизмом, был, наверное, счастливым малым. А вот она — была ли она счастлива с этим страдающим ревма-

тизмом брюзгой? Сцена, при которой нам в прошлый раз довелось присутствовать, не давала оснований так думать, а между тем в поведении этой женщины было нечто такое, что никак не вязалось с отчаянием. Поставив на стол бутылку отличного сидра, она ушла на кухню готовить нам еду. Рультабий наполнил наши бокалы, набил свою трубку и, закурив ее, спокойно стал объяснять причины, побудившие его вызвать меня в Гландье с револьверами.

— Да,— сказал он, задумчиво созерцая завитки дыма, которые выпускал из трубки,— да, дорогой друг, *сегодня вечером я жду убийцу*.

После недолгого молчания, которое я не решился нарушить, он продолжал:

— Вчера вечером, когда я собирался ложиться спать, в дверь моей комнаты постучал господин Робер Дарзак. Я открыл ему, и он сообщил мне, что вынужден уехать завтра утром, то есть сегодня утром, в Париж. Дело, по которому он собирался ехать, было неотложным и в то же время таинственным; неотложным — потому что отложить его, по словам господина Дарзака, было совершенно невозможно, а таинственным — потому что рассказать о нем тоже было нельзя. «Мне приходится ехать,— говорил он,— а между тем я готов полжизни отдать, только бы не оставлять сейчас мадемуазель Станжерсон». Он и не скрывал от меня, что над ней, по его мнению, снова нависла опасность. «Я несколько не удивлюсь, если следующей ночью что-то случится,— признался он,— и все-таки вынужден ехать. В Гландье я смогу вернуться не раньше чем послезавтра утром».

Я попросил его объяснить и вот что услышал в ответ.

— Мысль о неотвратимой опасности явилась у господина Дарзака из-за странных совпадений: стоило ему отлучиться, как мадемуазель Станжерсон становилась жертвой покушения. И в самом деле, в ночь, когда произошло известное событие в загадочной галерее, ему пришлось уехать из Гландье; в ночь покушения в Желтой комнате он тоже вынужден был отлучиться, и мы действительно знаем, что в Гландье его не было. По крайней мере, так он утверждает и такова, соответственно, официальная версия. А раз его преследует мысль о совпадениях и все-таки он снова уезжает, значит, он не властен над собой и должен повиноваться чьей-то безжалостной воле. Я сказал ему то, что думал. «Возможно!» — ответил он. Я спросил, а чья

же это безжалостная воля, уж не мадемуазель ли Станжерсон? Он поклялся, что нет и что решение об отъезде принято им самостоятельно, без всякого вмешательства со стороны мадемуазель Станжерсон. Словом, он повторил мне, что не исключает возможности нового покушения именно из-за этого странного совпадения, которое им самим отмечено и на которое к тому же обратил его внимание следователь. «Если случится несчастье с мадемуазель Станжерсон,— сказал господин Дарзак,— это будет ужасно и для нее, и для меня. Для нее — потому что она снова может оказаться между жизнью и смертью, а для меня — потому что я не смогу защитить ее в случае нападения и, мало того, потом не смогу сказать, *где провел эту ночь*. Я вполне отдаю себе отчет, какие подозрения тяготеют надо мной. Следователь и господин Фредерик Ларсан — кстати, в последний раз, когда я ездил в Париж, он ходил за мной по пятам, и мне с огромным трудом удалось избавиться от него — уже готовы признать меня виновным». — «Отчего же вы не назовете имя убийцы, ведь вы его знаете!» — воскликнул я вдруг. Господин Дарзак был крайне взволнован — так мне показалось. Он ответил неуверенно: «Я знаю имя убийцы? От кого я мог узнать его?» — «От мадемуазель Станжерсон!» — тут же отпарировал я. Он страшно побледнел, я даже подумал, что он вот-вот упадет, и понял, что попал в цель: мадемуазель Станжерсон и он знали имя убийцы! Когда господин Дарзак немного оправился, он сказал: «Я прощаюсь с вами, сударь. За время вашего присутствия здесь я имел возможность убедиться в вашем несравненном уме и необычайной изобретательности и хочу попросить вас об одной услуге. Быть может, я напрасно опасаясь покушения ближайшей ночью, но, так как надо все предусмотреть, я счел своим долгом поставить вас в известность и теперь рассчитываю на вас, надеюсь, вы сделаете это покушение невозможным... Надо принять все необходимые меры, чтобы изолировать мадемуазель Станжерсон, не спускайте с нее глаз. Сделайте так, чтобы к мадемуазель Станжерсон никто не мог войти. Охраняйте ее комнату, как сторожевой пес. Не спите. Не давайте себе ни минуты покоя. Человек, которого мы боимся, обладает немыслимой хитростью, равной которой, возможно, и нет в мире. Однако, именно благодаря этой самой его хитрости, мадемуазель Станжерсон и можно будет спасти, поэтому охраняйте ее, он

наверняка дознается, что вы ее охраняете, и если узнает об этом, то не станет ничего предпринимать». — «А вы говорили о своих опасениях с господином Станжерсоном?» — «Нет». — «Почему?» — «Потому что я вовсе не хочу, сударь, чтобы господин Станжерсон сказал мне, как вы сейчас: «Вам известно имя убийцы!» Если даже вас удивили мои слова: «Убийца, возможно, придет завтра!» — то вообразите, каково будет удивление господина Станжерсона, если я скажу ему то же самое! Очень может быть, что он не поверит, будто мой мрачный прогноз основан лишь на совпадениях, которые и он, в конце концов, несомненно сочтет более чем странными... Все это я говорю вам, господин Рультабий, потому что очень... очень верю в вас... Я знаю, что вы меня не подозреваете!..» Бедняга, — продолжал Рультабий, — отвечал мне, как мог, изворачивался. Он испытывал тяжкие муки. Я пожалел его, тем более что прекрасно понимал: он скорее умрет, нежели назовет имя убийцы, точно так же как мадемуазель Станжерсон скорее даст убить себя, нежели согласится выдать человека из Желтой комнаты и загадочной галереи. Человек этот, должно быть, держит ее или их обоих каким-то ужасным образом, а для них, верно, нет ничего страшнее разоблачения этой тайны, ведь тогда господин Станжерсон узнает, что его дочь оказалась в руках убийцы. Я дал понять господину Дарзаку, что он достаточно ясно выразился и что теперь он может молчать, раз ему нельзя сказать ничего больше. Я обещал ему не спать ночью и охранять мадемуазель Станжерсон. Он настаивал, чтобы я организовал поистине непреодолимый барьер вокруг спальни мадемуазель Станжерсон и вокруг будуара, где после событий в загадочной галерее спал господин Станжерсон, — словом, полностью взял под наблюдение апартаменты мадемуазель Станжерсон. По той настойчивости, с какой господин Дарзак просил меня преградить путь в спальню мадемуазель Станжерсон, я понял, что преграда эта должна быть настолько видимой, чтобы у преступника сразу же пропала всякая охота преодолевать ее и чтобы он бесследно исчез. Так я мысленно расшифровал для себя фразу, которую он сказал мне на прощанье: «После моего отъезда вы можете ни от кого не скрывать ваших подозрений относительно грядущей ночи, расскажите о них и господину Станжерсону, и папаше Жаку, и Фредерику Ларсану — словом, всем в замке — и организуйте вплоть

до моего возвращения неусыпное наблюдение за мадемуазель Станжерсон, но так, чтобы в глазах всех эта идея исходила только от вас».

С этим он и ушел, бедняга; несчастный сам уже не знал, что говорит, его угнетало мое молчание, мой взгляд, буквально кричавший о том, что я отгадал две трети его секрета. Да, да, он, должно быть, совсем потерял голову, если пришел ко мне в такой момент, да еще решился оставить мадемуазель Станжерсон, хотя ему не давала покоя эта ужасная мысль о совпадениях...

После его ухода я задумался. А думал я о том, что надо быть хитрее хитрого и перехитрить саму хитрость, сделать так, чтобы убийца, если он и в самом деле собирался этой ночью отправиться в комнату мадемуазель Станжерсон, ни на секунду не заподозрил, что мы догадываемся о его намерениях. Разумеется, необходимо помешать ему проникнуть туда, пускай даже ценою его жизни, и все-таки дать ему возможность достаточно проявить себя, *чтобы живого или мертвого, но увидеть его воочию!* Ибо пора уже кончать с этим, *пора освободить мадемуазель Станжерсон, спасти ее от этой медленной агонии!* Да, мой друг, — заявил Рультабий, положив на стол трубку и допив свой стакан, — пора мне увидеть — и на этот раз вполне отчетливо — его лицо, *чтобы быть уверенным, убедиться, наконец, что он вписывается в круг, подсказанный мне здравым смыслом.*

Тут появилась хозяйка, она несла традиционный омлет с салом. Рультабий немного пошутил с госпожой Матье, пребывавшей в отличнейшем расположении духа.

— Пожалуй, — шепнул он мне, — теперь, когда папаша Матье прикован к постели своим ревматизмом, она выглядит гораздо веселее, чем когда он был в полном здравии.

Однако меня несколько не занимали ни шутки Рультабия, ни улыбки хозяйки харчевни, мысли мои целиком были поглощены последними словами моего юного друга и странным поведением г-на Робера Дарзака.

Когда Рультабий покончил со своим омлетом и мы снова остались одни, он продолжил прерванный разговор.

— Отправляя вам сегодня утром телеграмму, — сказал он, — я полагался на слова господина Дарзака: «Убийца, возможно, придет ближайшей ночью». Теперь я могу с уверенностью сказать вам: он *обязательно* придет. Да, я жду его.

— И что же вселило в вас эту уверенность? Уж не...

— Молчите,— прервал меня с улыбкой Рультабий,— молчите, не то вы скажете очередную глупость. Да, я знаю о том, что убийца непременно придет, и узнал я об этом *ровно в половине одиннадцатого утра*, то есть еще до вашего приезда и, следовательно, *до того, как мы увидели в окне замка Артура Ранса...*

— Ах,— вздохнул я,— в самом деле... Но почему именно в половине одиннадцатого?

— Да потому что именно в половине одиннадцатого я заметил, что мадемуазель Станжерсон прилагает все старания, чтобы позволить убийце проникнуть к ней в комнату, точно так же как господин Робер Дарзак принимал все меры предосторожности, чтобы помешать ему войти, и даже обратился ко мне...

— О-о! — воскликнул я.— Возможно ли это?.. — И затем уже тихонько добавил: — Разве вы не говорили, что мадемуазель Станжерсон обожает господина Робера Дарзака?

— Да, я говорил это, и это истинная правда!

— В таком случае не кажется ли вам странным...

— В этом деле все достаточно странно, мой друг, но поверьте: то, чему вы удивляетесь теперь, ничто по сравнению с неожиданностью, которая вас ожидает!..

— Придется согласиться с тем,— добавил я еще,— что между мадемуазель Станжерсон и ее убийцей существует, по крайней мере, эпистолярная связь.

— Соглашайтесь, друг мой, соглашайтесь!.. Вы ничем не рискуете!.. Я ведь уже рассказал вам историю с письмом, оставленным на столе мадемуазель Станжерсон, с письмом, оставленным убийцей в ту ночь, когда произошли события в загадочной галерее, а затем исчезнувшим... в кармане мадемуазель Станжерсон!.. Кто знает, может, в этом письме убийца требовал от мадемуазель Станжерсон более эффективного свидания, а может, он сразу же после отъезда господина Дарзака сообщил мадемуазель Станжерсон о том, что свидание это должно состояться ближайшей ночью? — И мой друг молча усмехнулся.

Бывали минуты, когда я спрашивал себя: уж не смеется ли он надо мной?

В этот момент открылась входная дверь. Рультабий так быстро вскочил со своего места, что можно было подумать, будто через его стул пропустили электрический ток.

— Господин Артур Ранс! — воскликнул он.

И в самом деле, на пороге стоял Артур Ранс, приветствуя нас с привычной невозмутимостью.

Глава XX

СТРАННЫЙ ПОСТУПОК МАДЕМУАЗЕЛЬ СТАНЖЕРСОН

— Вы узнаете меня, сударь? — обратился Рультабий к американцу.

— Разумеется,— ответил Артур Ранс.— Я сразу признал в вас того мальчика, с которым повстречался тогда в буфете. (При этих словах лицо Рультабия вспыхивает гневом: еще бы — какой он мальчик!) Вот я и вышел следом за вами из замка, чтобы пожать вашу руку. Вы очень забавный мальчик.— И американец протягивает руку.

Рультабий, повеселев, протягивает свою, смеется, представляет меня, представляет г-на Артура Уильяма Ранса, приглашает его разделить с нами трапезу.

— Нет, благодарю вас. Я обедаю с господином Станжерсоном.

Артур Ранс превосходно говорит по-французски, почти без всякого акцента.

— Я думал, сударь, что уже не буду иметь удовольствия видеть вас. Если не ошибаюсь, вы собирались покинуть нашу страну на другой день или же через день после приема в Елисейском дворце?

Во время этой нечаянной беседы мы с Рультабием стараемся казаться беспечными, а сами жадно ловим каждое слово американца.

Гладко выбритое, с фиолетовыми прожилками лицо, набухшие веки, какой-то судорожный нервный тик — все изобличает в нем человека пьющего. Как этот жалкий тип может сидеть за одним столом с г-ном Станжерсоном? Откуда эта близость со знаменитым профессором?

Через несколько дней Фредерик Ларсан, который так же, как и мы, был удивлен и заинтригован появлением в замке американца и немедленно навел о нем справки, рассказал мне, что г-н Ранс стал пить только лет пятнадцать назад, то есть после отъезда из Филадельфии профессора и его дочери. А в ту пору, когда Станжерсоны

жили в Америке, они дружили и часто встречались с Артуром Рансом, одним из самых известных френологов¹ Нового Света. Благодаря новым замысловатым опытам, он сумел значительно двинуть вперед науку Галла² и Лаватера³.

И наконец, к чести Артура Ранса и в объяснение того радушия, с каким он был принят в Гландье, следует сказать, что когда-то американский ученый оказал мадемуазель Станжерсон огромную услугу, с риском для собственной жизни остановив на полном скаку лошадей, которые вдруг понесли ее экипаж. Возможно даже, что это событие послужило в каком-то смысле поводом для своего рода дружбы, связавшей на короткое время Артура Ранса и дочь профессора, однако все это не давало ни малейшего основания усматривать тут некую любовную историю.

Откуда Фредерик Ларсан почерпнул эти сведения — неизвестно, но он, похоже, почти не сомневался в их достоверности.

Если бы в тот момент, когда Артур Ранс присоединился к нам в харчевне «Донжон», нам были известны все эти подробности, возможно, его присутствие в замке не заинтриговало бы нас сверх меры, но зато наверняка возбудило бы и без того повышенный интерес к новому персонажу. Американцу было лет сорок пять или около того. На вопрос Рультабия он ответил весьма просто:

— Узнав о покушении, я отложил свой отъезд в Америку. Прежде чем уехать, я хотел удостовериться, что жизнь мадемуазель Станжерсон вне опасности, и уеду я только после того, как она окончательно поправится.

Затем Артур Ранс неожиданно разговорился, избегая при этом отвечать на некоторые вопросы Рультабия. Например, поделился с нами, хотя мы его об этом и не

просили, своими собственными идеями относительно случившегося несчастья, причем, насколько я понял, его идеи почти полностью совпадали с мыслями самого Фредерика Ларсана, то есть, иными словами, американец тоже полагал, что г-н Робер Дарзак был каким-то образом замешан в этом деле. Правда, он его не называл, и все-таки не требовалось большого ума, чтобы распознать, что кроется за его словами. Он сказал, что ему известны усилия, прилагаемые юным Рультабием для того, чтобы распутать запутанный узел драмы Желтой комнаты. А также сообщил нам, что г-н Станжерсон поведал ему о событиях, которые произошли в загадочной галерее.

Внимая Артуру Рансу, нетрудно было догадаться, что он во всем винит Робера Дарзака. Не раз он выражал сожаление по поводу того, что г-н Дарзак отсутствовал именно в те моменты, когда в замке происходили таинственные и драматические события, и было ясно, на что он намекает. А в заключение признал, что г-н Дарзак «проявил большую сообразительность и ловкость», самолично предоставив возможность г-ну Жозефу Рультабию расположиться здесь, на месте, где тот наверняка — не сегодня, так завтра — сумеет обнаружить преступника. Причем последнюю фразу он произнес с явной иронией, затем встал, поклонился нам и вышел.

Глядя в окно на удаляющегося Артура Ранса, Рультабий сказал:

— Забавная фигура!

Я поинтересовался:

— Вы полагаете, он останется на ночь в Гландье?

К моему величайшему удивлению, юный репортер ответил, что ему это совершенно безразлично.

Не стану утомлять вас рассказом о том, как мы провели время после полудня. Довольно вам знать, что мы ходили гулять в лес, что Рультабий показал мне пещеру святой Женевьевы и что все это время мой друг старался говорить о чем угодно, только не о том, что занимало все его помыслы. Близился вечер. Меня крайне удивило, что репортер не собирается принимать никаких особых мер. Когда стемнело и мы очутились в своей комнате, я не преминул сказать ему об этом. Он ответил, что все необходимые меры им приняты и что на этот раз убийца не сможет от него ускользнуть. А так как я выразил некоторое сомнение на этот счет, напомнив ему об исчезновении убийцы в

¹ Френология — антинаучная теория, согласно которой на основе краниометрических данных якобы можно судить о психических особенностях человека. Краниометрия — система измерений черепа с помощью антропологических инструментов.

² Галл Франц Иосиф (1758—1828) — немецкий врач, основоположник френологии.

³ Лаватер Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский философ и поэт, создатель физиогномики, учения о необходимой связи между внешним обликом человека и его характером, в широком смысле — искусство толкования внешнего облика наблюдаемых явлений, учение о выразительных формах какой-либо области действительности и т. д.

загадочной галерее и намекнув, что такое может повториться снова, он сказал:

— Надеюсь, что так оно и будет. Это все, чего я желаю добиться этой ночью.

Я не стал настаивать, по опыту зная, сколь неуместны и бессмысленны в подобных случаях любые возражения. Однако он сообщил мне, что с самого утра его стараниями и стараниями сторожей за замком ведется неусыпное наблюдение, поэтому никому не удастся приблизиться сюда незамеченным, его обязательно предупредят, а если никто не придет снаружи, о тех, кто находится внутри, беспокоиться нечего.

Часы, которые он достал в этот момент из жилетного кармана, показывали половину седьмого. Рультабий встал, подал мне знак следовать за ним и без всяких предосторожностей, не пытаясь даже приглушить шум шагов и не призывая меня к молчанию, провел меня через всю галерею; свернув в правую галерею, мы дошли до лестничной площадки и пересекли ее. Затем мы продолжили свой путь по галерее левого крыла и прошли мимо апартаментов профессора Станжерсона. В конце этой галереи, как раз перед самым донжоном, находилась комната, которую занимал Артур Ранс. Мы знали это, так как в полдень видели американца у окна этой комнаты, выходявшего во двор. Дверь его комнаты находилась в поперечном конце галереи, и сама комната была расположена поперек этой галереи, ею она и заканчивалась с этой стороны. Словом, дверь комнаты Артура Ранса находилась прямо напротив восточного окна, расположенного в конце другой, правой галереи, в правом крыле, там, где в прошлый раз Рультабий поставил папашу Жака. Если встать спиной к этой двери, а иными словами — просто выйти из комнаты, перед вашим взором открывалась вся галерея: левое крыло, лестничная площадка и правое крыло. Невидимой оставалась только сворачивающая галерея правого крыла, и это вполне естественно.

— Сворачивающую галерею, — сказал Рультабий, — я оставляю за собой. А вы, когда я вас попрошу, вы придете и встанете здесь.

И он провел меня в маленький, темный, треугольный чуланчик, бывший частью галереи и расположенный наискось, слева от комнаты Артура Ранса. Из этого угла я видел все, что происходит в галерее, с такой же точно лег-

костью, как если бы стоял у двери Артура Ранса, и даже мог следить за дверью американца. Дверь чуланчика, который должен был стать моим наблюдательным пунктом, была застеклена не матовым, а обыкновенным стеклом. В галерее, где горели все лампы, было светло, а в чулане — совсем темно. Такому наблюдательному пункту мог позавидовать любой шпион.

Ибо что мне предстояло делать, как не шпионить, выполняя низкую работу полицейского? Разумеется, это не могло не вызывать у меня отвращения, и, кроме естественных инстинктов, этому противилось достоинство моей профессии, восстававшее против такого странного превращения! И в самом деле, если бы меня вдруг увидел глава сословия адвокатов, если бы о моем поступке узнали во Дворце правосудия, как отнеслись бы к этому в коллегии адвокатов? Что же касается Рультабия, то он даже не подозревал, что мне могло прийти в голову отказать ему в услуге, о которой он меня просил. Да я ему, собственно, и не собирался отказывать: во-первых, потому что побоялся бы прослыть в его глазах трусом; во-вторых, потому что думал, что всегда смогу отстоять свое право всюду доискиваться истины, пускай даже в качестве любителя; и наконец, в-третьих, потому что было уже слишком поздно отступить. Отчего такого рода сомнения не возникали у меня раньше? И почему угрызения совести не мучили меня? Да потому, что меня разбирало любопытство. К тому же я всегда мог сказать, что хотел участвовать в спасении женщины, а существуют ли такие профессиональные правила, которые могут воспрепятствовать столь благородным намерениям?

Мы двинулись в обратный путь по галерее. Когда мы были уже возле апартаментов мадемуазель Станжерсон, дверь ее гостиной распахнулась и на пороге показался метрдотель, прислуживавший за ужином (вот уже три дня, как г-н Станжерсон ужинал со своей дочерью в гостиной на втором этаже); дверь так и осталась полуоткрытой, и мы прекрасно видели, как мадемуазель Станжерсон, воспользовавшись отсутствием прислуги и тем, что ее отец наклонился, поднимая с пола предмет, который она уронила, поспешно вылила содержимое какого-то пузырька в стакан г-на Станжерсона.

Этот поступок, который буквально потряс меня, казалось, не слишком-то взволновал Рультабия. Когда мы вернулись в свою комнату, он, ни словом не обмолвившись о виденной нами сцене, стал давать мне последние указания. Сначала нам предстояло поужинать. После ужина я должен был войти в темный чулан и оставаться там до тех пор, пока что-нибудь не увижу.

— Если вы увидите раньше меня,— наставлял меня мой друг,— вы должны меня сразу же предупредить. А увидите вы раньше меня в том случае, если убийца проникнет в правую галерею любым другим путем, кроме сворачивающей галереи, так как вам будет видна вся правая галерея, а я буду видеть только сворачивающую галерею. Чтобы предупредить меня, вам придется всего лишь отпустить шнурок, который держит занавес на окне правой галереи, расположенном рядом с темным чуланом. Занавес сразу же упадет и закроет окно, образовав темный квадрат там, где был квадрат света, ведь галерея-то освещена. Для этого вам надо всего-навсего протянуть руку из темного чулана. Я же из сворачивающей галереи, которая образует прямой угол с правой галереей, буду видеть через окна сворачивающей галереи все световые квадраты, образуемые окнами правой галереи. Если интересующий нас светлый квадрат станет темным, я пойму, в чем дело.

— И тогда?

— Вы увидите меня на углу сворачивающей галереи.

— И что мне в таком случае делать?

— Вы тотчас же направитесь ко мне вслед за убийцей, но я уже буду рядом с ним и увижу, вписывается ли его лицо в круг...

— ...подсказанный вам здравым смыслом,— закончил я, едва заметно улыбнувшись.

— Чему вы улыбаетесь? Тут нечему... Хотя, впрочем, веселитесь, пользуйтесь последними оставшимися у вас минутами, ибо, клянусь вам, такой возможности у вас скоро уже не будет.

— А если человек этот опять ускользнет?

— Тем лучше! — невозмутимо молвил Рультабий.— Я вовсе не стремлюсь схватить его, он сможет убежать,

скатившись по лестнице, через вестибюль первого этажа... Произойдет это раньше, чем вы успеете дойти до площадки, ведь вы будете в самом конце галереи. Ну а я, конечно, позволю ему уйти, но только *после того, как увижу его лицо*. Это все, что мне нужно: увидеть его лицо. В дальнейшем я сумею устроить так, чтобы он умер для мадемуазель Станжерсон, *даже если он останется жив*. Если же я схвачу его живым, мадемуазель Станжерсон и господин Робер Дарзак, возможно, никогда не простят мне этого! А мне хотелось бы сохранить их уважение — это славные люди. Когда я увидел, как мадемуазель Станжерсон наливает снотворное в стакан своего отца, чтобы этой ночью его не разбудил разговор, который должен у нее состояться *с ее убийцей*, мне стало ясно — да и вы должны понять это,— что ее признательность по отношению ко мне будет весьма сдержанной, если я приведу к ее отцу человека из Желтой комнаты и загадочной галереи,— ведь *руки-то у него будут связаны, зато язык развязан!* Может, это величайшее счастье, что тогда, в загадочной галерее, человек этот растворился, словно по волшебству! Я понял это той ночью, увидев посветлевшее вдруг лицо мадемуазель Станжерсон, после того как она узнала, что он исчез. Да, я понял: чтобы спасти несчастную, необходимо не столько поймать этого человека, сколько заставить его молчать любым способом. Но убить человека!.. Убить человека не так-то просто. К тому же это уже не мое дело... Вот разве что он сам даст мне повод!.. С другой стороны, заставить его молчать, не добиваясь признаний от дамы... Это трудная задача, тут надо отгадать все, не зная ничего!.. К счастью, мой друг, я угадал... или, вернее, нет, я постиг все путем рассуждений... и потому сегодня ночью я хочу только одного: увидеть его лицо, которое должно вписаться...

— в круг...

— Вот именно, хотя лицо его, надо сказать, ничуть не удивит меня!..

— Однако мне казалось, что вы уже видели его лицо в тот вечер, когда прыгнули в комнату...

— Видел, но плохо... Свеча стояла на полу... И потом, такая бородаща...

— А сегодня, вы думаете, ее не будет?

— Берусь, пожалуй, утверждать, что будет... Но галерея освещена, к тому же теперь я знаю... или, во всяком

случае, мой мозг знает... а потому и глаза смогут увидеть...

— Если речь идет только о том, чтобы увидеть и дать ему уйти... зачем нам оружие?

— Затем, мой дорогой, что *если человек из Желтой комнаты и загадочной галереи поймет, что я узнал его, он может пойти на все!* И тогда нам придется защищаться.

— А вы уверены, что он придет сегодня ночью?..

— Это так же верно, как то, что вы стоите сейчас передо мной!.. Сегодня утром, в половине одиннадцатого, мадемуазель Станжерсон с поразительной ловкостью устроила так, чтобы остаться этой ночью без сиделок, она отпустила их под благовидным предлогом на двадцать четыре часа, а на время их отсутствия уговорила своего дорогого папочку охранять ее и лечь спать в ее будуаре. Он, разумеется с радостью и величайшей признательностью принял эти новые возложенные на него обязанности. Странное совпадение, не правда ли? Отъезд господина Дарзака (после всего мне сказанного) и необычайные меры, предпринятые мадемуазель Станжерсон, с тем чтобы остаться в полном одиночестве... Какие же могут быть сомнения? *Мадемуазель Станжерсон сама готовит приход убийцы*, которого так опасается господин Дарзак!

— Это ужасно!

— Да.

— А то, что мы сейчас видели... По-вашему, она хочет усыпить отца?

— Да.

— Значит, нас останется только двое?

— Четверо. Сторож и его жена будут на всякий случай на страже... Я думаю, их помощь не понадобится до того, как все произойдет... Но сторож может оказаться мне полезным после, если мы все же убьем нашего невидимку.

— Вы полагаете, что придется его убить?

— *Придется, если он сам этого захочет!*

— А почему бы не предупредить папашу Жака? Вы не хотите воспользоваться его услугами?

— Нет,— резко ответил Рультабий.

Некоторое время я хранил молчание, затем, желая проникнуть в тайну мысли Рультабия, внезапно спросил его:

— Почему бы не предупредить Артура Ранса? Он мог бы оказать нам неоценимую помощь...

— Вот как! — с нескрываемым раздражением сказал

Рультабий.— Вы, стало быть, всех хотите посвящать в секреты мадемуазель Станжерсон!.. Пошли ужинать... Пора... Сегодня мы ужинаем у Фредерика Ларсана... если только он снова не пустился вдогонку за Робером Дарзаком... Он не отстает от него ни на шаг. Ну, ничего, если сейчас его нет, ночью-то, я уверен, он будет!.. Вот уж кого я проведу!

В этот момент послышался шум в соседней комнате.

— Должно быть, он,— заметил Рультабий.

— Я забыл спросить вас об одной вещи,— сказал я.— В присутствии полицейского ни слова о нашей ночной экспедиции, не так ли?

— Разумеется. Будем действовать одни, *на свой собственный страх и риск.*

— И вся слава достанется нам?

— Так точно, тщеславный человек!

Ужинали мы с Фредериком Ларсаном в его комнате. Мы застали его у себя... Он сказал, что только что вернулся, и пригласил нас к столу. Ужин прошел в приятнейшей обстановке, и для меня не составило ни малейшего труда понять, что этим мы были обязаны благодушной уверенности, в которой пребывали и Рультабий, и Фредерик Ларсан, каждый со своей стороны убежденный в том, что добрался, наконец, до истины. Рультабий сообщил великому Фреду, что я приехал к нему по собственному почину и что он задержал меня, дабы я помог ему закончить одну большую работу, которую он намеревается отправить сегодня же в «Эпок». По его словам, я должен был уехать обратно в Париж одиннадцатичасовым поездом и увезти с собой его рукопись, что-то вроде романа с продолжением, в котором юный репортер описывал основные эпизоды таинственных событий, имевших место в Гландье. Выслушав его объяснение, Ларсан только улыбнулся, давая понять, что его не проведешь, однако, как и подобает вежливому человеку, не позволил себе ни единого замечания по поводу того, что его никоим образом не касается. Соблюдая величайшую осторожность в словах и даже в интонациях, Ларсан с Рультабием довольно долго обсуждали присутствие в замке г-на Артура Ранса, говорили и о его прошлом в Америке, о котором им хотелось бы знать гораздо больше, в особенности когда это касалось его отношений со Станжерсонами.

В какой-то момент Ларсан, который, как мне показало-

лось, почувствовал себя вдруг неважно, с усилием про-изнес:

— Я полагаю, господин Рультабий, что в Гландье нам скоро нечего будет больше делать; думается, нам осталось провести здесь считанные вечера.

— И я того же мнения, господин Фред.

— Стало быть, вы считаете *это дело законченным?*

— Я в самом деле думаю, что оно закончено и что ничего нового мы уже не узнаем.

— И вам известна личность виновного? — спросил Ларсан.

— А вам?

— Да.

— Мне тоже, — сказал Рультабий.

— Это одно и то же лицо?

— Не думаю, *если только вы не переменили своего мнения*, — заметил юный репортер. И, помолчав, счел нужным добавить: — Господин Дарзак честный человек!

— Вы уверены в этом? — спросил Ларсан. — Ну, что касается меня, то лично я уверен совершенно в обратном... Итак, значит, война?

— Да, война. И я побью вас, господин Фредерик Ларсан.

— Молодость не знает сомнений, — со смехом сказал великий Фред, обращаясь ко мне.

— Не знает, — словно эхо вторил ему Рультабий.

Тут вдруг Ларсан, поднявшийся было, чтобы пожелать нам доброй ночи, поднес обе руки к груди и пошатнулся. Чтобы не упасть, ему пришлось опереться на Рультабия. Он страшно побледнел и повалился в кресло.

— Ох, ох! — простонал он. — Что это со мной? Неужели меня отравили?

И он растерянно воззрился на нас... Напрасно мы пытались расспрашивать его, он уже впал в беспамятство, и нам не удалось вытянуть из него ни слова. Мы были крайне обеспокоены и за него, и за себя, так как ели все то же, к чему прикасался Фредерик Ларсан. Мы бестолково сустились вокруг него. Теперь он, казалось, уже не испытывал боли, но его отяжелевшая голова упала на плечо, и веки сомкнулись. Склонившись над ним, Рультабий стал слушать его сердце...

Когда мой друг распрямился, лицо его было абсолютно

спокойно, хотя только что он казался очень взволнованным.

— Он спит, — сказал Рультабий и потащил меня к себе в комнату, закрыв предварительно дверь комнаты Ларсана.

— Снотворное? — спрашивал я. — Уж не хочет ли мадемуазель Станжерсон усыпить сегодня вечером всех?..

— Возможно... — сказал в ответ Рультабий, думая о чем-то своем.

— А мы-то как же? Как же мы? — кричал я. — Кто поручится, что и мы не проглотили точно такое же снотворное?

— Вы чувствуете себя неважно? — невозмутимо спросил меня Рультабий.

— Нет, напротив!

— Вам хочется спать?

— Нисколько...

— Ну что ж, мой друг, в таком случае предлагаю вам выкурить эту превосходную сигару.

И он протянул мне первоклассную гаванскую сигару, которую подарил ему г-н Дарзак, сам же он закурил трубку, свою неизменную трубку.

Так мы просидели в этой комнате до десяти часов, ни разу не нарушив молчания. Рультабий непрестанно курил, нахмутив лоб и устремив взгляд куда-то вдаль. В десять часов он разулся и подал мне знак; я сразу понял, что должен последовать его примеру и снять свои ботинки. Когда оба мы остались в носках, Рультабий сказал, но так тихо, что я скорее угадал, чем расслышал это слово:

— Револьвер!

Из кармана пиджака я достал свой револьвер.

— Заряжайте! — скомандовал он.

Я зарядил.

Затем он направился к двери комнаты и с величайшей осторожностью открыл ее. Мы очутились в сворачивающей галерее. Рультабий снова подал мне знак. Я понял, что должен занять свой пост в темном чулане. Я уже было пошел, как вдруг Рультабий догнал меня и поцеловал, затем все так же бесшумно вернулся к себе в комнату. Удивленный этим поцелуем и несколько обеспокоенный, я добрался до правой галереи и беспрепятственно пошел дальше; миновав лестничную площадку, я двинулся вперед по галерее левого крыла и дошел до темного чулана.

Прежде чем войти в чулан, я внимательно изучил шнурок, стягивающий оконный занавес... Мне и в самом деле стоило только коснуться его рукой, чтобы тяжелый занавес сразу упал, скрыв от взора Рультабия световой квадрат: условленный сигнал. Звуки шагов заставили меня остановиться возле двери Артура Ранса. Значит, он не лег! Но почему же он, оставшись в замке, не ужинал вместе с господином Станжерсоном и его дочерью? По крайней мере, я не видел его за столом в тот момент, когда мы стали невольными свидетелями странного поступка мадемуазель Станжерсон.

Когда я вошел в свой темный чулан, мне там очень понравилось. Я видел всю галерею насквозь, она была освещена, как днем. Ничего из того, что там могло произойти, не укроется от моего взора. Но что же все-таки там произойдет? Может быть, что-то очень важное. И снова меня пронзило беспокойное воспоминание о поцелуе Рультабия. Так целуют своих друзей только в особо торжественных случаях или же если им грозит какая-нибудь опасность! Стало быть, мне грозит опасность? Вцепившись пальцами в рукоятку револьвера, я стал ждать. Конечно, я не герой, но и не трус.

В таком положении я простоял около часа, и в течение этого часа не заметил ничего необычного. Дождь на улице, прерывавшийся около девяти часов вечера, прекратился.

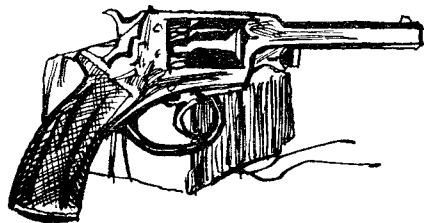
Мой друг сказал, что, вероятнее всего, до полуночи или до часа ночи ничего не случится. Между тем около половины двенадцатого дверь комнаты Артура Ранса открылась. Я услышал слабый скрип ее петель. Было ясно, что ее открывают изнутри с величайшей осторожностью. Какое-то время, показавшееся мне вечностью, дверь оставалась открытой. Ее толкнули из комнаты, и она распахнулась наружу, то есть в галерею, поэтому я не мог видеть ни что происходит в комнате, ни что происходит за дверью. В этот момент внимание мое привлек какой-то странный звук, повторявшийся уже третий раз и доносившийся из парка; поначалу я не обратил на него внимания, как не обращают обычно внимания на мяуканье кошек, которые бродят ночами по водостоку. Но в третий раз он прозвучал так явственно и странно, что я невольно вспомнил рассказы о крике Божьей твари. А так как до сих пор крик этот неизменно сопутствовал всем несчастьям, случавшимся в Гландье, меня охватила дрожь. И в эту самую минуту

я увидел, как из-за двери появился человек и закрыл ее. Я не сразу смог узнать его, так как, стоя ко мне спиной, человек этот склонился над довольно объемистым пакетом. Закрыв за собой дверь и взяв в руки пакет, человек повернулся лицом к темному чулану, и тогда я увидел его и узнал. Это был лесник, это он выходил в столь поздний час из комнаты Артура Ранса. «Зеленый человек». На нем был тот самый костюм, в котором я видел его на дороге возле харчевни «Донжон» в первый день, как приехал в Гландье, да и сегодня утром, когда мы с Рультабием выходили из замка и встретили его, он тоже был в этом костюме. Конечно, это лесник. Я отчетливо разглядел его. Мне даже показалось, будто лицо его выражало некую тревогу. Крик Божьей твари прозвучал на улице в четвертый раз, тогда лесник поставил свой пакет на пол и подошел ко второму окну, если считать окна от темного чулана. Я боялся пошевелиться, опасаясь выдать свое присутствие.

Подойдя к окну и уткнувшись лбом в стекло, он стал вглядываться в сумрак парка. Так простоял он с полминуты. Ночную тьму временами рассеивал ослепительно яркий свет луны, скрывшейся затем в черных тучах. «Зеленый человек» дважды поднимал руку, подавая какие-то непонятные для меня сигналы, потом, отойдя от окна, снова взял свой пакет и направился по галерее к лестничной площадке.

Рультабий наказывал мне: «Как только увидите что-нибудь, немедленно отпустите шнурок». И вот я видел, но что? Того ли ожидал Рультабий? Впрочем, мое ли это дело? Мне следовало выполнить данное им указание, и все. Я отпустил шнурок. Сердце мое громко стучало. «Зеленый человек» дошел до лестничной площадки, и тут, к величайшему моему удивлению, я увидел, как он спускается по лестнице, ведущей в вестибюль, тогда как я ожидал, что он продолжит свой путь по галерее правого крыла.

Что делать? Я тупо смотрел, как падает, закрывая окно, тяжелый занавес. Сигнал был подан, однако я не увидел Рультабия на углу сворачивающей галереи. Никто не приходил, никто не появлялся. Я был в полной растерянности. Прошло с полчаса, это время показалось мне нескончаемой вечностью. Как теперь быть, если даже я увижу что-нибудь еще? Сигнал был подан, я не мог подать его второй раз... С другой стороны, выйти из моего укрытия в такой момент

я не решался: это могло бы смешать все планы Рультабия. В конце концов, мне не в чем было себя упрекнуть, и если случилось что-то, чего мой друг не ожидал, ему оставалось винить только себя. Не имея больше реальной возможности предупредить его о чем-либо, я отважился пойти на риск: выйдя на цыпочках из чулана и стараясь ступать совсем неслышно, я, вслушиваясь в тишину, направился к сворачивающей галерее.

В сворачивающей галерее — ни души. Я подошел к двери Рультабия. Прислушался. Ни малейшего звука. Тогда я тихонько постучал. Никакого ответа. Я повернул ручку, дверь отворилась. Я очутился в комнате. Рультабий лежал вытянувшись во весь свой небольшой рост на полу.

Глава XXII

НЕГАДАННАЯ ЖЕРТВА

В невыразимой тревоге склонился я над телом друга и с радостью обнаружил, что он спит! Он спал тем глубоким, болезненным сном, каким, я видел, заснул Фредерик Ларсан. Значит, он тоже стал жертвой снотворного, которое подсыпали нам в пищу. Но как же, однако, мне-то удалось избежать этой участи! Поразмыслив хорошенько, я понял, что снотворное, должно быть, подмешали в вино или воду, ибо в таком случае все объяснялось само собой: за едой я обычно ничего не пью. От природы я склонен к полноте и потому соблюдаю, как говорится, сухой режим. Я с силой встряхнул Рультабия, но мне так и не удалось заставить его открыть глаза. Сон этот, несомненно, был делом рук мадемуазель Станжерсон.

Она, конечно, решила, что больше, чем отца, ей следует опасаться этого молодого человека и его неусыпной бдительности, ведь он все знал и умел все предвидеть! Я вспомнил, как метрдотель, прислуживая нам, особо рекомендовал великолепное сабли, которое наверняка побывало на столе профессора и его дочери.

Так прошло больше четверти часа. В этих исключительных обстоятельствах, когда нам во что бы то ни стало надо было проснуться, я решил прибегнуть к суровым мерам и вылил на голову Рультабия кувшин воды. Он открыл глаза — наконец-то! — но взгляд у него был такой

жалкий, сумрачный, безжизненный, я бы даже сказал, без проблеска мысли. И все-таки это была определенная победа. Я решил подкрепить ее и, приподняв его, влил Рультабию пару пощечин. О счастье! Я почувствовал, как он напрягся в моих руках, и услышал его шепот:

— Продолжайте, только не так шумно!..

Продолжать хлестать его по щекам и не шуметь при этом показалось мне делом невозможным. Тогда я принялся щипать и трясти его, и вскоре он уже мог держаться на ногах. Мы были спасены!..

— Меня усыпили,— молвил он.— Ах, я провел ужасные четверть часа, прежде чем окончательно свалился... Но теперь все прошло. Не покидайте меня...

Не успел он закончить фразу, как до слуха нашего донесся страшный крик, прокатившийся по всему замку, воистину смертный крик...

— Какое несчастье! — взвыл Рультабий.— Мы опоздали!..

И он кинулся к двери, но, ударившись о стену, упал, так как все еще нетвердо держался на ногах. Я же с револьвером в руке уже бежал по галерее; словно безумный летел я к спальне мадемуазель Станжерсон. Добежав до пересечения сворачивающей галереи с правой галереей, я увидел, как из апартаментов мадемуазель Станжерсон выскочил какой-то человек и в несколько прыжков очутился на лестничной площадке.

Я не мог совладать с собой и выстрелил... Револьверный выстрел с грохотом прокатился по всей галерее, но человек, продолжая свой бешеный бег, уже успел скатиться по лестнице. Я бежал за ним с криком: «Стой! Стой, или я убью тебя!..» Достигнув, в свою очередь, лестницы, я увидел бегущего навстречу мне из глубины галереи левого крыла замка Артура Ранса, кричавшего:

— Что случилось?.. Что случилось?..

Мы с Артуром Рансом сбежали вниз по лестнице почти одновременно; окно в вестибюле было открыто. Мы отчетливо видели фигуру бегущего человека и, не отдавая себе в этом отчета, инстинктивно разрядили свои револьверы в его направлении. Человека этого отделяло от нас не более десяти метров, он пошатнулся, и мы уже были решили, что он вот-вот упадет, когда следом за ним выпрыгнули в окно, но человек вдруг кинулся бежать с новой силой. Я был в носках, американец — босиком, у нас не

было никакой надежды догнать его, если даже наши револьверы оказались бессильны! Мы выпустили свои последние патроны, а он все бежал, бежал... Но бежал он по правой стороне центрального двора, туда, где кончалось правое крыло замка, в тот самый угол, окруженный рвами и высокой оградой, где не было никакой возможности скрыться и откуда был только один выход — дверь маленькой комнаты, расположенной выступом, в которой жил теперь лесник.

Бегущий впереди человек, хоть и был наверняка ранен нашими пулями, все-таки сумел оторваться от нас метров на двадцать. В это время сзади, над нашими головами, открылось одно из окон галереи, и мы услышали голос Рультабия, отчаянно кричавшего:

— Стреляйте, Бернье! Стреляйте!

И посветлевшую в этот миг от лунного сияния ночь прорезала еще одна вспышка.

При свете этой вспышки мы увидели папашу Бернье, стоявшего со своим ружьем у входа в донжон.

Выстрел был метким. Тень рухнула на землю. Но успев добежать до угла правого крыла замка, человек этот упал уже за углом, то есть мы видели, как он падал, но на землю-то он упал с другой стороны стены, которую нам не было видно. Через каких-нибудь двадцать секунд Бернье, Артур Ранс и я — все трое — очутились за углом этой самой стены. «Тень» лежала недвижно у наших ног.

Разбуженный, очевидно, от своего летаргического сна криками и выстрелами, Ларсан, открыв окно своей комнаты, кричал, как совсем недавно кричал Артур Ранс:

— Что случилось? Что случилось?..

А мы... мы склонились над «тенью», над таинственной мертвой «тенью» убийцы. Вскоре к нам присоединился окончательно теперь пробудившийся Рультабий, я кричал ему:

— Он мертв! Он мертв!..

— Тем лучше,— сказал Рультабий.— Отнесите его в вестибюль замка...— Но потом спохватился: — Нет, нет! Положим его в комнате лесника!..

Рультабий постучал в дверь комнаты лесника... Никто не отозвался, что, впрочем, меня ничуть не удивило.

— Ну, конечно, его нет,— заметил репортер,— иначе он давно бы уже вышел!.. Придется отнести это тело в вестибюль...

Когда мы собрались вокруг «мертвой тени», ночь вдруг сделалась такой черной из-за огромного облака, скрывшего луну, что мы могли только касаться этой «тени», не различая ее очертаний. А между тем мы сгорали от нетерпения, нам хотелось знать! Подоспевший папаша Жак помог нам донести труп до вестибюля замка. Там мы опустили его на первую ступеньку лестницы. Пока мы шли, я чувствовал на своих руках еще горячую кровь из ран...

Папаша Жак сбегал на кухню и принес фонарь. Склонившись над «мертвой тенью», он осветил лицо убитого, и мы узнали лесника, того самого, кого хозяин харчевни «Донжон» прозвал «зеленым человеком» и кого еще час назад я видел выходящим из комнаты Артура Ранса с пакетом в руках. Однако об этом я мог рассказать одному лишь Рультабию, что, впрочем, я и сделал несколькими минутами позже.

Не смею умалчивать о том величайшем удивлении, я бы даже сказал — жестоком разочаровании, которое выразили Жозеф Рультабий и Фредерик Ларсан, присоединившийся к нам в вестибюле. Они ошупывали труп, смотрели на это мертвое лицо, на этот зеленый костюм лесника и повторяли друг за другом:

— Непостижимо!.. Непостижимо!..

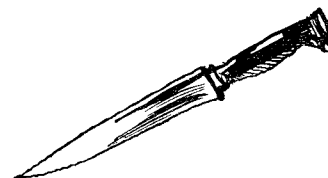
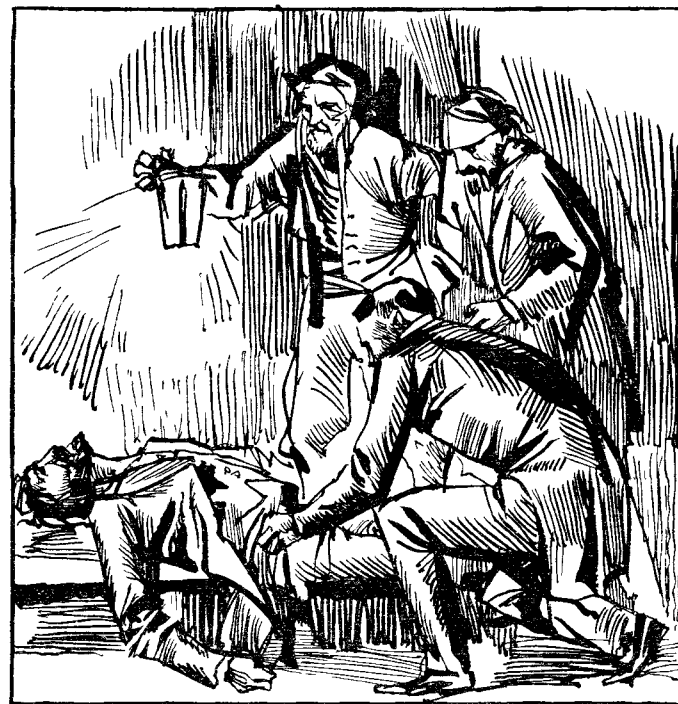
А Рультабий еще добавил:

— Ерунда какая-то!

Папаша Жак всячески выказывал глупую скорбь, сопровождавшуюся смехотворными причитаниями. Он утверждал, что это ошибка и что лесник не мог быть убийцей его хозяйки. Нам пришлось заставить его умолкнуть. Он так громко стонал, словно потерял родного сына, мне даже показалось, что такое неумное проявление добрых чувств к леснику объяснялось страхом, который он испытывал: как бы, чего доброго, не подумали, будто он радуется его трагической смерти, ведь каждому и в самом деле было известно, что папаша Жак терпеть не мог лесника. К тому же я заметил, что из всех нас, прибежавших кто в чем попало, босиком или в носках, один только папаша Жак был одет как подобает.

Однако Рультабий не спускал глаз с убитого; стоя на коленях на каменных плитах, он при свете фонаря папаши Жака стал раздевать лесника!.. Обнажил его грудь. Она была вся в крови.

Потом вдруг, взяв из рук папаши Жака фонарь,

Рультабий направил его свет на огромную зияющую рану. Затем встал и сказал странным, исполненным какой-то дикой иронии тоном:

— Этот человек, которого вы считали убитым революционными пулями и дробью, умер от ножевого удара в сердце!

Я снова, в который уже раз, подумал, что Рультабий сошел с ума, и в свою очередь сам склонился над трупом. И только тогда понял, что на теле лесника и в самом деле не было ни одной пулевой раны, только в области сердца виднелся глубокий порез, сделанный острым лезвием.

Глава XXIII

двойной след

Я еще не успел прийти в себя от изумления, в которое повергло меня это открытие, когда мой юный друг, ударив меня по плечу, сказал:

— Следуйте за мной!

— Куда? — спросил я.

— Ко мне в комнату.

— Что мы там будем делать?

— Размышлять.

Признаюсь, что касается меня, то я был не в состоянии не только размышлять, но попросту о чем-либо думать. Мне трудно было понять, как этой трагической ночью, после всех этих событий, ужас которых можно было сравнить лишь с их несуразностью, находясь меж трупом лесника и, возможно, умирающей мадемуазель Станжерсон, Жозеф Рультабий мог о чем-то размышлять. Однако именно так он и поступил, сохраняя поразительное хладнокровие, присущее всем великим полководцам в самый разгар битвы. Закрыв за нами дверь комнаты и указав мне на кресло, он не спеша уселся напротив меня и, конечно, закурил свою трубку. Я глядел, глядел на него, пока он размышлял, да и... заснул незаметно. Когда я проснулся, было уже светло. Мои часы показывали восемь. Рультабия в комнате не было. Его кресло напротив меня оказалось пустым. Я встал и начал потягиваться, тут дверь отворилась и появился мой друг. По его лицу я сразу увидел, что, пока я спал, он не терял даром времени.

— Как мадемуазель Станжерсон? — тут же спросил я.

— Состояние ее внушает тревогу, но не безнадежно.

— Вы давно ушли отсюда?

— Как только рассвело.

— Работали?

— И много.

— Что-нибудь обнаружили?

— Двойной след, причем очень заметный, который мог бы сбить меня с толку...

— Но не сбил?

— Нет.

— Он вам о чем-нибудь говорит?

— Да.

— Относительно негаданной жертвы — лесника?

— Да, теперь все стало на свои места. Сегодня утром, прогуливаясь вокруг замка, я обнаружил два вида различных следов, которые были оставлены там этой ночью; идут они рядом, параллельно. Я говорю «параллельно», потому что иначе и быть не могло, ибо если бы один человек шел за другим той же дорогой, то он наверняка попадал бы в след, оставленный шедшим впереди, и тогда следы их должны были хотя бы изредка смешиваться. Однако этого не случилось ни разу. Одни следы не попадают в другие. Нет, то были следы, которые как бы беседовали между собой. Этот двойной след отделялся от всех остальных следов где-то посреди центрального двора и, покинув этот двор, направлялся к дубраве. Я тоже покинул центральный двор, не спуская глаз с этого следа, и тут ко мне присоединился Фредерик Ларсан. Он сразу же очень заинтересовался моей работой, так как этот двойной след и в самом деле заслуживал того, чтобы заняться им всерьез. По сути, это был двойной отпечаток из дела Желтой комнаты: грубые следы и следы «элегантные», только в деле Желтой комнаты грубые следы всего лишь присоединялись к следам «элегантным» на берегу пруда, чтобы затем исчезнуть, на основании чего мы с Ларсаном сделали вывод, что оба вида этих следов принадлежат одному и тому же лицу, которое просто сменило обувь, тогда как на этот раз грубые следы и «элегантные» путешествовали вместе. Такого рода наблюдение поколебало мою былую уверенность. Ларсан, похоже, был того же мнения, что и я, поэтому мы шли по следу, принимаясь к нему, словно гончие псы.

Я вытащил из бумажника свои бумажные следы. Первый из них, который я вырезал по отпечаткам следов папаши Жака, найденным Ларсаном, то есть по отпечаткам грубых башмаков, в точности соответствовал тем, которые мы обнаружили теперь, второй же — слепок «элегантных» следов — тоже вполне подходил к новым отпечаткам, правда с едва заметной разницей. Этот новый «элегантный» след отличался от прежнего, обнаруженного нами на берегу пруда, лишь размером ботинок. Мы не могли с уверенностью сказать, что след этот принадлежит одному и тому же лицу, точно так же, как не могли прийти и к иному заключению, то есть утверждать, что он принадлежит кому-то другому. Незвестный мог на этот раз надеть другие ботинки, вот и все.

Продолжая идти по этому двойному следу, мы с Ларсаном миновали дубраву и в конце концов очутились на берегу того самого пруда, где уже побывали во время нашего первого расследования. Но на этот раз ни один из следов не заканчивался на берегу пруда, и тот и другой сворачивали на маленькую тропинку, а затем исчезали на шоссе на дороге, ведущей в Эпине. Свежее покрытие шоссе не позволило нам обнаружить ничего, и мы в полном молчании вернулись в замок.

Во дворе, у парадного входа, мы разошлись в разные стороны, однако потом, вследствие того что мысль наша работала в одном направлении, снова встретились возле двери в комнату папаши Жака. Старого слугу мы застали в постели и сразу заметили, в каком плачевном состоянии находится его одежда, брошенная на стул, и какой грязью покрыты его башмаки, в точности такие же, как те, которые мы уже видели однажды, после первого покушения на мадемуазель Станжерсон. Ведь не потому же, что папаша Жак сначала помог перенести труп лесника из угла двора в вестибюль, а затем сходил на кухню за фонарем, он так отделал свои башмаки и вымок до нитки, — в тот момент никакого дождя не было. Зато дождь лил перед происшествием и после него.

Что же касается его собственного вида, то тут тоже было от чего прийти в изумление. На лице папаши Жака была написана крайняя усталость, а его растерянно мигающие глаза смотрели на нас с ужасом.

Мы стали расспрашивать его. Сначала он сказал, что лег сразу же после того, как в замок явился врач, за ко-

торым посылали метрдотеля. Тогда мы немножко прижали его, доказав, что он лжет, и он в конце концов вынужден был признаться, что в самом деле выходил из замка. Мы, разумеется, спросили его зачем. Он ответил, что у него разболелась голова и что ему захотелось выйти на свежий воздух подышать, но что дальше дубравы он не ходил. Тогда мы описали ему весь путь, который он проделал, причем во всех подробностях, словно сами за ним шли. Старик сел на постели, весь дрожа.

«И вы были не один!» — воскликнул Ларсан. «Так вы, стало быть, видели его?» — сказал папаша Жак. «Кого его?» — переспросил я. «Как кого? Черный призрак!» И папаша Жак поведал нам, что вот уже несколько ночей видит черный призрак. Он появляется в парке ровно в полночь и с необычайной легкостью скользит между деревьев. Казалось, он проходит сквозь древесные стволы. Дважды папаша Жак, заметив в окне при лунном свете призрак, вставал и, полный решимости, отправлялся на охоту за этим странным видением. Накануне он чуть было не настиг его, однако тот успел исчезнуть за углом донжона; и наконец, минувшей ночью, действительно выйдя из замка, снедаемый мыслью о новом, только что свершившемся преступлении, он вдруг увидел этот черный призрак посреди центрального двора. Вначале он следил за ним издали, затем подошел поближе... Обогнув таким образом дубраву и пруд, он дошел до начала дороги на Эпине. Там, по его словам, призрак внезапно исчез куда-то.

«Вы не видели его лица?» — спросил Ларсан. «Нет! Я видел только черное покрывало...» — «Отчего же после всего случившегося в галерее вы его не схватили?» — «Я не мог! На меня напал такой страх... У меня едва достало силы следовать за ним...» — «Вы не следовали за ним, папаша Жак, — сказал я, и в голосе моем прозвучала угроза, — вы шли вместе с призраком рука об руку, вплоть до самой дороги на Эпине». — «Нет! — воскликнул он. — Пошел проливной дождь... Я вернулся!.. Я понятия не имею, что сделалось с черным призраком...» Но при этом он старался не смотреть на меня.

Мы ушли. Как только мы очутились на улице, я спросил, глядя Ларсану прямо в лицо, чтобы по выражению его глаз уловить ход его мысли: «Сообщник?»

Ларсан воздел руки к небу: «Кому это ведомо?.. Как вообще разобраться в таком деле?.. Двадцать четыре часа

назад я готов был поклясться, что никаких сообщников нет и быть не может!»

На этом мы расстались, он заявил, что немедленно покидает замок и едет в Эпине...

Рультабий закончил свой рассказ. Я спросил его:

— Так что же? Какой вывод можно сделать из всего этого?.. Что касается меня, то я просто ума не приложу!.. Я ничего не могу понять!.. Но вы-то хоть понимаете, вы что-нибудь знаете?

— *Все!* — воскликнул он. — Я знаю решительно *все!*

Никогда я не видел у него такого сияющего выражения лица. Он встал и крепко пожал мне руку.

— Так объяснитесь, — взмолился я.

— Давайте справимся о здоровье мадемуазель Станжерсон, — сказал он вдруг.

Глава XXIV

РУЛЬТАБИЙ ЗНАЕТ ОБЕ ПОЛОВИНКИ УБИЙЦЫ

Во второй раз мадемуазель Станжерсон оказалась на краю гибели. Беда заключалась в том, что дела ее обстояли гораздо хуже, чем в первый раз. Еще бы, этой трагической ночью убийца нанес ей три ножевые раны в грудь, и долгое время мадемуазель Станжерсон находилась между жизнью и смертью, а когда жизнь стала наконец побеждать и появилась надежда, что несчастной женщине и на этот раз удастся избежать жестокой судьбы, окружающие вдруг заметили, что хотя силы с каждым днем постепенно возвращались к ней, но разум начал покидать ее. Малейший намек на случившееся повергал ее в ужасное состояние, у нее начинался бред, и, думается, без преувеличения можно сказать, что арест г-на Робера Дарзака в замке Гландье на другой день после убийства лесника сыграл здесь не последнюю роль. Светлый ум померк, мало того, пучина душевных мук готова была и вовсе поглотить его.

Г-н Робер Дарзак прибыл в замок около половины десятого. Я видел, как он бежал по парку с развевающимися волосами, в растрепанной одежде, весь забрызганный грязью — словом, в самом жалком виде. Лицо его было мертвенно-бледным. Мы с Рультабием стояли в тот миг у окна галереи. Заметив нас, он испустил отчаянный вопль:

— Я опоздал!..

Рультабий крикнул ему:

— Она жива!..

Не прошло и минуты, как г-н Дарзак уже входил в комнату мадемуазель Станжерсон, из-за двери до нас доносились его рыдания.

— Что за злой рок! — сетовал Рультабий. — Какие немилосердные боги обрушивают несчастья на эту семью! Если бы меня не усыпили, я бы спас мадемуазель Станжерсон от этого человека и заставил бы его умолкнуть навеки... *И лесник бы остался в живых!*

Вскоре к нам присоединился г-н Дарзак. Он был в слезах. Рультабий рассказал ему обо всем: и как он все приготовил, чтобы спасти их — мадемуазель Станжерсон и его; и как бы ему это удалось, если бы он сумел увидеть лицо того человека; и как из-за этого гнусного снотворного план его был потоплен в крови.

— Ах, если бы вы и в самом деле доверяли мне! — едва слышно проговорил молодой человек. — Если бы внушили мадемуазель Станжерсон, чтобы она поверила мне!.. Но здесь никто никому не верит... Дочь не доверяет отцу... Невеста не доверяет жениху... Пока вы тут рассказывали мне, как надо помешать убийце, остановить его, *она делала все, чтобы дать ему убить себя!*.. Я пришел слишком поздно... наполовину усыпленный... и едва сумел дотащиться до ее спальни, где только вид несчастной, утопавшей в крови, окончательно пробудил меня...

По просьбе г-на Дарзака Рультабий подробнейшим образом описал все случившееся. Пока мы преследовали убийцу в вестибюле, а затем во дворе, Рультабий, держась за стены, чтобы не упасть, добрался до комнаты пострадавшей... Двери в прихожую были открыты, он вошел. Мадемуазель Станжерсон упала на стол и лежала с закрытыми глазами, почти бездыханная; ее пеньюар покраснел от крови, ручьями стекавшей по ее груди. Рультабию, который все еще не мог справиться со снотворным, показалось, что ему снится какой-то страшный сон. В полусознательном состоянии выходит он из спальни мадемуазель Станжерсон, распахивает окно в галерее, кричит нам о свершившемся преступлении, приказывает стрелять и возвращается обратно. Миновав пустой будуар, он входит

в гостиную, дверь которой оставалась полуоткрытой, встряхивает г-на Станжерсона, лежавшего на диване, пытаясь разбудить его, как только что будили его самого... Г-н Станжерсон встает с блуждающим взглядом и позволяет Рультабию увлечь себя в спальню дочери, а увидев ее, испускает отчаянный крик... Ах, наконец-то он проснулся! Проснулся!.. И теперь оба они, собрав остатки сил, переносят несчастную на кровать...

Затем Рультабий направляется к нам, чтобы узнать... наконец-то узнать... но, прежде чем уйти из комнаты, задерживается у стола... Там, на полу, лежит сверток... огромный пакет... Откуда взялся этот пакет и почему он лежит здесь, возле стола?.. Развязав обертку, Рультабий склоняется над содержимым... Бумаги... бумаги... фотографии. Он читает: «Новый электроскоп — дифференцирующий конденсатор... Основные свойства промежуточной между весомой материей и невесомым эфиром субстанции...» Нет, вы только подумайте, что за бред, какая злая ирония судьбы: в тот час, когда убивают его дочь, профессор Станжерсон вновь обретает все эти ненужные теперь бумаги, которые он завтра же собирается бросить в огонь!.. В огонь!.. В огонь!..

Наутро, последовавшее за этой ужасной ночью, мы вновь увидели г-на де Марке, его секретаря, жандармов. Всех нас подвергли допросу, за исключением, конечно, мадемуазель Станжерсон, которая была почти в бессознательном состоянии. Мы с Рультабием, договорившись обо всем заранее, рассказали лишь то, что хотели рассказать. Разумеется, я ни словом не обмолвился ни о моем пребывании в темном чулане, ни об истории со сновидениями. Короче, мы умолчали обо всем, что могло бы навести на мысль, будто мы ожидали чего-то в этом роде, а также о том, что могло навлечь подозрения на мадемуазель Станжерсон: не дай бог, кто-нибудь подумает, что она ждала убийцу. Несчастной, быть может, придется заплатить жизнью за тайну, которой она окружала убийцу... Разве имели мы право сделать эту жертву напрасной?.. Артур Ранс рассказывал всем с самым естественным видом — настолько естественным, что я был просто поражен, — будто в последний раз он видел лесника около одиннадцати часов вечера. Тот, по его словам, приходил к нему в комнату, чтобы забрать его чемодан, который

должен был отнести рано утром на вокзал в Сен-Мишель, и задержался, разговаривая с ним будто бы об охоте и браконьерстве! Артур Уильям Ранс и в самом деле собирался наутро покинуть Гландье, отправившись, по своему обыкновению, в Сен-Мишель пешком, поэтому он решил воспользоваться утренним путешествием лесника в маленькое селение, дабы избавиться от своего багажа. Если верить его рассказу, то именно этот багаж и нес «зеленый человек», когда я увидел его выходящим из комнаты Артура Ранса.

А что прикажете думать, если г-н Станжерсон подтвердил сказанное им, добавив, что накануне вечером он не имел удовольствия видеть у себя за столом своего друга Артура Ранса, так как тот около пяти часов окончательно распрощался и с ним, и с его дочерью. Сославшись на легкое недомогание, господин Артур Ранс попросил принести к нему в комнату просто чашку чая.

Следуя указаниям Рультабия, сторож Бернье сообщил, что в ту ночь лесник попросил его якобы помочь ему выследить браконьеров (благо лесник все равно не мог уже опровергнуть этого), что они назначили друг другу свидание неподалеку от дубравы и что, так и не дождавшись лесника, он, Бернье, сам решил отправиться ему навстречу... Войдя через калитку во двор и очутившись у донжона, он вдруг увидел какого-то человека, со всех ног бежавшего с другого конца двора к углу правого крыла замка; в ту же минуту послышались револьверные выстрелы, — верно, стреляли в беглеца; в окне галереи показался Рультабий; он заметил сторожа с ружьем в руках и крикнул, чтобы тот стрелял. Бернье тут же выстрелил, ведь он держал свое ружье наготове... и был уверен, что задел беглеца; он даже думал, что убил его, думал до тех пор, пока Рультабий, осмотрев тело как бы подкошенного ружейным выстрелом человека, не сказал, что тот был убит ударом ножа; впрочем, по словам Бернье, он вообще ничего не мог понять во всей этой невероятной истории, потому что если найденный труп не был трупом беглеца, в которого все стреляли, то сам-то беглец должен же был где-то находиться. А в этом крохотном углу двора, говорил Бернье, где все мы собрались вокруг трупа, просто не было места ни для кого другого, будь то живой или мертвый, иначе мы непременно увидели бы его!

На это судебный следователь возразил, что, когда все

мы собрались в этом углу двора, ночь была такой темной, что никто из нас не смог разглядеть лица лесника, и, чтобы узнать его, нам пришлось отнести его в вестибюль... В ответ папаша Бернье сказал, что пускай мы не заметили никого другого — ни живого, ни мертвого, — не разглядели в темноте, но если там все-таки был кто-то, то мы непременно наступили бы на него, настолько тесно в этом углу двора. Ведь, в конце-то концов, не считая трупа, нас было пятеро там, и странно, что кто-то мог бы ускользнуть от нас... Единственная дверь, выходящая в тот угол двора, была дверью в комнату лесника, и дверь эта была заперта. А ключ от нее нашли в кармане у лесника...

Но так как из рассуждений Бернье, на первый взгляд казавшихся вполне логичными, вытекало, что человека, который, несомненно, умер от удара ножом, убили будто бы из огнестрельного оружия, следовательно не придавал особого значения его словам. И уже к полудню всем нам стало ясно, что в глубине души следователь был уверен, будто мы упустили беглеца, а вместо него на том месте обнаружили труп, который к нашему делу не имел никакого отношения. В его глазах труп лесника был уже совсем другим делом, и он без промедления собирался доказать это. Вполне возможно, что это новое дело соответствовало тому представлению, которое за несколько дней сложилось у него о нравах лесника — о его похождениях, о недавней интриге, которую он завел с женой хозяина харчевни «Дон-жон», а кроме того, об известных ему громогласных смертных угрозах папаша Матье в адрес лесника, ибо в час пополудни папаша Матье, несмотря на свои ревматические жалобы и протесты жены, был арестован и под надежной охраной отправлен в Корбе. Однако ничего компрометирующего у него так и не нашли, и тем не менее угрозы, высказанные им накануне в присутствии проезжих людей, сообщивших об этом судебным властям, скомпрометировали его куда больше, нежели, допустим, нож, послуживший орудием убийства «зеленого человека», если бы таковой вдруг обнаружили спрятанным у него в тюфяке.

Все мы были удивлены и ошеломлены ужасными и необъяснимыми событиями, а тут, словно для того, чтобы повергнуть нас в еще большее изумление, в замок прибыл Фредерик Ларсан, который уехал сразу же после того, как встретился со следователем, и теперь возвращался в сопровождении железнодорожного служащего.

В этот момент мы с Артуром Рансом находились в вестибюле, рассуждая о возможной виновности или невиновности папаша Матье. (Повторяю, говорили об этом только мы с Артуром Рансом, Рультабий же, казалось, думал совсем о другом, мысли его витали где-то в необъятных далях, его, видимо, ничуть не занимал наш спор.) Следовательно с судебским секретарем расположились в маленькой зеленой гостиной, где Робер Дарзак принимал нас, когда мы в первый раз приехали в Гландье. В гостиную только что вошел папаша Жак, вызванный следователем; г-н Робер Дарзак вместе с г-ном Станжерсоном и врачами находились наверху, в спальне мадемуазель Станжерсон.

Так вот, Фредерик Ларсан вошел в вестибюль вместе с железнодорожным служащим. Мы с Рультабием тотчас же узнали этого служащего по его светлой бородке.

— Смотрите-ка, железнодорожный служащий из Эпине-сюр-Орж! — воскликнул я и вопросительно взглянул на Фредерика Ларсана, который, улыбаясь, ответил:

— Да, да, вы правы, это железнодорожный служащий из Эпине-сюр-Орж.

Вслед за тем Фредерик Ларсан попросил жандарма, стоявшего у двери в гостиную, доложить о себе судебному следователю. Папаша Жак тотчас же вышел оттуда, а Фредерика Ларсана вместе со служащим пригласили к судебному следователю. Прошло некоторое время, может быть, минут десять. Рультабий сгорал от нетерпения. Дверь гостиной отворилась, жандарм, которого вызвал судебный следователь, вошел в гостиную, затем вышел оттуда, поднялся вверх по лестнице и снова спустился. Распахнув дверь гостиной, жандарм сказал следователю:

— Господин следователь, господин Робер Дарзак не желает спускаться!

— Как это не желает?.. — воскликнул г-н де Марке.

— Он говорит, что не может оставить мадемуазель Станжерсон в таком тяжелом состоянии...

— Прекрасно, — заявил г-н де Марке. — Раз он не желает спуститься сюда, придется, видно, нам подняться к нему...

Следователь с жандармом поднялись наверх, г-н де Марке подал знак Фредерику Ларсану и железнодорожному служащему следовать за ними. Мы с Рультабием замыкали шествие.

Таким образом все мы очутились у двери в прихожую

мадемуазель Станжерсон. Г-н де Марке постучал. Появилась горничная. Это была Сильвия, молоденькая служанка. Светлые, почти бесцветные волосы в беспорядке падали ей на лицо, вид у нее был подавленный.

— Господин Станжерсон здесь? — спросил судебный следователь.

— Да, сударь.

— Передайте ему, что я хотел бы поговорить с ним.

Сильвия пошла за г-ном Станжерсоном.

Ученый вышел к нам весь в слезах, на него больно было смотреть.

— Что вам еще надо? — спросил он следователя. — Нельзя ли хоть в такую минуту оставить меня, наконец, в покое!

— Сударь, — сказал следователь, — мне нужно немедленно поговорить с господином Робером Дарзаком. Не могли бы вы повлиять на него и заставить его покинуть комнату мадемуазель Станжерсон? В противном случае я буду вынужден сам переступить этот порог вместе с представителями правосудия.

Профессор ничего не ответил, он только посмотрел на следователя, на жандарма, на всех, кто сопровождал их — так смотрит жертва на своих палачей, — и молча ушел в комнату.

Оттуда тотчас же вышел г-н Робер Дарзак. Он был очень бледен и весь как-то осунулся, но когда этот несчастный увидел за спиной Фредерика Ларсана железно-дорожного служащего, лицо его и вовсе исказилось, с застывшими от ужаса глазами он глухо застонал.

Мы все были потрясены трагическим выражением этого скорбного лица и не могли сдержать возгласа сострадания. Каждый из нас почувствовал: случилось что-то непоправимое, что окончательно погубило г-на Робера Дарзака. Один только Фредерик Ларсан сиял от восторга и был похож на гончего пса, который настиг наконец свою добычу.

Указывая г-ну Дарзаку на молодого служащего со светлой бородкой, г-н де Марке спросил:

— Вы узнаете этого человека?

— Да, я узнаю его, — сказал Робер Дарзак, напрасно пытаюсь придать твердости своему голосу. — Это служащий со станции Эпине-сюр-Орж.

— Этот молодой человек утверждает, — продолжал г-н

де Марке, — что видел, как вы выходили из поезда в Эпине...

— ...этой ночью, — закончил г-н Дарзак, — в половине одиннадцатого... Все верно!..

Воцарилось молчание.

— Господин Дарзак... — продолжал судебный следователь с нескрываемым волнением в голосе. — Господин Дарзак, что вы делали этой ночью в Эпине-сюр-Орж, в нескольких километрах от того места, где убивали мадемуазель Станжерсон?

Господин Дарзак безмолвствовал. Он не опустил головы, только закрыл глаза — то ли потому, что хотел скрыть свою боль, то ли из опасения, что по его глазам кто-то сможет отгадать оберегаемый им секрет.

— Господин Дарзак, — настаивал г-н де Марке, — можете ли вы сообщить мне, что делали в указанное время минувшей ночью?

Господин Дарзак открыл глаза. Казалось, он полностью овладел собой.

— Нет, сударь!

— Подумайте, ибо, если вы будете упорствовать в своем странном отказе, мне придется задержать вас...

— Я отказываюсь говорить...

— Господин Дарзак! Именем закона вы арестованы!..

Не успел следователь вымолвить эти слова, как Рультабий метнулся к г-ну Дарзаку. Он, верно, собирался что-то сказать, но тот жестом остановил его... Да и жандарм уже подходил к своему пленнику... В этот момент раздался отчаянный зов:

— Робер!.. Робер!..

Мы узнали голос мадемуазель Станжерсон и все, как один, вздрогнули — такая в нем слышалась боль. Даже сам Ларсан побледнел. Что же касается г-на Дарзака, то в ответ на этот зов он тут же бросился в комнату...

Следователь, жандарм и Ларсан кинулись следом и встали за его спиной, а мы с Рультабием остановились у порога комнаты. Глазам нашим открылась душераздирающая сцена: бледная как смерть мадемуазель Станжерсон, отстранив пытавшихся удержать ее двух врачей и отца, поднялась на своем ложе... Она протягивала дрожащие руки к Роберу Дарзаку, которого с двух сторон схватили Ларсан и жандарм... Глаза ее были широко открыты... она

видела... она все понимала... она силилась произнести какое-то слово... Слово это застыло на ее бескровных губах... Его так никто и не расслышал... Потеряв сознание, она упала навзничь... Дарзака тут же увели из комнаты...

В ожидании экипажа, за которым послал Ларсан, мы остановились в вестибюле. Все были крайне взволнованы. У г-на де Марке в глазах блеснули слезы. Воспользовавшись этой минутой всеобщего умиления, Рультабий обратился к Дарзаку:

— Вы не станете защищаться?

— Нет! — ответил арестованный.

— В таком случае я буду вас защищать, сударь.

— Вы не сможете этого сделать, — сказал несчастный с горестной улыбкой. — Вам не под силу то, чего не смогли сделать ни мадемуазель Станжерсон, ни я.

— Я это сделаю. — Голос Рультабия звучал на удивление спокойно и твердо. — Я это сделаю, господин Робер Дарзак, — продолжал он, — потому что *знаю больше, чем вы!*

— Довольно! — прошептал Дарзак почти сердито.

— Не беспокойтесь, я буду знать ровно столько, сколько потребуется, чтобы спасти вас!

— *Не надо знать ничего*, молодой человек... если вам дорога наша признательность.

Тряхнув головой, Рультабий подошел вплотную к Дарзаку.

— Послушайте, что я вам скажу, — молвил он тихим голосом, — и пусть это утешит вас! Вам известно только имя убийцы. Мадемуазель Станжерсон знает *лишь одну его половинку, а я... я знаю обе половинки убийцы, я знаю его целиком!*..

Робер Дарзак широко раскрыл глаза — это должно было свидетельствовать о том, что он ни слова не понял из того, что сказал ему сейчас Рультабий. Экипаж тем временем прибыл, в нем находился Фредерик Ларсан. Туда было приказано подняться Дарзаку с жандармом. Ларсан так и остался сидеть в экипаже. Арестованного повезли в Корбе.

В тот же вечер мы с Рультабием покинули Гландье и были счастливы этим: место это уже ничем не могло нас привлечь. Я заявил, что отказываюсь разгадывать тайну, тем более что, как выяснилось, тайна тут не одна, а Рультабий, дружески хлопнув меня по плечу, сообщил, что ему нечего больше искать в Гландье, так как Гландье поведал ему о себе все.

В Париж мы приехали около восьми часов. Наскоро поужинав, мы, чувствуя себя крайне усталыми, решили расстаться, назначив друг другу свидание на следующее утро у меня.

В назначенный час Рультабий явился ко мне. На нем был костюм английского сукна в клетку и котелок, в руках он держал зимнее пальто и дорожную сумку. Рультабий сообщил, что отправляется в путешествие.

— Сколько времени вы собираетесь отсутствовать? — спросил я его.

— Месяц или два, — сказал он, — смотря по обстоятельствам.

Я не решился ни о чем его расспрашивать.

— А знаете, — продолжал он, — какое слово прошептала мадемуазель Станжерсон, глядя на господина Робера Дарзака, до того как потеряла сознание?..

— Нет, никто его не расслышал...

— Ошибаетесь! — возразил Рультабий. — Я слышал! Она сказала ему: «Говори!»

— И господин Дарзак заговорит?

— Никогда!

Мне бы хотелось продолжить беседу, но Рультабий уже крепко жал мне руку на прощанье и желал доброго здравья, так что я едва успел спросить его:

— А вы не боитесь, что за время вашего отсутствия будет совершено новое покушение?..

— Нет, — сказал он. — С тех пор как господин Дарзак в тюрьме, ничего такого я уже не боюсь.

После этого странного заявления он простился со мной и ушел. Встретиться с ним вновь мне довелось лишь в зале суда, во время процесса Дарзака, когда Рультабий предстал перед судом, дабы объяснить необъяснимое.

В КОТОРОЙ ВСЕ С НЕТЕРПЕНИЕМ ОЖИДАЮТ
ЖОЗЕФА РУЛЬТАБИЯ

15 января следующего года, то есть через два с половиной месяца после трагических событий, о которых я рассказал, «Эпока» опубликовала на первой полосе сенсационную статью:

«Суд присяжных департамента Сены-и-Уазы соберется сегодня для разбирательства одного из самых таинственных в судебной практике дел. Никогда еще ни на одном процессе не возникало столько неясных вопросов, непонятных и так и не выясненных обстоятельств. Однако это не помешало обвинению посадить на скамью подсудимых достойного человека, уважаемого и любимого всеми, кто его знает, молодого ученого безупречной честности, надежду французской науки, смыслом жизни которого всегда была работа. Когда Париж узнал об аресте г-на Робера Дарзака, все единодушно выразили свой протест. Вся Сорбонна сочла себя оскорбленной этой неслыханной акцией судебного следователя и выразила убежденность в невинности жениха мадемуазель Станжерсон. Сам г-н Станжерсон громкогласно заявил о том, что правосудие совершило ошибку, и ни у кого нет сомнения в том, что если бы несчастная жертва имела возможность сказать свое слово, она явилась бы в суд и потребовала у двенадцати присяжных департамента Сены-и-Уазы вернуть ей человека, которого она выбрала в мужа и которого обвинение собирается отправить на эшафот. Будем надеяться, что к мадемуазель Станжерсон в ближайшем будущем вернется разум, который на время помрачила ужасная тайна замка Гландье. Неужели вы хотите, чтобы она окончательно потеряла рассудок, узнав, что человек, которого она любит, погиб от руки палача? Этот вопрос мы обращаем к суду присяжных, которому придется иметь дело с нами, и не далее как сегодня.

Мы в самом деле исполнены решимости оказать помощь двенадцати честным людям в лице присяжных и предотвратить чудовищную судебную ошибку. Разумеется, ужасные совпадения, следы, которые наводят на мысль о виновности г-на Робера Дарзака, непонятное молчание

со стороны обвиняемого, его загадочные исчезновения и отсутствие какого бы то ни было алиби — все это могло повлиять на следствие, которое, попытавшись установить истину, потерпело поражение и решило, видимо, поискать ее таким странным способом. Обвинения, предъявляемые г-ну Роберу Дарзаку, на первый взгляд кажутся столь тяжкими и неопровержимыми, что это, пожалуй, некоторым образом извиняет такого опытного, умного и обычно удачливого полицейского, как Фредерик Ларсан, ибо ясно, что на этот раз он позволил ввести себя в заблуждение. До сих пор в глазах следствия все было против г-на Робера Дарзака, все оборачивалось против него; сегодня мы собираемся защитить его перед судом присяжных, мы прольем свет на это дело, и тайна замка Гландье перестанет существовать, растворится в ослепительных лучах этого света. Ибо мы знаем истину.

И если мы не говорили об этом ранее, то потому лишь, что интересы дела, которые мы хотим взять под защиту, настоятельно требовали этого. Читатели наши, вероятно, помнят опубликованные нами безымянные сенсационные расследования касательно «левой ноги с улицы Оберкампф», знаменитого ограбления банка «Креди универсель» и дела о золотых слитках Монетного двора. Они приоткрывали нам истину еще до того, как несравненный талант и удивительная находчивость Фредерика Ларсана демонстрировали ее во всем блеске. Расследования эти вел наш самый молодой репортер, восемнадцатилетний юноша Жозеф Рультабий, который завтра станет знаменитым. Как только началось расследование дела в Гландье, наш юный репортер отправился на место событий и, преодолев все препятствия, сумел остаться в замке, куда представителей прессы не допускали. Он искал истину бок о бок с Фредериком Ларсаном и с ужасом видел, какая ошибка подстерегала прославленного полицейского: на этот раз гений, видно, изменил ему; но напрасно пытался Рультабий заставить свернуть его с ложного пути. Великий Фред не желал слушать наставлений скромного журналиста. Мы знаем, как это отозвалось на судьбе г-на Робера Дарзака.

Так пусть же Франция знает, пусть знает весь мир, что в тот самый вечер, когда арестовали г-на Робера Дарзака, юный Жозеф Рультабий явился в кабинет нашего директора и сказал ему: «Я отправляюсь в путешествие. Сколько времени мне потребуется, я не могу сейчас сказать. Может

быть, месяц, а может быть, два или три... Быть может, я никогда не вернусь... Вот письмо... Если я не вернусь в тот день, когда господин Дарзак предстанет перед судом присяжных, откройте это письмо во время заседания, после того как кончится допрос свидетелей. Договоритесь об этом с адвокатом господина Робера Дарзака. Господин Робер Дарзак невиновен. *Это письмо содержит имя убийцы* и — я пока не могу привести доказательства, ибо я как раз еду искать эти доказательства, — *неоспоримое объяснение его виновности*. И наш репортер уехал. Мы долгое время ничего о нем не знали, но вот наконец неделю назад какой-то незнакомец пришел к нашему директору и сказал ему: «Действуйте согласно инструкциям Жозефа Рультабия, если это станет необходимым. Письмо содержит истинную правду». Человек этот не пожелал назвать своего имени.

Сегодня, 15 января, настал великий день суда. Жозеф Рультабий не вернулся, возможно, мы никогда его больше не увидим. Среди журналистов тоже есть свои герои, ставшие жертвами долга — профессионального долга, первого в ряду всех прочих. Быть может, он погиб, исполняя свой долг! Мы сумеем за него отомстить. Наш директор придет сегодня на заседание суда в Версале и принесет письмо, *то самое письмо, которое содержит имя убийцы!*»

В начале статьи был помещен портрет Рультабия.

* * *

Парижане, которые отправились в тот день в Версаль на судебный процесс, именовавшийся «Тайна Желтой комнаты», наверняка помнят, какое множество людей скопилось на вокзале Сен-Лазар. В поездах не хватало мест, и пришлось отправлять дополнительные составы. Статья в «Эпок» взволновала всех, возбудив всеобщее любопытство, вызвав ожесточенные споры. Дело дошло до рукопашной между сторонниками Жозефа Рультабия и ярыми приверженцами Фредерика Ларсана, ибо, как это ни странно, лихорадочное возбуждение людей объяснялось не столько тем, что могут осудить невинного человека, сколько убежденностью в правильности их собственного понимания тайны Желтой комнаты. Каждый по-своему объяснял эту

тайну, считая свое суждение единственно верным. Те, кто придерживался взглядов Фредерика Ларсана, никак не могли позволить подвергнуть сомнению проницательность этого крайне популярного полицейского, а все остальные, у кого было иное объяснение преступлению, утверждали, естественно, что прав Жозеф Рультабий, хотя никто еще не знал его версии. С номером «Эпок» в руках ларсанцы и рультабийцы отчаянно спорили и препирались не только на лестнице версальского Дворца правосудия, но и в самом зале суда. Пришлось организовать специальную службу по поддержанию порядка. Огромная толпа людей, которым не удалось проникнуть в зал, до самого вечера осаждала здание суда; с трудом сдерживаемая военными подразделениями и полицией, она с жадностью ловила любую новость, подхватывая самые фантастические слухи. В какой-то момент разнесся, например, слух, что в разгар судебного заседания арестовали самого г-на Станжерсона, который признался будто бы в покушении на жизнь собственной дочери... Это было чистое безумие. Всеобщее возбуждение достигло высшей точки. И все с нетерпением ждали Рультабия. Одни уверяли, что знают его, другие утверждали, будто видели его в толпе, и, когда какой-нибудь молодой человек с пропуском в руках пересекал пустое пространство, отделявшее толпу от Дворца правосудия, начиналась страшная суматоха, люди готовы были раздвинуть друг друга. Со всех сторон слышались крики: «Рультабий! Вот он, Рультабий!» Такими возгласами встречали чуть ли не каждого свидетеля, отдаленно похожего на того, чей портрет был напечатан в «Эпок». Появление директора «Эпок» послужило сигналом к новым волнениям. Одни аплодировали, другие свистели. В толпе было много женщин.

Заседание суда проходило под председательством г-на де Року, судьи, буквально пропитанного всеми предрасудками, свойственными судейским чинам, но безупречно честного человека. Вызвали свидетелей. Я был, разумеется, среди них, подобно всем, кто так или иначе был причастен к тайнам замка Гландье: г-ну Станжерсону, неузнаваемому, постаревшему лет на десять, Ларсану, г-ну Артуру У. Рансу с таким же, как и раньше, багровым лицом, папаше Жаку, папаше Матье, которого привели в наручниках два жандарма, госпоже Матье с залитым слезами лицом, супругам Бернье, обеим сиделкам, метрдотелю, всей

прислуге замка, служащему почтового отделения № 40, железнодорожному служащему из Эпине, нескольким друзьям Станжерсона и его дочери, а также свидетелям, выступавшим в защиту г-на Робера Дарзака. Мне посчастливилось быть в числе первых свидетелей, это позволило мне присутствовать практически на всем процессе.

Вряд ли надо говорить о том, что в зале заседания яблоку негде было упасть. Адвокаты сидели даже на ступеньках, ведущих к помосту, где восседал суд, а позади судей в красных мантиях собрались представители прокуратур со всей округи. На скамью подсудимых в сопровождении жандармов проследовал г-н Робер Дарзак, высокий и красивый. Он держался удивительно спокойно. Его встретили не сочувственным, а, скорее, восторженным шепотом. Он тотчас же наклонился к своему адвокату, метру Анри-Роберу, который уже разложил папку с делом; помощником у него был метр Андре Эс, тогда еще молодой дебютант.

Многие ожидали, что г-н Станжерсон пожмет руку обвиняемому, но тут уже вызвали свидетелей, которые тотчас покинули зал, так что надежды на сенсацию не оправдались. И конечно, все заметили, с каким пристальным интересом отнеслись присяжные, занимавшие свои места, к короткой беседе метра Анри-Робера с директором «Эпок», который затем сел среди публики в первом ряду. Кое-кто выразил удивление, что он не последовал вместе с другими свидетелями в отведенный для них зал.

Чтение обвинительного акта прошло, как это чаще всего бывает, без всяких происшествий. Я не стану приводить здесь долгого допроса, которому подвергли г-на Дарзака. Он отвечал самым естественным и в то же время таинственным образом. Все, что он мог сказать, казалось вполне естественным, все, о чем он молчал, выглядело ужасным даже в глазах тех, кто чувствовал его невиновность. Его молчание по тем пунктам обвинения, которые мы уже знаем, оборачивалось против него и грозило ему неминуемой гибелью. Он не поддался на уговоры председателя судебного заседания и прокурора. Те настаивали, твердили, что молчание при подобных обстоятельствах равносильно смерти.

— Хорошо, — заявил он в ответ, — в таком случае мне придется пойти на это, но я невиновен!

Воспользовавшись этим моментом, метр Анри-Робер с

поразительной ловкостью, которой был славен, попытался возвеличить характер своего подзащитного, сославшись на самый факт его молчания и намекая на некий моральный долг, который одни только героические души могут взять на себя и неукоснительно следовать ему. Знаменитому адвокату удалось полностью убедить лишь тех, кто знал г-на Дарзака, остальные все еще колебались. Был объявлен перерыв, затем начались свидетельские показания, а Рутабий все не появлялся. Каждый раз, как открывалась дверь, все взоры устремлялись к этой двери, затем обращались к директору «Эпок», с невозмутимым видом сидевшему на своем месте. Наконец все увидели, как он сунул руку в карман и вытащил из него какое-то письмо. Этому жесту сопутствовал громкий шепот, прокатившийся по залу.

В мои намерения вовсе не входит описывать здесь все перипетии процесса. Я достаточно долго рассказывал о каждом этапе этого дела и не собираюсь навязывать читателям новый перечень событий, окруженных непроницаемой тайной. Мне не терпится поскорее добраться до поистине драматического момента этого незабываемого дня. Случилось это в ту минуту, когда метр Анри-Робер задавал вопросы папаше Матье, который, стоя между двумя жандармами у барьера, отделяющего судей от публики, пытался оправдаться, доказывая, что не убивал «зеленого человека». Тут вызвали его жену и устроили ей очную ставку с ним. Разразившись рыданиями, она призналась, что была «подругой» лесника, что муж ее догадывался об этом; однако она твердо стояла на том, что он не был причастен к убийству «ее друга». Тогда метр Анри-Робер обратился с просьбой к суду сообразоваться сразу же заслушать в этой связи Фредерика Ларсана.

— В краткой беседе, — заявил адвокат, — которую я только что во время перерыва имел с Фредериком Ларсаном, он дал мне понять, что смерть лесника можно объяснить иначе, без вмешательства папаши Матье. Любопытно было бы познакомиться с гипотезой Фредерика Ларсана.

Пригласили Фредерика Ларсана. Он высказался совершенно определенно:

— Я не вижу необходимости примешивать сюда папашу Матье. Я уже говорил об этом господину де Марке, однако смертоносные угрозы этого человека, видимо, по-

вредили ему в глазах господина судебного следователя. На мой взгляд, покушение на мадемуазель Станжерсон и убийство лесника — это одно и то же дело. В убийцу мадемуазель Станжерсон, бежавшего через центральный двор, стреляли; стрелявшие вполне могли подумать, будто бы задели его, они могли подумать, что убили его, на самом же деле он всего лишь споткнулся в тот момент, когда уже готов был исчезнуть, свернув за угол правого крыла замка. Там он наткнулся на лесника, который, безусловно, хотел воспрепятствовать его бегству. В руках убийца все еще держал нож, которым только что ранил мадемуазель Станжерсон, он ударил им лесника и попал в сердце. Смерть наступила мгновенно.

Это простое объяснение показалось тем более приемлемым, что многие из тех, кто интересовался тайной замка Гландье, уже пришли к такому выводу самостоятельно. Послышался шепот одобрения.

— А что же случилось в таком случае с убийцей? — спросил председательствующий.

— Он, господин председатель, несомненно, спрятался в этом темном углу, а после того, как люди из замка унесли тело лесника и никого во дворе не осталось, он смог преспокойно уйти.

В этот момент из глубины стоячей публики послышался юношеский голос. Ко всеобщему изумлению, он сказал следующее:

— Что касается удара ножом в сердце, я согласен с Фредериком Ларсаном. Но не могу согласиться с ним относительно способа, какой избрал убийца, чтобы скрыться!

Все обернулись, пытаясь разглядеть говорившего, судебные исполнители засуетились, призывая публику соблюдать тишину. Председательствующий сердито осведомился, кто это позволил себе возвысить голос, и потребовал немедленно вывести нарушителя порядка из зала, но тут снова послышался все тот же звонкий голос:

— Это я, господин председатель, это я, Жозеф Рультабий!

Глава XXVII,

В КОТОРОЙ ЖОЗЕФ РУЛЬТАБИЙ ЯВЛЯЕТСЯ ВО ВСЕМ БЛЕСКЕ СВОЕЙ СЛАВЫ

Началось нечто неопишное, зал оглашался криками женщин, некоторые из которых падали в обморок. Никто уже не помышлял о почитании его величества правосудия. Поднялась суматоха, все смешалось в беспорядке. Всем хотелось видеть Жозефа Рультабия. Председатель кричал, угрожая удалить публику из зала, но никто его не слушал. Тем временем Рультабий, перемахнув через балюстраду, отделявшую его от сидящей публики, энергично прокладывая себе дорогу локтями и, добравшись, наконец, до своего директора, который радостно обнял его, взял у него из рук письмо, сунул его в карман, затем проник в отгороженную часть зала суда и очутился на том месте, где давали показания свидетели; его толкали по дороге, он сам кого-то толкал — счастливый, улыбающийся, с пунцовым лицом, на котором сияли его небольшие, круглые, светившиеся умом глаза. На нем был тот самый костюм английского сукна, в котором я видел его в день отъезда (но бог ты мой, в каком состоянии!), пальто и котелок в руках.

— Прошу прощения, господин председатель, — сказал он, — пароход, на котором я прибыл из Америки, несколько задержался! Я Жозеф Рультабий!..

Зал разразился счастливым смехом. Все были рады появлению этого мальчика. Каждый ощущал, как огромная тяжесть свалилась с его совести. Даже дышать стало легче. Все сразу поверили, что он и в самом деле знает истину... что он поделится этой истиной с ними...

Однако председательствующий был в ярости.

— Ах вот как! Вы и есть Жозеф Рультабий, — молвил председатель. — Что ж, молодой человек, придется проучить вас — по крайней мере, впредь будете знать, что с правосудием шутки плохи... Пока суд примет решение относительно вас, я, пользуясь данной мне властью, оставляю вас в распоряжении правосудия...

— Но, господин председатель, я только об этом и мечтаю — быть в распоряжении правосудия... Я для того и явился сюда, чтобы отдать себя в распоряжение правосудия... Если мое появление наделало немного шума, прошу суд великодушно простить меня... Поверьте, господин

председатель, вряд ли найдется другой человек, который питал бы столь же высокое уважение к правосудию, как я... Но что поделаешь, я вошел сюда, как мог...

И он засмеялся. А вслед за ним засмеялся весь зал.

— Уведите его! — приказал председательствующий.

Но тут вступился метр Анри-Робер. Он начал с того, что стал искать оправдания молодому человеку, доказывая, что им двигали самые лучшие побуждения, и дал понять председательствующему, как трудно обойтись без показаний свидетеля, который ночевал в Гландье в течение всей таинственной недели, а главное, того самого свидетеля, который обещал подтвердить невинность обвиняемого и сообщить имя убийцы.

— Вы собираетесь назвать нам имя убийцы? — с сомнением в голосе спросил председательствующий.

— Но, господин председатель, я только за этим и пришел! — воскликнул Рультабий.

В зале раздались было аплодисменты, но энергичное шиканье судебных исполнителей восстановило тишину.

— Жозеф Рультабий, — сказал метр Анри-Робер, — не значится в списках свидетелей, однако я надеюсь, что в силу данной ему власти господин председатель соблаговолит допросить его.

— Хорошо, — ответил председательствующий, — мы его допросим. Но сначала закончим...

Тут с места поднялся заместитель прокурора.

— Может быть, все-таки лучше будет, — заметил представитель прокуратуры, — если этот молодой человек сразу назовет нам имя того, кого он считает виновным в преступлении.

Председательствующий не без иронии согласился с этим предложением:

— Если господин заместитель прокурора придает хоть какое-то значение показаниям Жозефа Рультабия, я не возражаю, пусть свидетель сейчас же назовет нам имя «своего» убийцы!

Тут слово взял Рультабий.

— Уверю вас, господин председатель, — воскликнул он своим высоким, звонким голосом, — уверю вас, что, когда я назову вам имя убийцы, вы поймете, почему я не смог этого сделать раньше половины седьмого! Даю вам честное слово! Слово Рультабия!.. А пока я могу дать вам некоторые объяснения относительно убийства лесника...

Господин Фредерик Ларсан, наблюдавший за моей работой в Гландье, может подтвердить вам, с каким тщанием изучал я это дело от самого начала и до конца. И пускай я придерживаюсь иного мнения, чем он, и убежден, что, арестовав господина Робера Дарзака, он арестовал невинного человека, господин Фредерик Ларсан, я уверен, не подвергает сомнению мои благие намерения и понимает всю важность наблюдений, не раз подкреплявших его собственные!

— Господин председатель, — сказал Фредерик Ларсан, — мне кажется, интересно было бы послушать господина Рультабия, тем более интересно, что мнения у нас с ним расходятся.

Это заявление полицейского было встречено одобрительным шепотом. Он принимал вызов. Поединок между этими двумя интеллектами, которые упорно искали решения трагической загадки и пришли к двум различным выводам, обещал быть любопытным.

И так как председатель безмолвствовал, Фредерик Ларсан продолжал:

— Итак, насколько я понимаю, мы согласны относительно удара ножом в сердце, который был нанесен леснику человеком, покушавшимся на жизнь мадемуазель Станжерсон; но раз уж мы расходимся во мнениях по вопросу об исчезновении убийцы в этот момент, любопытно было бы послушать, как Рультабий объясняет это бегство.

— Конечно, это было бы крайне любопытно, — заметил мой друг.

Весь зал снова разразился хохотом. Председательствующий тотчас же объявил, что, если подобный факт повторится еще раз, он незамедлительно приведет в исполнение свою угрозу и прикажет очистить зал.

— В самом деле, — сказал в заключение председательствующий, — понять не могу, что в таком деле, как это, может располагать к веселью.

— Я тоже! — вторил ему Рультабий.

Сидевшие передо мною люди стали записывать себе в рот платки, чтобы не расхохотаться...

— Итак, — продолжал председательствующий, — вы слышали, молодой человек, что сказал господин Фредерик Ларсан. Как, по-вашему, удалось убийце бежать из этого злополучного угла?

...Рультабий метнул взгляд в сторону госпожи Матье, которая печально улыбнулась ему в ответ.

— Раз госпожа Матье согласилась признать, что питала определенный интерес к леснику...

— Обманщица! — воскликнул папаша Матье.

— Уведите папашу Матье! — приказал председательствующий.

Папашу Матье увели.

— Раз она сделала такое признание, — продолжал Рультабий, — я могу сказать вам, что по ночам она имела довольно частые беседы с лесником на втором этаже донжона, в комнате, некогда служившей молельней. Беседы эти стали особенно частыми в последнее время, а именно с тех пор, как папашу Матье приковал к постели ревматизм.

Укол морфия, предписанный по этому случаю, умирал боль папашу Матье, давая ему возможность отдохнуть, а его супруге обеспечивал спокойствие на те несколько часов, когда она отсутствовала. Ночью госпожа Матье приходила в замок, закутанная в большую темную шаль, позволявшую ей скрывать свою личность и делавшую ее похожей на черный призрак, который тревожил временами ночной покой папашу Жака. А чтобы подавать знак своему другу, госпожа Матье позаимствовала у кота матушки Молитвы, старой колдуньи, обитавшей в лесу святой Женевиевы, его зловещее мяуканье; лесник тотчас же спускался вниз и открывал своей возлюбленной калитку. Когда же начались работы по ремонту донжона, свидания все-таки продолжались в бывшей комнате лесника, расположенной в том же донжоне, так как новая комната, которую на время предоставили этому незадачливому сердцееду в самом конце правого крыла замка, была отделена от жилища метра-дотеля и кухни совсем тонкой перегородкой.

Итак, госпожа Матье только что покинула лесника, оставив его в добром здравии, когда случилось несчастье в том самом углу двора. Госпожа Матье и лесник, не имея более ничего сказать друг другу, вышли из донжона вместе... Обо всех этих подробностях, господин председатель, я узнал, изучив ранним утром следующего дня следы во дворе... Сторож Бернье, которого я поставил с ружьем за донжоном для наблюдения, о чем с моего разрешения он расскажет вам сам, не мог видеть того, что происходило на центральном дворе. Он появился там чуть позже, при-

влеченный револьверными выстрелами, и сам, в свою очередь, стал стрелять. Но вернемся к леснику и госпоже Матье, которых мы оставили в молчании ночи на центральном дворе. Они прощаются друг с другом, затем госпожа Матье идет к открытой калитке, а лесник отправляется в свою маленькую комнатку, образующую выступ в конце правого крыла замка.

Он был уже почти у двери, как вдруг услышал выстрелы; обеспокоенный, он возвращается назад; он уже почти дошел до угла правого крыла замка, когда чья-то тень метнулась к нему и нанесла удар. Он умирает. Труп его тут же подбирают люди, которые думают, что это и есть убийца, а на самом деле уносят всего лишь убитого. Что же тем временем делает госпожа Матье? Застигнутая врасплох выстрелами и заполонившими двор людьми, она съеживается во тьме, стараясь остаться незамеченной в глубине двора. Двор велик и, находясь возле калитки, госпожа Матье могла бы выскользнуть незаметно. Но она не ушла. Она осталась и видела, как уносили убитого. С сердцем, сжавшимся от вполне понятной тревоги, подталкиваемая тягостным предчувствием, она идет к вестибюлю замка, бросает взгляд на лестницу, освещенную фонарем папашу Жака, на ту самую лестницу, где лежит ее мертвый друг; она видит его и бежит прочь. Возможно, она привлекла к себе внимание папашу Жака. Во всяком случае, он настигает черный призрак, который уже не раз обрекал его на бессонные ночи.

Даже этой ночью, до того как свершилось преступление, он был разбужен криками Божьей твари и, выглянув в окно, заметил черный призрак... Он поспешно оделся — этим-то и объясняется его появление в вестибюле в одетом виде, когда мы принесли туда труп лесника. Итак, стало быть, этой ночью он, несомненно, решил раз и навсегда покончить с наваждением и заглянуть в лицо призрака. А заглянув, узнал госпожу Матье. Папаша Жак ее давнишний друг. Должно быть, она призналась ему в своих ночных беседах и умоляла помочь ей в этот трудный час. Легко представить себе, в каком плачевном состоянии находилась госпожа Матье, только что видевшая своего возлюбленного мертвым. Папаша Жак пожалел ее и проводил через дубраву, вывел из парка и даже провел по берегу пруда до самой дороги на Эпине. Там ей оставалось всего каких-нибудь несколько метров, и она была уже

дома. А папаша Жак вернулся тем временем в замок и, прекрасно понимая, какое важное значение придаст суд факту никому не ведомого присутствия в замке возлюбленной лесника, попытался по возможности скрыть от нас столь драматический эпизод этой и без того бурной ночи. Мне нет нужды просить у госпожи Матье и папаши Жака подтверждения своему рассказу. *Я знаю*, что все происходило именно так! И потому обращаюсь к господину Ларсану, надеясь на его память, он-то наверняка уже понял, каким образом я все это узнал, ибо видел меня на другой день утром изучающим двойной след, сохранивший отпечатки ног папаши Жака и мадам.— Тут Рультабий повернулся к госпоже Матье, стоявшей по другую сторону барьера, и галантно поклонился.— Отпечатки ног мадам,— пояснил Рультабий,— имеют удивительное сходство с «элегантными» следами убийцы...

Госпожа Матье вздрогнула и с любопытством, к которому примешивался испуг, уставилась на юного репортера. Что он такое говорит? Как он осмеливается говорить такое?

— У мадам очень элегантная ступня, длинная и, пожалуй, немного крупная для женщины. Она, вплоть до узкого мыска ботинка, вполне соответствует ступне убийцы...

По залу пробежало легкое движение. Рультабий жестом успокоил присутствующих. Воистину можно было подумать, будто он теперь ведет судебное заседание, командуя всеми.

— Следует сразу же оговориться,— заметил Рультабий,— что это ровно ничего не означает и что полицейского, которому вздумается построить свое обвинение только на внешних уликах такого рода, *не объединив их общей идеей*, почти наверняка подстерегает судебная ошибка. У господина Робера Дарзака тоже следы убийцы, а между тем *он не убийца!*

Снова движение в зале.

Председательствующий обращается к госпоже Матье:

— Что касается вас, мадам, в тот вечер все произошло именно так?

— Да, господин председатель,— ответила она.— Можно подумать, что господин Рультабий шел за нами следом.

— Стало быть, вы видели, мадам, как убийца бежал к углу правого крыла?

— Да, точно так же, как минуту спустя видела тех, кто нес убитого лесника.

— А убийца? Что с ним случилось? Во дворе уже никого не было, и вы вполне могли заметить его... Он не знал о вашем присутствии, а момент был подходящий, чтобы бежать...

— Я ничего не видела, господин председатель,— простонала госпожа Матье.— В этот момент вокруг стало совсем черно.

— В таком случае,— заметил председательствующий,— верно, господин Рультабий объяснит нам, каким образом убийце удалось скрыться.

— Разумеется! — тотчас же отпарировал молодой человек, да с такой уверенностью, что сам председательствующий невольно улыбнулся. И Рультабий взял слово: — Убийца никоим образом не мог бежать из этого угла двора, куда забрался, иначе мы непременно увидели бы его! А если бы не увидели, то обязательно коснулись бы его! Это до смешного крохотный уголок, маленький квадрат, окруженный оградой и рвами. Убийца сам наткнулся бы на нас, или же мы наткнулись бы на него! Квадрат этот был практически так же наглухо заперт рвами, оградой и нашим окружением, как в свое время Желтая комната.

— Тогда скажите нам... Раз человек оказался заперт в этом квадрате, скажите же нам, наконец, как случилось, что вы его упустили?.. Вот уже полчаса я пытаюсь добиться от вас ответа на этот простой вопрос!..

Рультабий снова вытащил луковицу своих часов, украсивших нагрудный карман его жилета, и, невозмутимо взглянув на циферблат, заявил:

— Господин председатель, вы можете спрашивать меня об этом еще три с половиной часа, все равно я смогу ответить на ваш вопрос не раньше чем в половине седьмого!

На этот раз шепот, пробежавший по залу, не выразил ни досады, ни разочарования. В Рультабия начинали верить. Ему оказывали доверие. Теперь уже всех забавляла та настойчивость, с какой он назначал председателю определенный час, будто договаривался о встрече с приятелем.

Что же касается самого председателя, то, поразмыслив видно, он решил не сердиться на этого мальчику, а, смирившись с неизбежным, веселиться вместе со всеми. Рультабий внушал симпатию, и председательствующий проник-

ся этим чувством. К тому же молодой человек с такой точностью определил роль госпожи Матье в этом деле и так хорошо растолковал каждое ее движение *в ту ночь*, что г-н де Року вынужден был в какой-то мере отнестись к нему всерьез.

— Ну что ж, господин Рультабий,— сказал он,— как пожелаете! Но чтобы до половины седьмого я вас здесь больше не видел!

Рультабий поклонился председателю суда и, покачивая своей большой, круглой головой, направился к двери, ведущей в зал свидетелей.

* * *

Взглядом он искал меня, но так и не нашел. Тогда я потихоньку выбрался из тисков сжимавшей меня толпы и вышел из зала суда почти одновременно с Рультабием.

Мой изумительный друг встретил меня с распростертыми объятиями. Он был счастлив и на удивление говорлив, восторженно тряс меня за руки.

— Мой дорогой друг,— сказал я ему,— не стану вас спрашивать, зачем вы ездили в Америку. Иначе вы мне, пожалуй, ответите так же, как председателю, что сможете рассказать об этом только в половине седьмого...

— Нет, мой дорогой Сенклер. Нет, мой дорогой! Вам я сразу же отвечу, зачем я ездил в Америку, потому что вы мой друг. Я ездил, чтобы узнать *имя второй половинки убийцы!*

— Вот как! Вот как! Имя второй половинки...

— Именно так. Когда мы в последний раз покидали Гландье, я уже знал обе половинки убийцы, а кроме того, имя одной из этих половинок. И в Америку я ездил, чтобы отыскать имя другой известной мне половинки...

В этот момент мы как раз вошли в зал свидетелей. Все присутствующие бросились к Рультабию, всячески выражая ему свое расположение. Репортер был очень любезен со всеми, за исключением Артура Ранса, по отношению к которому проявил крайнюю сдержанность. Когда в зале появился Фредерик Ларсан, Рультабий подошел к нему и наградил одним из тех крепких рукопожатий, болезненный секрет которых был ведом ему одному и после которых ощущение было такое, будто у вас перебиты пальцы. Рультабий, должно быть, не

сомневался в том, что здорово обошел его, раз выразил свою симпатию таким образом. Ларсан улыбался, уверенный в себе, и в свою очередь стал спрашивать его, зачем он ездил в Америку. Тут Рультабий, взяв его под руку, рассказал ему с десятков анекдотов о своем путешествии. Затем они незаметно удалились, ведя разговор о вещах более серьезных, и я из деликатности отстал от них. К тому же мне хотелось поскорее вернуться в зал суда, где продолжался допрос свидетелей. Я пробрался на свое место и сразу же почувствовал, что публика не придавала особого значения тому, что происходило сейчас, с нетерпением дожидаясь половины седьмого.

* * *

Наконец пробило половину седьмого, и снова появился Рультабий. Невозможно описать волнение, охватившее толпу, когда он подошел к барьеру для свидетелей. Все глаза были устремлены на него, люди старались не дышать. Господин Робер Дарзак поднялся со своей скамьи. Он был бледен как смерть.

Председательствующий торжественно произнес:

— Я не стану требовать от вас клятвы, сударь! Официально вас не вызывали в суд. Однако надеюсь, что нет нужды объяснять вам всю важность слов, которые вы собираетесь произнести здесь.— И добавил угрожающим тоном: — Всю важность этих слов... по крайней мере *для вас*, если не для других!..

Рультабий, нисколько не смущаясь, глядел на него.

— Да, сударь!

— Итак,— продолжал председатель,— мы остановились на том крохотном клочке двора, где скрылся убийца, и вы обещали рассказать нам в половине седьмого, каким образом убийце удалось бежать оттуда, а также назвать его имя. Сейчас уже шесть часов тридцать пять минут, господин Рультабий, а мы все еще ничего не знаем!

— Так вот, сударь! — начал мой друг в такой торжественной тишине, что я и не припомню, доводилось ли мне когда-либо видеть что-нибудь подобное.— Я уже говорил вам, что этот угол двора был практически заперт со всех сторон и что преступник не имел никакой возможности ускользнуть оттуда, ибо те, кто преследовал убийцу, непременно заметили бы его. Это истинная правда. *Когда мы*

собрались там, на этом квадрате в конце двора, убийца все еще находился среди нас!

— И вы его не видели!.. То же самое утверждает прокуратура...

— Нет, господин председатель, мы все его видели! — воскликнул Рультабий.

— И не задержали его!..

— Один только я знал, что он и есть убийца. А мне надо было оставить его на свободе! И потом, в тот момент у меня не было иных доказательств, кроме здравого смысла! Да, только здравый смысл убеждал меня в том, что убийца здесь, рядом, и что мы видим его. Понадобилось время, чтобы сегодня появилась возможность представить суду *неопровержимое доказательство, которое, я в этом не сомневаюсь, удовлетворит всех.*

— Так говорите же, говорите, сударь! Назовите нам имя убийцы, — не выдержал председательствующий.

— Вы отыщите его среди тех, кто находился в том самом углу двора, — сказал в ответ Рультабий, который, видимо, не собирался спешить...

Присутствующие начали проявлять нетерпение, в зале послышался шепот:

— Имя! Имя...

В ответ на это, тоном, за который его следовало бы отхлестать по щекам, Рультабий сказал:

— Я несколько тяну со своим показанием, господин председатель, так как у меня есть для этого веские причины!..

— Имя! Имя! — неистовствовала толпа.

— Тихо! — пронзительно крикнул судебный исполнитель.

— Сударь, вы должны немедленно назвать нам имя! — грозно сказал председательствующий. — Итак, среди собравшихся в конце двора мы видим лесника — он умер. Не он ли убийца?

— Нет, сударь.

— Папаша Жак?..

— Нет, сударь.

— Сторож Бернье?

— Нет, сударь...

— Господин Сенклер?

— Нет, сударь...

— Господин Артур Ранс в таком случае? Остается один

господин Артур Ранс и... вы! Вы не убийца, нет?

— Нет, сударь!

— Значит, вы обвиняете господина Артура Ранса?

— Нет, сударь!

— Я ничего больше не понимаю!.. Куда вы клоните?.. Там никого больше не было.

— Вы ошибаетесь, сударь!.. *Никого не было внизу, зато был кое-кто наверху, тот, кто высунулся из окна в этот самый угол двора...*

— Фредерик Ларсан! — воскликнул председательствующий.

— Фредерик Ларсан! — оглушил всех звонкий голос Рультабия. И, повернувшись к публике, среди которой уже раздавались возгласы протеста, Рультабий бросил ей в лицо эти слова с такой силой, на которую, по моим понятиям, он просто не был способен: — Да, Фредерик Ларсан! Он самый!

В зале поднялись крики, в них слышались изумление, растерянность, возмущение и недоверие, другие же выражали свое восхищение этим маленьким человечком, у которого достало смелости выдвинуть подобное обвинение. Председатель даже и не пытался навести порядок, а когда крики смолкли под напором энергичного шиканья тех, кому не терпелось узнать, что же было дальше, послышался голос Робера Дарзака, который, снова упав на свою скамью, отчетливо произнес:

— Этого не может быть! Он с ума сошел!

— Как! — воскликнул председатель. — Вы, сударь, осмеливаетесь обвинять Фредерика Ларсана! Видите, какое впечатление произвело выдвинутое вами обвинение... Даже господин Робер Дарзак и тот считает вас безумцем!.. А если это не так, вы должны представить доказательства...

— Доказательства, сударь? Вам нужны доказательства? Хорошо, сейчас вы получите одно из них, — раздался звонкий голос Рультабия. — Пускай пригласят Фредерика Ларсана!..

— Пригласите Фредерика Ларсана, — отдал распоряжение председатель.

Судебный исполнитель бросился к маленькой дверце, открыл ее и исчез... Дверь осталась открытой... Все взоры были прикованы к ней. Снова появился судебный исполнитель. Он вышел на середину зала и сказал:

— Господин председатель, Фредерика Ларсана нет. Он ушел около четырех часов, и больше его не видели.

— Вот вам мое доказательство! — торжественно воскликнул Рультабий.

— Объяснитесь... Что за доказательство? — спросил председатель.

— Мое неопровержимое доказательство, — молвил юный репортер, — разве вы не видите, что Ларсан сбежал? Клянусь вам, что он уже не вернется!.. Вы никогда больше не увидите Фредерика Ларсана...

В глубине зала поднялся шум.

— Если вы не смеетесь над правосудием, отчего вы не воспользовались моментом, когда Ларсан стоял рядом с вами у этого барьера, почему было не бросить ему это обвинение в лицо? Тогда, по крайней мере, он мог бы ответить вам!..

— Можно ли желать более веского доказательства, чем это, господин председатель?.. *Он мне не отвечает! И никогда не ответит!* Я обвиняю Ларсана в том, что он убийца, и он спасается бегством! Разве, по-вашему, это не доказательство?..

— Мы не желаем верить и не верим в то, что Ларсан, как вы изволили выразиться, «спасся бегством»... Зачем ему было бежать? Ведь он не знал, что вы собираетесь предъявить ему обвинение.

— В том-то и дело, сударь, что знал, я сам ему об этом сказал...

— Как вы могли это сделать!.. Вы считаете Ларсана убийцей и сами же даете ему возможность бежать!..

— Да, господин председатель, я это сделал! — с гордостью заявил Рультабий. — Я-то ведь не принадлежу к числу служителей правосудия и в полиции тоже не служу; я скромный журналист, и арестовывать людей вовсе не моя обязанность. Я служу делу истины так, как считаю нужным... Это мое личное дело... А вам надлежит охранять общество, вот и охраняйте его в меру своих возможностей, это как раз ваше дело. Но чтобы я принес палачу чью-то голову!.. Если вы рассудите по справедливости, господин председатель, а вы, я знаю, человек справедливый, то согласитесь, что я прав!.. Разве не говорил я вам, что вы потом поймете, почему я не мог назвать имени убийцы раньше половины седьмого? Я рассчитал, сколько времени понадобится, чтобы предупредить Фредерика Ларсана, с

тем чтобы он успел на поезд, который в 4 часа 17 минут отправляется отсюда в Париж, а уж там-то он сумеет скрыться... Час, чтобы добраться до Парижа, час с четвертью, чтобы уничтожить следы своего пребывания там... Вот и получалось, что это будет никак не раньше половины седьмого... Вам не найти Ларсана, — заявил Рультабий, пристально глядя в глаза г-ну Роберу Дарзаку. — Он слишком хитер... *Это человек, который всегда ускользал от вас...* и которого вы долго и безуспешно преследовали... Если он не так хитер, как я, — добавил Рультабий, смеясь от всей души, но в полном одиночестве, ибо теперь никому уже не хотелось смеяться, — то он все-таки хитрее всех полиции на свете. Этот человек, которому четыре года назад удалось проникнуть в недра нашей полиции и который прославился там под именем Фредерика Ларсана, не менее известен под другим именем — вы тоже хорошо его знаете. Фредерик Ларсан, господин председатель, *это не кто иной, как Боллмейер!*

— Боллмейер! — воскликнул председатель суда.

— Боллмейер! — вторил ему Робер Дарзак, поднимаясь со своего места. — Боллмейер!.. Значит, это правда!

— Так, так, господин Дарзак, теперь вы уже не думаете, что я сошел с ума!..

«Боллмейер! Боллмейер! Боллмейер!» — это имя, не смолкая, звучало в зале. Председатель суда решил прервать заседание.

* * *

Вы, конечно, догадываетесь, какая буря поднялась во время перерыва. И, согласитесь, публике было от чего прийти в волнение. Боллмейер! Да, что и говорить, мальчишка потрясающий, в этом все сошлись единодушно, он всех поразил. Подумать только — Боллмейер! А ведь несколько недель назад разнесся слух, будто он умер. Стало быть, он умудрился обмануть смерть, как всю жизнь умудрялся обманывать жандармов. Надо ли перечислять здесь «высокие подвиги» Боллмейера? В течение двадцати лет судебная хроника и рубрика происшествий в газетах неустанно напоминали о них, и если кто-то из моих читателей забыл вдруг о деле Желтой комнаты, то имя Боллмейера наверняка сохранилось в памяти каждого. Боллмейер олицетворял собою самый тип мошенника из вы-

сшего света; выглядел он настоящим джентльменом, но трудно было сыскать более ловкого на руку фокусника, чем он, точно так же, как трудно было себе вообразить более отчаянного и страшного головореза, или, как теперь говорят, апаша¹. Он был принят в самом лучшем обществе и состоял членом самых избранных, элитарных клубов, однако ему ничего не стоило похитить и честь, и деньги какой-нибудь знатной семьи, и все это с непревзойденным мастерством. Когда же, случалось, ему приходилось туго, он, не дрогнув, мог пустить в ход нож или баранью кость. Он никогда и ни в чем не сомневался, и любое дело было ему по плечу. Однажды, попав в руки правосудия, он сумел ускользнуть даже в день суда, бросив перец в глаза стражникам, которые вели его в зал судебных заседаний. Потом уже стало известно, что в день побега, когда самые хваткие полицейские сыщики были брошены ему вдогонку, он преспокойно отправился на премьеру в «Комеди Франсез», не потрудившись даже изменить свою внешность. Затем он покинул Францию и уехал работать в Америку, где в один прекрасный день полиции штата Огайо удалось-таки поймать знаменитого преступника, но на другой день он снова бежал... Боллмейер... Да понадобился бы целый том, чтобы рассказать о Боллмейере. И что же вы думаете? Он сумел стать Фредериком Ларсаном!.. А не кто иной, как юный Рультабий обнаружил это!.. Мало того, не кто иной, как этот малыш, проведавший о прошлом Боллмейера, позволил ему и на этот раз посмеяться над обществом, предоставив Боллмейеру возможность ускользнуть! По правде сказать, я был просто восхищен Рультабием, ибо знал, что главной его заботой было верой и правдой до конца служить интересам г-на Робера Дарзака и мадемуазель Станжерсон: он хотел избавить их от этого бандита, но при этом сделать так, чтобы тот не заговорил.

Мы еще не успели оправиться от столь неожиданного разоблачения, а я уже слышал, как самые нетерпеливые стали кричать:

— Хорошо, пускай Фредерик Ларсан будет убийцей, однако это нам не объясняет, каким образом ему удалось выйти из Желтой комнаты!..

Но тут как раз снова началось судебное заседание.

¹ А п а ш и — так называли в конце XIX — начале XX века парижских бандитов (от слова «апаши» — техасские индейцы).

* * *

Сразу же вызвали Рультабия и снова начали его допрашивать, ибо это был скорее допрос, нежели свидетельские показания.

— Вы говорили, сударь,— начал председатель суда,— что убежать из этой западни было практически невозможно. Я признаю, я готов согласиться с вами, что раз Фредерик Ларсан находился над вами, свесившись из окна, стало быть, он все еще был во дворе, в этом самом углу; но чтобы оказаться у окна, ему сначала надо было покинуть этот угол, то есть двор. И следовательно, он все-таки убежал! Каким же образом?

— Я сказал, что он не мог убежать естественным путем,— отвечал Рультабий.— А это значит, что он убежал путем противоестественным. Так как угол двора — я уже говорил об этом — был почти заперт, в отличие от Желтой комнаты, которая была наглухо заперта. Во дворе можно было вскарабкаться по стене — а в Желтой комнате это было исключено,— затем пробраться на террасу и уже оттуда, пока все мы толпились над телом лесника, проникнуть в галерею через окно, которое находится как раз над террасой. А там уже Ларсану оставалось сделать всего лишь шаг, чтобы оказаться в своей комнате, открыть окно и заговорить с нами. Для такого ловкого и сильного акробата, как Ларсан, это сущие пустяки, детская забава. И вот вам доказательство, подтверждающее мои слова, господин председатель.— Тут Рультабий вытащил из кармана пиджака маленький пакетик, развернул его и показал всем шип.— Взгляните, господин председатель, вот шип, который беспрепятственно входит в дыру, оставшуюся на правом выступе, поддерживающем террасу,— ее и сейчас можно заметить. Ларсан, который умел предвидеть все и заранее, верно, обдумал возможные пути бегства, чтобы вовремя успеть к себе в комнату,— вещь необходимая, когда берешься за такое дело,— загодя вбил этот шип в выступ. Одна нога на каменной тумбе (которая стоит на углу замка), другая — на шипе, одна рука на карнизе двери лесника, другая — на краю террасы, и вот уже Фредерик Ларсан исчезает в воздухе... тем более что он очень проворен и в тот вечер вовсе не был усыплен, в чем хотел нас уверить. Мы отужинали с ним, господин председатель, и во время десерта он притворился, будто валится с ног,

и заснул буквально у нас на глазах, сделав вид, будто его усыпили,— это для того, чтобы на другой день никто не удивился тому, что я, Жозеф Рультабий, стал чьей-то жертвой, выпив снотворного за ужином у Ларсана. Раз обоих нас постигла одна и та же участь, его никто уже ни в чем не мог заподозрить, подозрения падут на кого-то другого. Ибо я-то, господин председатель, я действительно был усыплен, да еще как! Причем самим Ларсаном!.. Если бы не это мое плачевное состояние, Ларсану ни за что не удалось бы проникнуть в тот вечер в спальню мадемуазель Станжерсон — и не было бы никакого несчастья!..

Послышался стон. Это г-н Дарзак не смог удержаться от горестной жалобы...

— Видите ли,— добавил Рультабий,— моя комната находилась рядом с его комнатой, и в ту ночь его это особенно стесняло, так как он знал или, по крайней мере, мог догадываться, что этой ночью я буду настороже. Конечно, он и мысли не допускал, что я могу заподозрить его! Ну а если бы я увидел его в тот момент, когда он вышел из своей комнаты, направляясь в спальню мадемуазель Станжерсон?.. В ту ночь, прежде чем отправиться к мадемуазель Станжерсон, он ждал, пока я засну и пока мой друг Сенклер не придет ко мне в комнату будить меня. А десять минут спустя раздался страшный крик мадемуазель Станжерсон.

— Что заставило вас заподозрить Фредерика Ларсана?

— Мой здравый смысл, господин председатель, когда я ухватился за нужный его конец. С тех пор я глаз не спускал с Ларсана, но это на редкость ловкий человек, и я никак не мог предвидеть этот его трюк со снотворным. Да, да, мой здравый смысл подсказал мне, что это он, как только я начал рассуждать здраво, да еще начал с нужного конца! И все-таки мне требовалось, как принято говорить, неопровержимое доказательство; надо было прийти к этому путем здравых рассуждений, начав с нужного конца, а потом убедиться в этом воочию.

— Что вы подразумеваете под здравым смыслом и под нужным концом?

— О, господин председатель, у здравого смысла есть два конца: один нужный, а другой ненужный. И только за один можно хвататься смело, зная, что он выдержит,— это и есть нужный. Его сразу узнаешь, потому что он не обманывает, этот нужный конец, и, что бы вы ни делали,

что бы ни говорили, он все выдерживает. На другой день после событий в загадочной галерее я был несчастнейшим из людей и чувствовал себя последним дураком, который не умеет рассуждать здраво, не знает, с какого конца начать, и вот я ползал по земле, уткнувшись носом в осязаемые и такие обманчивые следы, потом вдруг меня словно осенило, я распрямился и решил поискать нужный конец, чтобы попытаться рассуждать здраво, потому-то я и вернулся в галерею.

Там я окончательно убедился, что убийца, которого мы преследовали, на этот раз никак не мог — ни естественным, ни противоестественным путем — покинуть галерею. И тогда, следуя здравому смыслу, я начал с нужного конца и начертил круг, который охватывал всю проблему целиком, а вокруг него мысленно огненными буквами написал: «Раз убийца не может быть вне этого круга, он должен быть внутри!» И кого же я увидел внутри этого круга? Кроме убийцы, который неизбежно должен был находиться в нем, мой здравый смысл указал мне папашу Жака, господина Станжерсона, Фредерика Ларсана и меня самого! Стало быть, вместе с убийцей нас должно было быть пятеро. Но когда я стал искать внутри этого круга, или, говоря языком вещественным, в галерее, то обнаружил только четверых. К тому же было совершенно очевидно, что пятый человек не мог исчезнуть бесследно, не мог выйти за пределы этого круга. *Значит, внутри круга находился персонаж двуликий, то есть, иными словами, тот, кто соединял в одном лице и собственное «я» и убийцу!*.. Почему же раньше-то я до этого не додумался? Да просто потому, что это раздвоение личности происходило не на моих глазах. С кем же из нас четверых, замкнутых внутри этого круга, мог сдваиваться убийца, причем так, что я этого не замечал? Конечно, не с теми, кого в тот или иной момент я видел *отдельно от убийцы*. Так, например, *в одно и то же время* я видел в галерее господина Станжерсона и убийцу, папашу Жака и убийцу, себя и убийцу. Значит, убийцей не могли быть ни господин Станжерсон, ни папаша Жак, ни я сам! Впрочем, если бы я был убийцей, то уж наверняка знал бы об этом — не правда ли, господин председатель?.. А вот видел ли я в одно и то же время Фредерика Ларсана и убийцу? Нет!.. Нет!.. Прошло *две секунды*, в течение которых я потерял убийцу из виду, так как он добежал до стыка двух галерей — о чем, впрочем,

я писал в своих заметках — на две секунды раньше, чем господин Станжерсон, папаша Жак и я. Этого Ларсану было вполне достаточно, чтобы укрыться в сворачивающей галерее, одним движением сорвать накладную бороду, повернуться и тут же наткнуться на нас, сделав вид, будто он преследует убийцу... Боллмейер и не такое еще проделывал! Вы, конечно, сами понимаете, что для него не составляло никакого труда менять свою внешность и являться с рыжей бородой к мадемуазель Станжерсон, а к почтовому служащему — с темно-русой бородкой, делающей его похожим на господина Дарзака, которого он поклялся погубить. Да, здравый смысл заставил меня соединить воедино эти два персонажа, или, вернее, обе их половинки, которые мне ни разу не доводилось видеть вместе в одно и то же время: Фредерика Ларсана и преследуемого мной незнакомца... И тогда передо мной предстало таинственное, необычайное существо, которое я разыскивал: убийца.

Это открытие потрясло меня. Я попытался взять себя в руки и успокоиться, занявшись немного осязаемыми, видимыми следами, то есть теми самыми внешними уликами, которые до тех пор вводили меня в заблуждение и которые теперь надо было естественным образом включить в круг, начертанный моим здравым смыслом, начав при этом с нужного конца.

И прежде всего надо было еще и еще раз проверить основные внешние улики, помешавшие мне в ту ночь распознать во Фредерике Ларсане убийцу:

1. Я застал незнакомца в спальне мадемуазель Станжерсон и, бросившись в комнату Фредерика Ларсана, увидел его опухшим от сна.

2. Лестница.

3. Я поставил Фредерика Ларсана в конце сворачивающей галереи, сказав ему, что собираюсь проникнуть через окно в спальню мадемуазель Станжерсон, с тем чтобы попытаться захватить убийцу. И что же? Вернувшись в спальню мадемуазель Станжерсон, я обнаруживаю там моего незнакомца.

Первый пункт ничуть не смущал меня. Вполне возможно, что пока я спускался с лестницы после того, как увидел в спальне мадемуазель Станжерсон незнакомца, тот уже закончил то, зачем приходил туда. И, пока я возвращался в замок, он тем временем вернулся в комнату Фре-

дерика Ларсана, мигом разделся и, когда я постучал в его дверь, предстал мне в образе заспанного Фредерика Ларсана...

Второй пункт — лестница — смущал меня не более того. Было ясно, что если Ларсан — убийца, то, чтобы пробраться в замок, ему не требовалось никакой лестницы, так как Ларсан спал по соседству со мной; зато эта лестница должна была внушить мысль о том, что убийца являлся снаружи, — вещь, необходимая в системе, разработанной Ларсаном, раз в ту ночь господина Дарзака в замке не было. А кроме того, в случае необходимости эта лестница могла сослужить службу и самому Ларсану, дав ему возможность бежать.

Но вот третий пункт совсем сбивал меня с толку. Я поставил Ларсана в конце сворачивающей галереи и не мог найти объяснения тому факту, что он, воспользовавшись моментом, когда я ходил в левое крыло замка за господином Станжерсоном и папашей Жаком, *вернулся в спальню мадемуазель Станжерсон*. Это было крайне опасно. Он страшно рисковал, ведь его могли поймать... И он это знал... Его и в самом деле чуть было не поймали... потому что он не успел добежать, как, вероятно, надеялся, до своего поста... Поэтому, чтобы вернуться туда, в спальню, у него должна была быть веская причина, о которой он вдруг неожиданно вспомнил уже после моего ухода, иначе он не отдал бы мне своего револьвера. Что же касается меня, то я, посылая папашу Жака в конец правой галереи, естественно, полагал, что Ларсан по-прежнему стоит на своем посту в конце сворачивающей галереи, а сам папаша Жак, которого я, конечно, не посвящал в подробности, отправляясь на свой пост, не обратил внимания, дойдя до пересечения двух галерей, стоит ли Ларсан на своем месте. В ту минуту папаша Жак был озабочен лишь тем, как бы быстрее и лучше выполнить мои указания. Что же это за непредвиденная причина, заставившая Ларсана вернуться в спальню еще раз? Что за причина?.. Я решил, что это, должно быть, какой-то осязаемый след его пребывания в комнате, который мог бы разоблачить его. Верно, он забыл там что-то очень важное. Но что?.. И успел ли найти эту вещь?.. Я вспомнил свечу на полу и наклонившегося мужчину... Я спросил госпожу Бернье, убравшую спальню, поискать хорошенько... и она нашла пенсне... Вот оно, господин председатель! — И Рультабий вы-

тащил из маленького пакетика уже знакомое нам пенсне. — Увидев это пенсне, я пришел в ужас... Я никогда не видел Ларсана в пенсне... А если он не носил пенсне, значит, оно ему было просто не нужно... Не говоря уже о том, что в тот момент, когда свобода движений была особенно для него важна, оно и вовсе было лишним... Что же означало это пенсне?.. Оно никак не вписывалось в мой круг. «*Ну а если, скажем, оно принадлежит дальнотормому человеку?*» — осенило меня вдруг. И в самом деле, я ни разу не видел Ларсана пишущим, ни разу не видел его читающим. Стало быть, он мог быть дальнотормом! В полиции об этом, конечно, знают, если *это и в самом деле так*, и наверняка должны узнать его пенсне... Вообразите себе: пенсне Ларсана, найденное в спальне мадемуазель Станжерсон, да еще после таинственных событий в загадочной галерее! Ларсану это грозило гибелью... Вот вам и разгадка, вот почему Ларсан вернулся в комнату!.. Оказалось, и правда Ларсан-Боллмейер плохо видит вблизи, и пенсне, которое, как я думал, *могли бы узнать в полиции*, действительно принадлежало ему...

Теперь, сударь, надеюсь, вы поняли, в чем смысл моей системы? — продолжал Рультабий. — Я не рассчитываю, что внешние знаки, то есть улики или вещественные доказательства, могут открыть мне истину, я только хочу, чтобы они не противоречили той истине, которую подсказывает мне мой здравый смысл, если, конечно, начать с нужного конца...

Что же касается Ларсана, то я, конечно, допустил ошибку, желая непременно увидеть его *лицо*, чтобы удостовериться в своей правоте; мне казалось, что Ларсан-убийца — это некое исключение из правил, требующее дополнительных гарантий и подтверждений. За что меня и постигла жестокая кара. Похоже, это мой здравый смысл решил отомстить за себя, возмущившись тем, что после событий в загадочной галерее я все никак не решался довериться ему, положившись окончательно и бесповоротно на его доводы и торжественно отказавшись от намерений найти иные доказательства виновности Ларсана, нежели неопровержимые доводы здравого смысла. Вот из-за чего мадемуазель Станжерсон был нанесен еще один страшный удар...

Рультабий умолкает. Волнение мешает ему говорить. Он достает платок...

* * *

— Но зачем понадобилось Ларсану вообще приходить в эту комнату? — спросил председатель. — Почему он дважды пытался убить мадемуазель Станжерсон?

— Да потому что он обожал ее, господин председатель...

— Вот уж действительно причина...

— Да, сударь, еще какая причина! Причина первостепенной важности. Он был безумно влюблен — и поэтому... и еще по многим другим причинам способен был на любое преступление.

— Мадемуазель Станжерсон знала об этом?

— Да, сударь, только она не знала, конечно, что человек, который ее преследовал, был в то же время и Фредериком Ларсаном, иначе Фредерик Ларсан не смог бы расположиться в замке, а тем более явиться вместе с нами к мадемуазель Станжерсон той ночью, после событий в загадочной галерее. Впрочем, я еще тогда заметил, что он старался держаться в тени и не поднимал головы... должно быть, искал потерянное пенсне. Ларсан преследовал мадемуазель Станжерсон и покушался на ее жизнь в другом обличье и под другим именем, которое было неизвестно нам, но могло быть известно ей...

— А вы, господин Дарзак? — спросил председатель. — Может быть, вам что-нибудь известно?.. Как могло случиться, что мадемуазель Станжерсон никому не говорила об этом?.. А ведь это не только помогло бы правосудию напасть на след убийцы, но избавило бы вас, если вы невиновны, от несчастья оказаться на скамье подсудимых.

— Мадемуазель Станжерсон ничего мне не говорила, — сказал г-н Дарзак.

— То, что рассказывает этот молодой человек, кажется вам допустимым? — снова спросил председатель.

— Мадемуазель Станжерсон ничего мне не говорила, — все так же невозмутимо отвечал г-н Робер Дарзак.

— Как вы объясняете тот факт, — продолжал председатель, обращаясь к Рультабию, — что в ночь убийства лесника преступник вернул документы, украденные у господина Станжерсона?.. И каким образом убийце удалось проникнуть в спальню мадемуазель Станжерсон, которая была заперта?

— О! Что касается вашего последнего вопроса, то, мне

думается, ответить на него нетрудно. Такой человек, как Ларсан-Боллмейер, должно быть, с легкостью мог раздобыть или изготовить каким-то образом необходимые ему ключи... Что же касается похищения документов, то мне кажется, что сначала Ларсан об этом и не помышлял. Решив во что бы то ни стало помешать браку мадемуазель Станжерсон с господином Робером Дарзаком и выслеживая ее повсюду, он в один прекрасный день отправляется вслед за мадемуазель Станжерсон и господином Робером Дарзаком в магазин «Лув», там он завладевает сумочкой мадемуазель Станжерсон, которую она потеряла или которую он выхватил у нее. В сумочке находится ключ с медной головкой. Он не знает ценности этого ключа до тех пор, пока в газетах не появляется объявление, данное мадемуазель Станжерсон. Тогда он пишет мадемуазель Станжерсон до востребования, как было указано в объявлении, и наверняка требует свидания с ней, сообщив при этом, что тот, у кого находятся и сумочка и ключ, и есть то самое лицо, которое с давних пор преследует ее своей любовью. Ответа он не получает. Справившись в почтовом отделении № 40, он узнает, что его письмо получено. А идет он туда, приняв уже обличье господина Дарзака, ибо, на все готовый, лишь бы заполучить мадемуазель Станжерсон, он предусмотрел, чтобы *при любых обстоятельствах господин Дарзак, которого любит мадемуазель Станжерсон и которого он ненавидит, желая его гибели всей душой, прослыл виновным.*

Я говорю «при любых обстоятельствах», но думаю, что тогда еще Ларсан не предполагал, что ему придется пойти на убийство. Во всяком случае, он сделал все возможное, чтобы под видом Дарзака так или иначе скомпрометировать мадемуазель Станжерсон. Впрочем, надо сказать, что Ларсан примерно одного роста с Дарзаком, да и размер обуви у них почти одинаковый. Так что при надобности ему нетрудно было, сняв мерку с отпечатка следов господина Дарзака, заказать себе по этому рисунку ботинки, которые он в нужный момент наденет. Для Ларсана-Боллмейера это детские игры.

Итак, никакого ответа на его письмо и никакого свидания, зато в кармане у него маленький драгоценный ключик. Ну что ж, раз мадемуазель Станжерсон не идет к нему, он сам решил пойти к ней! План у него созрел уже давно. Он загодя навел справки и подробнейшим образом

изучил все, что касалось замка Гландье и флигеля. И вот однажды после полудня, когда господин и мадемуазель Станжерсоны вышли на прогулку, а папаша Жак отлучился из флигеля, он проник туда через окно в прихожей. Оставшись на какое-то время в полном одиночестве, он спокойно стал изучать все вокруг. Оглядел мебель... Один из шкафов показался ему не совсем обычным, он чем-то напоминал сейф... Тут внимание его привлекла маленькая замочная скважина. Так, так! Весьма любопытно... А ключик-то с медной головкой лежал у него в кармане... Он вспомнил о нем... Отчего бы не попробовать? Он вставляет ключ в замочную скважину, дверца открывается... Бумаги! Должно быть, это очень ценные бумаги, если их заперли в такой необычный шкаф, да к тому же так дорожат ключом, который этот шкаф открывает... Что ж, это может пригодиться... Небольшой шантажик... Как знать, не поспособствует ли он его любовным домогательствам?.. Торопливо собрав в пакет все документы, преступник относит их в туалетную комнату, расположенную в прихожей. За время, истекшее с момента его экспедиции во флигель, до той ночи, когда был убит лесник, Ларсан успел ознакомиться с этими документами. Что же он с ними делает? Они ведь могут скомпрометировать его... И поэтому той ночью он относит их в замок... Не исключено, что, возвращая эти документы, заключавшие в себе двадцать лет работы, он надеялся на некоторую признательность со стороны мадемуазель Станжерсон... От такого человека всего можно ожидать — мало ли что может прийти ему в голову!.. Но каковы бы ни были причины, толкнувшие его на этот шаг, главное, что он вернул документы, *избавившись таким образом от них!*

Рультабий кашлянул несколько раз, и я сразу понял, что означает его кашель. Он был явно смущен, дойдя в своих объяснениях до этого момента, так как был вынужден не раскрывать до конца истинную причину ужасного поведения Ларсана по отношению к мадемуазель Станжерсон. В его рассуждениях чувствовались пробелы, его доводы вряд ли могли убедить всех, и председатель суда наверняка обратил бы на это внимание, если бы Рультабий, хитроющий, как обезьяна, не воскликнул в эту минуту:

— А теперь мы дошли до разгадки тайны Желтой комнаты.

* * *

В зале задвигали стульями, кое-кто попытался протиснуться вперед, послышалось энергичное шиканье. Всеобщее любопытство достигло наивысшего предела.

— Но мне казалось,— вмешался председатель,— что, согласно вашей гипотезе, господин Рультабий, тайна Желтой комнаты уже нашла свое объяснение. Сам Фредерик Ларсан и разъяснил нам ее, поменяв местами действующих лиц и поставив вместо себя господина Робера Дарзака. Совершенно очевидно, что дверь Желтой комнаты открылась, когда господин Станжерсон остался один, и что профессор позволил уйти человеку, который вышел из комнаты его дочери, не задержав его, возможно, *по просьбе самой дочери*, во избежание скандала!..

— Нет, господин председатель,— с живостью возразил молодой человек.— Вы забываете, что мадемуазель Станжерсон находилась в таком состоянии, что не могла ни о чем просить, не говоря уже о том, чтобы запереть за собой дверь на замок, да еще на задвижку... Вы забываете также, что господин Станжерсон поклялся головой своей умирающей дочери, *что дверь эта не открывалась!*

— Однако, сударь, это единственно возможное объяснение случившемуся! *Желтая комната была заперта, как сейф.* Пользуясь вашими же словами, позволю себе заметить, что убийца не имел возможности исчезнуть оттуда ни естественным, ни противоестественным путем! Когда комнату открыли, его там не обнаружили! А ведь должен же он был каким-то образом уйти оттуда!..

— Дело совсем не в этом, господин председатель...

— А в чем же?

— Куда ему было бежать, *если его там не было?*

Шум в зале...

— Как это не было?

— Разумеется, не было! *Ведь если его там не могло быть, значит, его там и не было!* Никогда не следует забывать о здравом смысле, господин председатель!

— А что же в таком случае прикажете делать с уликами, свидетельствующими о его пребывании там? — запротестовал председатель.

— Вы, господин председатель, начинаете не с того конца!.. А здравый смысл говорит вот о чем: с того момента, как мадемуазель Станжерсон заперлась у себя в

комнате, до той минуты, когда выломали дверь, убийца никак не мог уйти из этой комнаты, а раз его там не нашли, то, значит, в этот промежуток времени, то есть с того момента, как заперли дверь, и до той минуты, когда ее выломали, *убийцы в комнате не было!*

— А следы?

— Ах, господин председатель... Это опять-таки внешние улики, и только... Те самые внешние улики, которые влекут за собой столько судебных ошибок, *потому что заставляют вас верить себе!* Я снова повторяю, что не следует опираться на них в своих рассуждениях! Сначала надо рассуждать! А затем уже проверять, вписываются ли эти внешние улики в круг ваших рассуждений... Передо мной совсем маленький кружок, заключающий в себе неоспоримую истину: *убийцы в Желтой комнате не было!* Почему поверили в то, что он там был? Из-за оставленных им следов! Но ведь он мог находиться там *раньше!* Да что я говорю! Он *должен* был находиться там раньше — *до этого.* Здравый смысл подсказывает мне, что он был там *раньше!* Давайте сопоставим оставленные им следы с тем, что нам известно об этом деле, и посмотрим, противоречат ли они его предполагаемому *пребыванию там раньше... до того, как мадемуазель Станжерсон заперлась у себя в комнате в присутствии своего отца и папаши Жака!*

После появления статьи в «Матен» и беседы со следователем в поезде по дороге из Парижа в Эпине-сюр-Орж я окончательно убедился, что Желтая комната была наглухо закрыта и, следовательно, убийца исчез оттуда до того, как мадемуазель Станжерсон вошла в свою комнату в полночь.

В то время внешние улики самым решительным образом вступали в противоречие с моим здравым смыслом. Судите сами. Все говорило за то, что о самоубийстве и речи быть не может, значит, мадемуазель Станжерсон не сама себя убивала. Убийца приходил, видимо, *раньше!* Но как же так случилось, что убивали мадемуазель Станжерсон только потом? Или, вернее, казалось, что ее убивали потом? Мне, естественно, пришлось восстанавливать ход событий, которые четко делятся на два этапа, на два совершенно различных этапа, отстоящих друг от друга во времени, с разницей в несколько часов: первый этап — это когда мадемуазель Станжерсон действительно пытались убить, эту попытку она скрыла; второй — это когда вслед-

ствие мучившего ее кошмара те, кто находился в лаборатории, думали, что ее убивают!

Тогда еще я не осматривал Желтую комнату. Каковы же были раны, нанесенные мадемуазель Станжерсон? Остались следы удушения и страшного удара в висок... Следы удушения меня ничуть не смущали. Они-то как раз могли быть оставлены раньше, и мадемуазель Станжерсон их просто скрыла воротничком, шалью — да чем угодно! Ибо с того момента, как я вынужден был разделить это дело на два этапа, мне пришлось признать и тот факт, что *мадемуазель Станжерсон скрыла все события первого этапа;* у нее, конечно, были для этого достаточно веские основания, раз она ничего не сказала отцу; следовательно же она, естественно, рассказала о нападении убийцы, *присутствия которого она не могла отрицать,* как если бы покушение это произошло ночью, во время второго этапа! Она была вынуждена так поступить, иначе отец спросил бы ее: «Почему ты об этом ничего не сказала? Что означает твое молчание после такого неслыханного события?»

Вот потому-то она и скрыла пятна, оставшиеся от руки убийцы на ее шее. Но ведь была еще ужасная рана на виске! Тут я, по правде говоря, ничего не понимал! Особенно после того, как узнал, что в комнате нашли баранью кость — орудие преступления... Мадемуазель Станжерсон не могла скрыть, что ее ранили, и рана эта могла быть нанесена только во время первого этапа и, конечно, самим убийцей! Сначала я воображал, будто рана эта гораздо менее серьезная, чем говорили, — в этом я глубоко ошибался, — и думал, что мадемуазель Станжерсон спрятала рану на виске *под прической.*

Что же касается отпечатка на стене, оставленного рукой убийцы, раненного из револьвера мадемуазель Станжерсон, то этот отпечаток был, разумеется, оставлен *раньше,* и убийца был, безусловно, ранен во время первого этапа, то есть *когда он находился там!* Ну и конечно, все остальные следы пребывания убийцы были оставлены во время первого этапа: баранья кость, черные отпечатки башмаков, берет, носовой платок, кровь на стене, на двери, на полу... Несомненно одно: если следы убийцы все-таки остались, то потому лишь, что у мадемуазель Станжерсон, которая не хотела, чтобы это стало известно, и делала все возможное, чтобы никто ничего не узнал, не было времени уничтожить их. Это-то и натолкнуло меня на мысль, что

первый этап событий имел место *незадолго до второго*. Если бы после того, как убийца бежал, а сама она поспешила вернуться в лабораторию, где отец застал ее за работой,— так вот, если бы после покушения у нее была возможность хоть на короткое время снова заглянуть в свою комнату, она сразу же убрала бы по крайней мере баранью кость, берет и носовой платок, валявшиеся на полу. Но она и не пыталась этого сделать, так как отец не оставлял ее ни на минуту. Так что вернуться к себе в комнату она смогла лишь в полночь. И все-таки в десять часов туда входили — папаша Жак, по обыкновению, закрыл ставни в ее комнате и зажег ночник. Склонившись без сил над письменным столом в лаборатории, где она делала вид, будто работает, мадемуазель Станжерсон забыла, конечно, что папаша Жак должен войти в ее комнату. Внезапно вспомнив об этом, она просит папашу Жака не беспокоиться и не ходить к ней в комнату. Об этом прямо так и сказано в статье, напечатанной в «Матен». Однако папаша Жак все-таки идет туда, но ничего не замечает — настолько темно было в Желтой комнате... Зато мадемуазель Станжерсон пережила, должно быть, страшные минуты. Хотя, с другой стороны, она, возможно, и не подозревала, сколько следов оставил убийца в ее комнате. Ведь после покушения у нее едва хватило времени скрыть следы его пальцев на своей шее и выйти из комнаты... Если бы она знала, что кость, берет и носовой платок валяются на полу, она бы, конечно, подобрала их, когда в полночь вернулась к себе в комнату... Но она ничего не заметила при слабом свете ночника и стала раздеваться... Затем легла, чувствуя себя совсем разбитой после пережитого волнения, испытывая непреодолимый страх, тот самый страх, который заставлял ее оттягивать возвращение в эту комнату...

Мысленно я попытался восстановить второй этап разыгравшейся трагедии. Итак, что же произошло *после того, как мадемуазель Станжерсон осталась в комнате одна? Одна, так как убийцу-то в этой комнате не нашли...* Мне предстояло — и это вполне естественно — включить в круг моих рассуждений вещественные доказательства, то есть осязаемые следы, оставленные убийцей.

Однако, кроме них, оставалось еще многое другое, чему требовалось найти объяснение. Так, во время второго этапа раздались выстрелы. Слышались крики: «Спасите! Помо-

гите!...» Что при таких обстоятельствах мог подсказать мне мой здравый смысл, с какого конца мне следовало начать, чтобы не ошибиться? Ну, прежде всего относительно криков... Раз в комнате не было убийцы, *значит, там неизбежно присутствовал кошмар!*

Слышен был грохот опрокинутой мебели. Я попробовал представить себе, что же там происходило, и пришел к такому выводу: мадемуазель Станжерсон заснула, но ей не давала покоя недавняя ужасная сцена... И вот ей снится сон... Кровавый кошмар подступает к ней... Она вновь видит бросающегося на нее убийцу и с криком «Спасите! Помогите!» хватается за револьвер, который, перед тем как лечь, положила на ночной столик. Но рука ее с такой силой толкает этот столик, что он падает. Револьвер катится вместе с ним на пол, раздается выстрел, и пуля попадает в потолок... Эта пуля в потолке сразу же навела меня на мысль о случайном выстреле... Она подтверждала возможность случайности в этом деле и вполне соответствовала моей гипотезе с кошмаром, став одной из причин, заставивших меня окончательно поверить в то, что само преступление свершилось *раньше* и что мадемуазель Станжерсон, наделенная исключительным характером и необычайной энергией, скрыла это... Сначала кошмар, потом выстрел... Мадемуазель Станжерсон очнувшись в ужасном состоянии, она пытается встать, но тут же падает на пол, опрокидывая мебель и взывая о помощи, потом теряет сознание...

А между тем разговор, как вы помните, шел о двух выстрелах... По моим соображениям — и это уже был не домысел, — их тоже должно было быть два, но *по одному* на каждом этапе, а не сразу два друг за другом... Один выстрел, который ранил убийцу, прозвучал *раньше*, во время первого этапа, а другой — во время кошмара, то есть уже *после* покушения! Итак, верно ли то, что ночью стреляли дважды? Звуки выстрелов раздались в тот момент, когда с грохотом падала опрокинутая мебель. На допросе господин Станжерсон говорил о первом, глухом звуке и о последующем, более громком! А что, если глухой звук был следствием удара ночного столика об пол? Такое объяснение представляется мне единственно правильным. Я убедился в его верности, когда узнал, что сторожа, то есть Бернье с женой, находившиеся совсем рядом с флигелем, слышали *только один выстрел*. Они заявили об этом следователю.

Таким образом, я уже почти восстановил оба этапа этой драмы, когда в первый раз входил в Желтую комнату. А между тем тяжесть раны в висок не вписывалась в круг моих рассуждений. И значит, баранья кость была тут ни при чем: убийца не мог нанести такую серьезную рану во время первого этапа, потому что у мадемуазель Станжерсон не осталось бы сил скрыть ее, да она и не скрывала ее, как мне поначалу казалось, прической на прямой пробор. Но в таком случае напрашивался неизбежный вывод, что рана эта была получена во время второго этапа, то есть в момент кошмара. Вот об этом-то я и хотел спросить Желтую комнату, когда пришел туда, и Желтая комната дала мне ответ!

И тут все из того же маленького пакетика Рультабий вытащил листок белой бумаги, сложенный вчетверо, а из этого листка белой бумаги извлек невидимый предмет и, зажав его между большим и указательным пальцем, отнес председателю.

— Это, господин председатель, волос, белокурый волос, испачканный кровью, волос мадемуазель Станжерсон... Я нашел его приклеившимся к одному из мраморных углов опрокинутого ночного столика... Да и сам этот мраморный угол был в крови. О! На нем осталось совсем крохотное красное пятнышко, едва заметное, но для меня крайне важное, ибо оно, это маленькое пятнышко крови, поведало мне о том, что, поднявшись в испуге с кровати, мадемуазель Станжерсон упала и со всего размаха ударилась об этот мраморный угол, откуда рана на виске и этот волос, прилепившийся к углу, волос мадемуазель Станжерсон. Мне стало ясно, почему у мадемуазель Станжерсон не было необходимости менять прическу. Врачи заявили, что удар мадемуазель Станжерсон был нанесен *тупым предметом*, а под рукой у следователя оказалась баранья кость, и он тут же свалил вину на нее, *однако мраморный угол ночного столика тоже является тупым предметом, только ни врачи, ни судебный следователь не подумали о нем, да и сам я, возможно, не наткнулся бы на него, если бы не все тот же здравый смысл, который подсказал мне эту мысль и заставил предугадать этот самый угол.*

Зал снова чуть было не разразился аплодисментами, но Рультабий продолжал свои показания, и сразу же воцарилась тишина.

— Кроме имени убийцы, которое я узнал лишь через

несколько дней, мне оставалось определить время первого этапа разыгравшейся драмы. Допрос мадемуазель Станжерсон — хотя она и постаралась ввести в заблуждение судебного следователя, — а также господина Станжерсона помог мне определить это время. Мадемуазель Станжерсон с предельной точностью, чуть ли не по минутам, рассказала о том, как прошел ее день. Мы установили, что убийца пробрался во флигель между пятью и шестью часами; примерно в четверть седьмого профессор с дочерью уже вновь принялись за работу. Стало быть, это могло случиться в промежутке между пятью часами и четвертью седьмого. Что я говорю, какие пять часов! Ведь в это время профессор находился рядом с дочерью... А драма могла разыгаться лишь в отсутствие профессора! Следовательно, на этом коротком отрезке времени следует искать такой момент, когда профессор с дочерью не были вместе... Так вот этот момент я обнаружил во время допроса, проходившего в спальне мадемуазель Станжерсон в присутствии господина Станжерсона. Там было отмечено, что профессор с дочерью вернулись в лабораторию около шести часов. «В этот момент, — сказал господин Станжерсон, — ко мне подошел лесник и *задержал меня на какое-то время*». Стало быть, состоялся разговор с лесником. Лесник говорит с господином Станжерсоном о вырубке леса и о браконьерстве; мадемуазель Станжерсон уже ушла; она, видимо, вернулась в лабораторию, так как профессор добавил следующее: «Расставшись с лесником, я присоединился к дочери, которую застал уже за работой!»

Итак, значит, драма разыгралась в течение этих коротких минут. Иначе и быть не может! Я отлично представляю себе, как мадемуазель Станжерсон входит сначала во флигель, затем к себе в комнату, чтобы положить шляпу, и оказывается лицом к лицу с бандитом, который ее преследует. Тот уже какое-то время находится во флигеле. Должно быть, он все подготовил, чтобы осуществить свои намерения ночью. Сняв стеснявшие его движения башмаки папаши Жака — об этом я уже рассказывал следовательно, — он похищает документы — каким образом, я только что говорил, — затем прячется под кровать. И тут как раз возвращается папаша Жак, он моет полы в прихожей и в лаборатории... Время тянется медленно... Но вот после ухода папаши Жака преступник снова выбирается из-под кровати, бродит по лаборатории, выходит в прихожую,

выглядывает оттуда в сад и видит — ибо в ту минуту только начинало смеркаться и было еще достаточно светло, — что во флигель направляется *мадемуазель Станжерсон совсем одна*. Никогда бы он не осмелился напасть на нее в такой час, если бы не уверенность, что мадемуазель Станжерсон осталась одна! А если ему показалось, будто она одна, значит, разговор между господином Станжерсоном и задержавшим его лесником происходил в дальнем углу, в стороне от тропинки, *там самом углу, где находится небольшая рощица, скрывшая их от глаз злодея*. И тогда он решается. Ему спокойнее осуществить свой замысел сейчас, оказавшись во флигеле наедине с мадемуазель Станжерсон, чем глубокой ночью, когда папаша Жак спит на своем чердаке. *Он-то, верно, и закрыл окно в прихожей!* Тогда становится понятным, почему ни господин Станжерсон, ни лесник, находившиеся, впрочем, довольно далеко от флигеля, не слышали выстрела.

После этого преступник возвращается в Желтую комнату. Все произошло, видимо, с молниеносной быстротой!.. Мадемуазель Станжерсон, должно быть, закричала... или, вернее, хотела закричать от ужаса: еще бы, человек схватил ее за горло... Он может задушить ее, удавить... Однако рука мадемуазель Станжерсон нащупала тем временем в ящике ночного столика револьвер, который она прятала там, с тех пор как человек этот стал угрожать ей. Убийца уже размахивает над головой несчастной своим оружием, которое в руках Ларсана-Боллмейера становится страшным, — *бараньей костью*... Но мадемуазель Станжерсон успевает нажать на спусковой крючок... Раздается выстрел, пуля попадает в руку, выронившую свое оружие. Баранья кость, *испачканная кровью, которая течет из раны убийцы*, падает на пол, преступник шатается, хочет ухватиться за стену, оставляет на ней след своих окровавленных пальцев и, опасаясь новой пули, убегает...

Она видит, как он пересекает лабораторию... Прислушивается... Что он там делает в прихожей?.. Чего он мешкает, не прыгает в окно?.. Ну вот, наконец-то он спрыгнул! Она бежит к окну и закрывает его!.. А теперь узнать бы: видел что-нибудь отец? Или слышал? После того как опасность миновала, она думает только об отце... Сделав над собой нечеловеческое усилие, она старается скрыть от него все. Только успеть бы!.. И когда господин Станжерсон возвращается, дверь в Желтую комнату уже

закрыта, а его дочь сидит в лаборатории, склонившись над письменным столом, вся внимание и уже *за работой!* — Тут Рультабий поворачивается к г-ну Дарзаку. — Вы знаете правду, — воскликнул он, — ответьте же нам, так ли все происходило на самом деле?

— Я ничего не знаю, — отвечает г-н Дарзак.

— Вы просто герой! — говорит Рультабий, скрестив на груди руки. — Но если бы мадемуазель Станжерсон, увы, могла знать, что на вас пало обвинение, она освободила бы вас от данного вами слова... она сама попросила бы вас рассказать обо всем, что доверила вам... Да что там говорить — она сама пришла бы сюда, чтобы защитить вас!..

Господин Дарзак не шелохнулся и не вымолвил ни слова. Он только с грустью смотрел на Рультабия...

— Ну что ж, — продолжал тот, — мадемуазель Станжерсон, к сожалению, нет здесь, *зато есть я!* И поверьте, господин Дарзак, существует только один способ спасти мадемуазель Станжерсон и вернуть ей разум — это добиться вашего оправдания!

Гром аплодисментов был ответом на эту последнюю фразу. Председатель и не пытался сдержать энтузиазм зала. Робер Дарзак был спасен. Чтобы убедиться в этом, достаточно было взглянуть на заседателей. Всем своим видом они открыто выражали свое мнение.

— Но в конце-то концов, — воскликнул председатель, — что же это за тайна, вынуждавшая мадемуазель Станжерсон, которую пытались убить, скрывать от отца подобное преступление?

— Этого, сударь, я не знаю! — отвечал Рультабий. — И это не мое дело!..

Тогда председатель снова попробовал подступиться к г-ну Роберу Дарзаку.

— Вы по-прежнему отказываетесь сказать нам, сударь, что вы делали в то время, когда кто-то покушался на жизнь мадемуазель Станжерсон?

— Я не могу вам этого сказать, господин председатель...

Председатель взглядом молил у Рультабия каких-нибудь объяснений.

— Надо полагать, господин председатель, что отсутствие господина Робера Дарзака в известные нам дни самым непосредственным образом связано с тайной мадемуазель Станжерсон... Поэтому господин Дарзак почи-

тает своим долгом хранить молчание... Не исключено, что Ларсан, который три раза покушался на жизнь мадемуазель Станжерсон и при этом каждый раз делал все возможное, чтобы навлечь подозрения на господина Дарзака, сам назначал ему все три раза свидания в каком-нибудь компрометирующем его месте, свидания, где речь, видимо, должна была идти о той самой тайне... Господин Дарзак согласится скорее умереть, чем признается в чем-либо или объяснит что-либо, касающееся тайны мадемуазель Станжерсон. Ларсан достаточно хитер и вполне способен на такую проделку!..

Председатель как будто дрогнул, но не мог унять любопытства и снова задал все тот же вопрос:

— Однако что же это может быть за тайна?

— Ах, сударь, не могу вам сказать! — отвечал Рультабий, отвесив поклон председателю. — Только думается, что вы теперь довольно всего знаете и можете, наконец, оправдать господина Робера Дарзака!.. При условии, конечно, что не объявится Ларсан! Правда, я лично в такую возможность не верю! — сказал он и залился громким, радостным смехом.

И все вокруг стали смеяться вместе с ним.

— Еще один вопрос, сударь, — снова обратился к нему председатель. — Мы понимаем — если согласиться с вашим предположением, — что Ларсан хотел навлечь подозрения на господина Робера Дарзака, но какой интерес он преследовал, навлекая их также и на папашу Жака?

— Я бы сказал, чисто полицейский, сударь! Ведь в его интересах было доказать всем свою проницательность, разоблачив несостоятельность самим же им и подброшенных улик. Это было здорово придумано! Он доказывал невиновность одного, чтобы сразу же обвинить другого. Согласитесь, господин председатель, такое дело, как это, должно было готовиться Ларсаном загодя, исподволь. Говорю вам, он все досконально изучил и прекрасно знал каждого человека, вообще все. Если вы полюбопытствуете, каким образом ему удалось это, то узнаете, что какое-то время Ларсан был посредником между полицейской лабораторией и господином Станжерсоном, от которого тогда требовали опытов. Так что еще задолго до преступления у Ларсана была возможность дважды посетить флигель. Он загримировался таким образом, что даже папаша Жак не смог впоследствии его узнать, зато Ларсан нашел удобный слу-

чай и стащил у папаши Жака пару старых башмаков и ненужный берет, которые старик слуга господина Станжерсона завязал в платок, собираясь, верно, отнести все это одному из своих друзей, угольщику на дороге в Эпине. Когда же преступление было раскрыто, папаша Жак, узнавший принадлежавшие ему вещи, поостерегся сразу заявить об этом, считая, видно, что они могут бросить тень на него. Этим-то и объясняется его волнение, когда мы заговорили с ним о случившемся. Все это проще простого и ясно как божий день; впрочем, я вынудил Ларсана во всем признаться мне. И надо сказать, что сделал он это с явным удовольствием, ибо если он и бандит — а в этом, смею надеяться, никто больше не сомневается, — то все-таки еще и артист своего дела! Такой уж у него характер, у этого человека, такая манера... Точно так же он действовал и в деле ограбления банка «Креди универсель», и в деле с золотыми слитками. Кстати, эти дела, господин председатель, следует пересмотреть; надеюсь, вы понимаете, что, с тех пор как Боллмейер-Ларсан пробрался в полицию, в тюрьмах томятся невинные люди!

Глава XXVIII,

В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ПРЕДУСМОТРЕТЬ ВСЕГО

Оживление в зале, шепот, крики «браво». Метр Анри-Робер вносит предложение отложить рассмотрение дела ввиду поступивших дополнительно сведений, и прокурор соглашается с этим. Дело было отложено. На другой день г-на Робера Дарзака отпустили на поруки, а папашу Матье освободили совсем «за отсутствием состава преступления». Поиски Фредерика Ларсана не увенчались успехом. Таким образом, невиновность г-на Дарзака получила полное подтверждение. Он был спасен от нависшей над ним страшной угрозы, а после посещения мадемуазель Станжерсон у него появилась надежда, что заботливый уход близких людей скоро вернет ей разум.

Что же касается этого юнца Рультабия, то он, разумеется, стал героем дня. Толпа с триумфом вынесла его из зала заседаний Версальского суда. Газеты всего мира описывали его подвиги и помещали его фотографии, и он,

столько раз бравший интервью у разных знаменитостей, сам стал в свою очередь знаменитым и давал теперь интервью. Однако должен сказать, что он ничуть не возгордился.

Из Версаля мы вернулись с ним вместе, весело отужинав в ресторанчике «Курящий пес». И только в поезде я набросился на него с вопросами, весь вечер не дававшими мне покоя: мне стоило немалого труда молчать за ужином, я ведь знал, как не любит Рультабий работать за едой.

— Друг мой,— начал я,— это дело Ларсана просто великолепно и вполне достойно вашего героического ума.

Тут он прервал меня, попросив говорить проще, и стал уверять, что никогда не сможет утешиться, если такой светлый ум, как у меня, померкнет, погрузившись в мерзопакостную бездну глупости, тем более что причиной тому послужит мое восторженное к нему отношение.

— Перехожу к делу,— сказал я, немного обиженный.— Из всего, что произошло сейчас, я так и не понял, зачем вы ездили в Америку. Если не ошибаюсь, вы ведь и так все знали о Фредерике Ларсане, когда в последний раз покидали Гландье?.. Вы знали, что Ларсан — убийца, и для вас уже не составляло тайны, каким образом он готовил свои покушения?

— Верно. А вы,— сказал он, переводя разговор на другое,— вы разве ни о чем не догадывались?

— Ни о чем!

— Невероятно.

— Но, друг мой, вы так старательно скрывали от меня все! Не понимаю, каким образом я мог бы угадать ваши мысли... Скажите, когда я приехал в Гландье с револьверами, в тот момент вы уже подозревали Ларсана?

— Да! Я уже сделал вывод относительно событий в загадочной галерее, однако пенсне, объясняющее причину возвращения Ларсана в спальню мадемуазель Станжерсон, еще не было найдено... К тому же подозрение мое основывалось на чисто математических расчетах, а мысль о Ларсане-убийце казалась мне настолько чудовищной, что, прежде чем развивать ее дальше, я решил дождаться вещественных доказательств. И все-таки мысль эта не давала мне покоя, поэтому порой я заговаривал с вами о полицейском так, что вы должны были бы задуматься кое о чем. Прежде всего я уже не упоминал о его добрых намерениях и лучших побуждениях и не говорил вам, что

он заблуждается. Обсуждая с вами его методы работы, я называл их прискорбными и не скрывал своего презрения к Ларсану; вам казалось, что в этом выражалось мое отношение к нему как к полицейскому. Ничего подобного. Я подозревал в нем бандита, и в этом все дело, этим-то и объяснялось мое отношение к нему... Вспомните, перечисляя улики, выдвигавшиеся против господина Дарзака, я сказал: «Все это как будто бы подтверждает гипотезу великого Фреда, которую лично я считаю ложной. Она-то и ввела его в заблуждение...» И еще добавил — тоном, который должен был бы по меньшей мере удивить вас: «А теперь остается выяснить, действительно ли эта гипотеза вводит в заблуждение Фредерика Ларсана. Вот в чем вопрос! Именно в этом, и только в этом!» Мои последние слова: «Вот в чем вопрос! Именно в этом, и только в этом!» — должны были заставить вас призадуматься; в них, в этих словах, и выражались мои сомнения. А взять, например, такую фразу: «Действительно ли эта гипотеза вводит его в заблуждение?» Что она означала? Если сам он не ошибается, стало быть, его гипотеза призвана *вести в заблуждение нас!* Я смотрел на вас в этот момент, а вы даже не дрогнули и так ничего и не поняли... Говоря откровенно, я был рад этому, потому что, до того как нашлось пенсне, я не мог относиться к мысли о преступности Ларсана иначе, чем как к абсурдной гипотезе... Но зато после того, как было обнаружено пенсне, объяснившее мне причину возвращения Ларсана в спальню мадемуазель Станжерсон... Вспомните мою радость, мои восторги... О, я-то отлично это помню! Я как безумный бегал по комнате и кричал: «Великий Фред! Клянусь вам, я его обставлю... да еще как!» Слова эти, безусловно, относились к бандиту. И вспомните еще: в тот вечер, когда господин Дарзак поручил мне охранять спальню мадемуазель Станжерсон, я до десяти часов преспокойно ужинал вместе с Ларсаном, не принимая никаких мер предосторожности,— *пока он был рядом, мне нечего было беспокоиться!* И в этот момент, дорогой друг, вы опять-таки могли бы догадаться, что только этого человека я и опасюсь... А вспомните мои слова о Фредерике Ларсане, сказанные в ту минуту, когда мы с вами говорили о скором появлении убийцы: «Ну ничего, если сейчас его нет, ночью-то, я уверен, он будет!..»

Однако есть одна существенная деталь, которая могла бы и, безусловно, должна была бы полностью и сразу же

просветить нас относительно личности преступника, деталь, которая с головой выдавала Фредерика Ларсана и которую мы с вами оставили без внимания!.. Неужели вы забыли историю с тростью?

Да, кроме логических рассуждений, призванных разоблачить Ларсана в глазах любого здравомыслящего человека, была еще эта история с тростью, которая должна была бы изобличить его в глазах любого наблюдательного человека.

Так знайте же: я был крайне удивлен, когда во время следствия Ларсан не воспользовался тростью в качестве обвинения против господина Дарзака. Ведь трость эта была куплена вечером, в самый день преступления, причем приметы купившего ее человека полностью соответствовали внешности господина Дарзака. И представьте себе, я спросил у Ларсана, прежде чем он исчез, укатив на поезде, я спросил у него, почему он не использовал эту трость в качестве улики. Он ответил мне, что вовсе не собирался этого делать, что не замыслил против господина Дарзака ничего такого, что было бы связано с этой тростью, и что в тот вечер в кафе Эпине мы с вами поставили его в крайне затруднительное положение, *уличив во лжи*. Помните, он говорил, что эту трость ему подарили в Лондоне, а, судя по марке, она была куплена в Париже! Почему же в тот момент, вместо того чтобы думать: «Фред лжет; он был в Лондоне; он не мог получить в подарок парижскую трость в Лондоне», мы с вами не сделали такого вывода: «Фред лжет. Он не был в Лондоне, раз купил эту трость в Париже»? Фред — обманщик, Фред, который в момент покушения, оказывается, находился в Париже! Да это сразу же должно было бы навести нас на мысль о его причастности к преступлению! И когда после расспросов в лавке Кассета вы узнали, что трость эта была куплена мужчиной, и одеждой, и внешним видом напоминавшим господина Дарзака, а со слов самого господина Дарзака мы знали, что он не покупал никакой трости, хотя после истории с почтовым отделением № 40 нам уже было известно, что *в Париже есть человек, подделывающийся под Дарзака*, и мы задавались вопросом, кто же этот человек, который, приняв вид Дарзака, является вечером в день преступления в лавку Кассета и покупает трость, которую затем мы видим в руках у Фреда, — почему, почему, почему же тогда мы не сказали друг другу: «Но... но позвольте... а что, если

этот незнакомец, принявший вид Дарзака и купивший трость, оказавшуюся в руках у Ларсана... что, если... что, если... это и есть сам Фред?...» Разумеется, то обстоятельство, что он служил в полиции, отнюдь не благоприятствовало подобной гипотезе, и все-таки, после того как мы поняли, с каким ожесточением Фред нагромождает одну за другой улики против Дарзака и с какой яростью преследует несчастного, нас должен был бы поразить столь серьезный обман Фреда: у него в руках оказалась трость, которую он не мог получить в Лондоне. Пускай даже он нашел ее в Париже, обман с Лондоном все равно никуда не денешь. Все, даже его начальство, считали, будто он в Лондоне, а он в это время покупал трость в Париже! И еще одно обстоятельство: как же так получилось, что он ни разу не использовал эту трость, *найденную будто бы у Дарзака*, в качестве улики против него? Это объясняется весьма просто. Настолько просто, что мы с вами об этом не подумали... Ларсан купил трость после того, как был слегка ранен в руку выстрелом мадемуазель Станжерсон, с единственной целью: *иметь опору, всегда держать ее в руках, чтобы даже случайно не открыть руку и не дать увидеть рану на ладони*. Теперь понимаете, в чем дело?.. Вот что он сказал мне, этот Ларсан, и я припоминаю, как часто говорил вам, до чего мне кажется странным, что он никогда не расстаётся с этой тростью. За столом, когда мы вместе ужинали, он, едва выпустив из рук трость, сразу же хватался правой рукой за нож, который уже не выпускал. К сожалению, все эти детали всплыли в моей памяти уже после того, как я сделал окончательный вывод относительно Ларсана, и потому ничем не могли помочь мне. Так, например, в тот вечер, когда Ларсан сделал вид, будто его усыпили, и притворился спящим в нашем присутствии, я склонился над ним и незаметно проверил его ладонь. К тому времени на ней остался только пластырь, скрывавший рану, вернее, легкую царапину. Я понял, что теперь он вполне может утверждать, будто повредил руку как-нибудь иначе, и что револьверная пуля тут ни при чем. И все-таки в ту минуту для меня это был еще один осязаемый след, который отлично вписывался в круг моих рассуждений. Как сказал мне Ларсан, пуля лишь слегка задела ладонь, вызвав сильное кровотечение.

Если бы в тот момент, когда Ларсан обманул нас, мы проявили бóльшую проницательность и он почувствовал бы

опасность, то наверняка, чтобы сбить нас с толку и отвести от себя подозрения, вытащил бы на свет *выдуманную нами историю*, историю с тростью, найденной у Дарзака; однако события разворачивались настолько стремительно, что мы и думать забыли о трости! Тем не менее, сами того не подозревая, мы доставили немалое беспокойство Ларсану-Боллмейеру!

— Но,— прервал я его,— если, покупая эту трость, он не имел никакого злого умысла, зачем же в таком случае ему понадобилось преобразиться в Дарзака? Надевать непромокаемый плащ, котелок и так далее?

— Да затем, что это было как раз после покушения, и, совершив преступление, он тут же снова принял облик Дарзака, который сопровождал его на протяжении всего этого дела, подкрепляя известный вам злой умысел! Вы, конечно, понимаете, что *раненая рука сильно смущала его*, и, оказавшись на улице Оперы, он вдруг решил купить себе трость и тут же осуществил это решение!.. А было восемь часов! Человек, похожий на Дарзака, покупает трость, которую я вижу в руках у Ларсана!.. А я, я, догадавшись, что к этому времени *несчастье уже свершилось*, вернее, *только что свершилось*, и будучи почти уверенным в невиновности Дарзака, я все-таки не подозреваю Ларсана!.. Да, бывают минуты...

— Бывают минуты,— подхватил я,— когда даже самые великие умы...

Рультабий закрыл мне рот рукой. Продолжая расспрашивать его, я вдруг заметил, что он меня больше не слушает... Рультабий спал. И каких трудов стоило мне разбудить его, когда мы прибыли в Париж!

Глава XXIX

ТАЙНА МАДЕМУАЗЕЛЬ СТАНЖЕРСОН

В последующие дни мне представилась возможность снова спросить его, зачем он ездил в Америку и что там делал. Однако он и на этот раз не ответил ничего определенного, и узнал я ничуть не более того, что уже слышал от него в поезде по дороге из Версаля, затем он перевел разговор на другое, и мы стали обсуждать разные стороны этого дела.

Но вот настал день, когда он все-таки сказал:

— Да поймите же наконец, что мне необходимо было установить истинную личность Ларсана!

— Это-то как раз понятно,— заметил я,— но почему вам понадобилось ехать за этим в Америку?..

Повернувшись ко мне спиной, он закурил трубку. Дело, как выяснилось, касалось тайны мадемуазель Станжерсон. Рультабий решил, что разгадку этой тайны, связывавшей каким-то ужасным образом Ларсана с мадемуазель Станжерсон, тайны, никакого объяснения которой он, Рультабий, не мог найти в жизни мадемуазель Станжерсон во Франции, следует искать в жизни мадемуазель Станжерсон в Америке. И он сел на корабль. Там-то Рультабий наконец узнает, кто такой этот Ларсан, и соберет необходимые сведения, чтобы заставить его замолчать... Потому-то он и отправился в Филадельфию.

Итак, что же это за тайна, осуждавшая на молчание мадемуазель Станжерсон и г-на Робера Дарзака? По прошествии стольких лет, да еще после некоторых публикаций в скандальной хронике, к тому же теперь, когда г-н Станжерсон все знает и уже все простил, можно, пожалуй, снять покров с этой тайны. Впрочем, история эта не длинная, зато все станет на свои места, ибо нашлись-таки жалкие умы, во всем винившие мадемуазель Станжерсон, которая в этом мрачном деле всегда была жертвой — с самого начала и до конца.

Начало этой истории восходит к тем временам, когда совсем юная мадемуазель Станжерсон жила с отцом в Филадельфии. Там на каком-то вечере у одного из друзей отца она познакомилась со своим соотечественником, французом, который сумел очаровать ее своими манерами, складом ума, нежностью и своей любовью. Ходили слухи, будто он богат. В скором времени он попросил у знаменитого профессора руки мадемуазель Станжерсон. Профессор навел справки о г-не Жане Русселе и сразу же понял, что имеет дело с мошенником и проходимцем. Так вот этот самый г-н Жан Руссель и был, как вы уже, наверное, догадались, небезызвестным Боллмейером, преследуемым во Франции и укрывшимся в Америке, точнее, одной из его ипостасей. Однако г-н Станжерсон ничего этого не знал, его дочь, конечно, тоже. Но, получив не-

обходимые сведения, г-н Станжерсон не только отказал г-ну Русселю в руке своей дочери — он запретил ему бывать в своем доме. Юной Матильде, сердце которой открылось для любви, ее Жан представлялся совершенством, лучше и прекраснее его не было в целом мире; почувствовав себя оскорбленной, она не стала скрывать от отца своего недовольства, и тот отправил ее немного успокоиться на берега Огайо, к старой тетушке, проживавшей в городе Цинциннати. Но Жан и там отыскал Матильду, и, несмотря на величайшее почтение, которое она питала к своему отцу, мадемуазель Станжерсон осмелилась обмануть бдительность старой тетушки и бежать с Жаном Русселем: оба они были преисполнены решимости, воспользовавшись попустительством американских законов, как можно скорее сочетаться браком. Так оно и случилось. Однако убежали они недалеко, не дальше Луисвилла. И там-то в одно прекрасное утро в дверь к ним постучали. То была полиция, явившаяся арестовать г-на Жана Русселя и не обращавшая внимания ни на его протесты, ни на слезы дочери профессора Станжерсона. Полиция не преминула сообщить Матильде о том, что ее муж был не кто иной, как хорошо, вернее, печально всем известный Боллмейер!..

В совершенном отчаянии после безуспешной попытки покончить с собой Матильда вернулась к тетке в Цинциннати. Увидев ее, та чуть было не умерла от радости. Целую неделю она неустанно всюду разыскивала Матильду и все еще не решалась известить об этом отца. Матильда заставила тетушку поклясться, что г-н Станжерсон никогда ни о чем не узнает. А тетушка, кляня себя за невольное попустительство в столь серьезном деле, разумеется, только об этом и мечтала. Месяц спустя мадемуазель Матильда Станжерсон возвратилась к отцу с раскаянием в душе и сердцем, навсегда закрытым для любви, она желала лишь одного: никогда больше не слышать о своем муже, ужасном Боллмейере, искупить свою вину в собственных глазах и оправдаться перед собственной совестью беззаветным трудом и безграничной преданностью отцу.

Она сдержала слово. Однако в тот момент, когда, во всем признавшись г-ну Роберу Дарзаку и думая, что Боллмейер умер, так как прошел слух о его смерти, она после стольких лет искупления решила даровать себе высшую радость и соединить свою жизнь с надежным другом, судьбе угодно было воскресить из мертвых Жана Руссе-

ля — Боллмейера ее юных лет! Тот дал ей знать, что никогда не допустит ее брака с г-ном Робером Дарзаком и что по-прежнему любит ее. Увы, это и в самом деле было так.

Мадемуазель Станжерсон без колебаний доверилась г-ну Роберу Дарзаку; она показала ему то самое письмо, в котором Жан Руссель — Фредерик Ларсан-Боллмейер напоминал ей о первых часах их союза в маленьком, очаровательном домике, который они сняли на время в Луисвилле: «...Дом священника не утратил своего очарования, и сад по-прежнему благоухает». Злодей писал, что он богат, и выражал намерение отвезти ее туда. Мадемуазель Станжерсон заявила г-ну Дарзаку, что, если отец хотя бы заподозрит ее в таком бесчестье, она наложит на себя руки. Г-н Дарзак поклялся, что заставит молчать американца любой ценой, пускай даже ценой преступления. Однако г-ну Дарзаку это было не по силам, и он наверняка потерпел бы неудачу, если бы не этот славный человек — Рультабий.

Что же касается мадемуазель Станжерсон, то посудите сами, могла ли она противостоять чудовищу. В первый раз, когда после предварительных угроз, заставивших ее держаться настороже, он возник перед ней в Желтой комнате, она пыталась убить его. К несчастью, ей это не удалось. И с той минуты она стала беззащитной жертвой этого человека-невидимки, который мог шантажировать ее до самой смерти, жил у нее в доме с нею рядом, причем она об этом не подозревала, и требовал свидания во имя былой любви. Сначала она отказала ему в свидании, на котором он настаивал в письме, адресованном до востребования в почтовое отделение № 40, что и послужило причиной трагедии, разыгравшейся в Желтой комнате. Затем, получив от него новое письмо, пришедшее по почте и доставленное ей обычным путем в ее комнату, где она едва начинала приходить в себя после первого покушения, мадемуазель Станжерсон снова уклонилась от свидания, запершись со своими сиделками у себя в будуаре. В этом письме злодей предупреждал, что раз она, ввиду ее состояния, не может передвигаться, то он сам явится к ней и будет в ее спальне в такую-то ночь, в такой-то час... и пусть она примет все меры, дабы избежать скандала... Матильда Станжерсон, зная, что от отчаянного Боллмейера всего можно ожидать, оставила в его распоряжение свою спальню... Тогда-то

и произошли в загадочной галерее известные вам события. В третий раз она устроила все так, чтобы свидание состоялось. Дело в том, что, прежде чем покинуть пустую спальню мадемуазель Станжерсон в ночь событий в загадочной галерее, Ларсан, как мы помним, написал ей последнее письмо и оставил его на столе своей жертвы; в этом письме он требовал «эффективного» свидания, назначив день и час и пообещав ей вернуть бумаги отца, одновременно угрожая сжечь их, если она снова скроется. Мадемуазель Станжерсон несколько не сомневалась, что драгоценные документы и в самом деле находятся в руках этого негодяя; он наверняка повторил свою знаменитую кражу, ибо она давно уже подозревала, что тогда, в Филадельфии, именно он при ее невольном содействии похитил из ящиков отца бесценные бумаги... И она достаточно хорошо его знала, чтобы понять: не подчинись она его воле — и от стольких лет работы, стольких усилий и стольких научных надежд вскоре останется один только прах. Поэтому она решила еще раз увидеться с ним, лицом к лицу встретиться с человеком, который некогда был ее мужем, и попытаться тронуть его сердце... Легко догадаться о том, что произошло... Мольбы Матильды, жесткая непреклонность Ларсана... Он требует, чтобы она отсеклась от Дарзака... Она говорит о своей любви... И он наносит удар... с мыслью отправить на эшафот другого! Ибо он-то, конечно, хитер и ловок, а маска Ларсана, за которой он надеется скрыться, поможет ему спастись... Так он думает... В то время как тот, другой... тот, другой, и на этот раз снова не сможет сказать, где был и что делал в момент преступления... В этом отношении, будьте уверены, Боллмейер принял все необходимые меры предосторожности... Хотя мысль его, как правильно угадал юный Рультабий, была предельно проста...

Ларсан шантажировал Дарзака точно так же, как шантажировал Матильду, пользуясь тем же оружием — все тою же тайной... В своих письмах, настоятельных, словно приказы, он выражает готовность вступить в переговоры, отдать всю любовную переписку прежних лет, а главное, исчезнуть — за хорошую цену, конечно... Дарзак вынужден ходить на свидания, которые тот ему назначает под угрозой немедленного разглашения тайны, точно так же как Матильда вынуждена соглашаться на свидания, которых он требует... И в тот самый час, когда Боллмейер покушается

на жизнь Матильды, Робер появляется в Эпине, где сообщник Ларсана, существо довольно странное, порождение злых сил, с которым мы еще когда-нибудь встретимся, удерживает его силой, заставляя терять драгоценное время и дожидаясь, пока это страшное совпадение, о причинах которого завтрашний подсудимый ни за что не решится рассказать, не заставит его совсем потерять голову...

Однако Боллмейер совершил грубую ошибку, не приняв в расчет нашего Жозефа Рультабия!

* * *

Но теперь, когда тайна Желтой комнаты наконец раскрыта, не следовать же нам за Рультабием в Америку, не отставая от него ни на шаг. Мы знаем юного репортера, знаем, какими мощными средствами информации, скрытыми в двух бугорках у него на лбу, он располагал, чтобы до конца распутать полную приключений историю мадемуазель Станжерсон и Жана Русселя. В Филадельфии он сразу же получил все необходимые сведения, касающиеся Артура Ранса; Рультабий узнал о его самоотверженном поступке, но в то же время и о цене, которую тот рассчитывал за это получить. В свое время в гостиных Филадельфии пошли толки о предстоящем будто бы браке между ним и мадемуазель Станжерсон... Такая нескромность молодого ученого, его неустанные домогательства, которыми он продолжал досажать мадемуазель Станжерсон даже в Европе, беспорядочная жизнь, которую он вел под предлогом того, что хотел-де утопить свое горе, — все это не вызывало у Рультабия симпатии к Артуру Рансу; этим-то и объясняется та холодность, с какой он встретился с ним в зале для свидетелей. Впрочем, он сразу же понял, что Ранс ни в коей мере не причастен к делу Ларсан — Станжерсон.

Итак, Рультабию оставалось выяснить, кем же был этот Жан Руссель. Поэтому из Филадельфии он отправился в Цинциннати, проделав путешествие, совершенное некогда Матильдой. В Цинциннати он разыскал старую тетюшку и сумел расположить ее к разговору. История с арестом Боллмейера пролила некоторый свет на события, и ему все стало ясно. В Луисвилле он посетил «дом священника» — красивое и скромное жилище в старом колониальном стиле, которое и в самом деле «не утратило своего очарова-

ния». Затем, распроставшись с прошлым мадемуазель Станжерсон, он устремляется вслед за Боллмейером — из тюрьмы в тюрьму, с каторги на каторгу, от преступления к преступлению; и когда, наконец, Рультабий отплывал уже обратно в Европу, он знал, что именно здесь, с этого самого причала, пять лет назад ступил на корабль Боллмейер, имея в кармане документы на имя некоего Ларсана, почтенного коммерсанта из Нового Орлеана, которого незадолго до этого он убил...

Ну а теперь вы, конечно, полагаете, что вам полностью известна тайна мадемуазель Станжерсон? Ошибаетесь. *От брака с Жаном Русселем у мадемуазель Станжерсон родился ребенок — мальчик.* Ребенок этот родился во время пребывания мадемуазель Станжерсон у старой тетюшки, которая настолько ловко все устроила, что в Америке никто и никогда так ничего и не узнал. Вы спросите, что случилось с этим мальчиком? Но это уже другая история, которую когда-нибудь я вам обязательно расскажу.

* * *

Прошло около двух месяцев после описанных здесь событий, и я снова повстречал Рультабия. Он в задумчивости сидел на скамье во Дворце правосудия.

— О чем это вы задумались, мой дорогой друг? — обратился я к нему. — Вид у вас довольно печальный. Как поживают ваши друзья?

— А разве, кроме вас, у меня есть истинные друзья? — ответил он мне.

— Но я надеюсь, что господин Дарзак...

— Конечно, конечно...

— И что мадемуазель Станжерсон... Кстати, как ее здоровье?

— Много лучше... лучше... намного лучше...

— Так отчего же вы печалитесь?

— Я грущу оттого, — сказал он, — что мне вспомнились *духи дамы в черном*...

— *Духи дамы в черном!* Я слышу, вы всегда говорите о них! Так объясните же мне наконец, почему они с такой настойчивостью преследуют вас?

— Когда-нибудь, может быть... Возможно, когда-нибудь... — молвил Рультабий.

И глубоко вздохнул.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I, в которой начинаешь ничего не понимать	5
Глава II, в которой впервые появляется Жозеф Рультабий	14
Глава III. «Человек, словно тень, прошел сквозь ставни»	21
Глава IV. На лоне дикой природы	31
Глава V, в которой Жозеф Рультабий обращается к г-ну Роберу Дарзаку со словами, производящими определенный эффект	35
Глава VI. В глуши дубравы	41
Глава VII, в которой Рультабий отправляется в экспедицию под кровать	53
Глава VIII. Судебный следователь допрашивает мадемуазель Станжерсон	61
Глава IX. Репортер и полицейский	67
Глава X. «Теперь самое время отвесть свежатинки»	76
Глава XI, в которой Фредерик Ларсан объясняет, каким образом убийца смог выйти из Желтой комнаты	85
Глава XII. Трость Фредерика Ларсана	107
Глава XIII. «Дом священника не утратил своего очарования, и сад по-прежнему благоухает»	112
Глава XIV. «Сегодня вечером я жду убийцу»	123
Глава XV. Западня	130
Из записок Жозефа Рультабия	130
Глава XVI. Странное явление распада материи	142
Из записок Жозефа Рультабия (продолжение)	142
Глава XVII. Загадочная галерея	145
Глава XVIII, в которой Рультабий чертит круг между двумя бугорками на лбу	154
Из записок Жозефа Рультабия (продолжение)	154
Глава XIX, в которой Рультабий приглашает меня отобедать в харчевне «Донжон»	156
Глава XX. Станный поступок мадемуазель Станжерсон	169
Глава XXI. В засаде	174
Глава XXII. Негаданная жертва	183
Глава XXIII. Двойной след	188
Глава XXIV. Рультабий знает обе половинки убийцы	192
Глава XXV. Рультабий отправляется в путешествие	201
Глава XXVI, в которой все с нетерпением ожидают Жозефа Рультабия	202
Глава XXVII, в которой Жозеф Рультабий является во всем блеске своей славы	209
Глава XXVIII, в которой выясняется, что никогда нельзя предугадать всего	243
Глава XXIX. Тайна мадемуазель Станжерсон	248

Литературно-художественное издание
для СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Леру Гастон

ТАЙНА ЖЕЛТОЙ КОМНАТЫ

Роман

Ответственный редактор *А. С. Ляуэр*
Художественный редактор *В. А. Горячева*
Технический редактор *М. В. Газарина*
Корректор *Л. А. Рогова*

ИБ № 11711

Сдано в набор 21.02.90. Подписано к печати 26.06.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 2. Шрифт таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отг. 14,28. Уч.-изд. л. 13,97. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4188. Цена 95 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Л49 Леру Г. Тайна Желтой комнаты: Роман/Пер. с фр. Н. Световидовой; Худож. А. Вальдман.—М.: Дет. лит., 1990.— 255 с.: ил. (Б-ка приключений и научной фантастики).

ISBN 5—08—001364—8

Роман «Тайна Желтой комнаты» знакомит советских читателей с Рультабием — героем целой серии детективных романов французского классика этого жанра Гастона Леру. Рультабий продолжает линию знаменитых детективов — Дюпона Эдгара По и Шерлока Холмса Конан Дойла. Журналист по профессии, Рультабий использует свои уникальные способности для разгадки непостижимого в своей загадочности преступления.

Л 4804010100—326
М101(03)-90 465—90

ББК 84.4Фр

